

ЭКСПЕРТ

13 ДЕКАБРЯ 2021

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДОКЛАД

WWW.EXPERT.RU

«ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:

30 ЛЕТ

НЕЗАВИСИМОСТИ»

Журнал «Эксперт» запускает новый спецпроект –
«Суперзеленая экономика».

Мы хотим собрать и представить публике лучшие практики экологизации российской экономики, внедрения наилучших технологий бережливого использования ресурсов и адаптации российского бизнеса к современным экологическим требованиям.

Если ваш бизнес занимается одним из этих направлений:

- вторичной переработкой промышленных отходов;
- изготовлением продукции из вторичного сырья;
- вторичным использованием энергии;
- аудитом и внедрением программ по снижению вредных выбросов промышленных предприятий,

пишите на адрес DVU@expert.ru, наш корреспондент свяжется с вами и сделает материал о вашей компании на страницах журнала «Эксперт».

ОТ РЕДАКЦИИ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:
ГЕОЭКОНОМИКА ВАЖНЕЕ ГЕОПОЛИТИКИ 4

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

ТРАЕКТОРИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ 6

«ИНТРОВЕРТНАЯ» И «ЭКСТРАВЕРТНАЯ»
СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ 8

О том, как государства Центральной Азии искали
себя в реалиях постсоветской независимости

«ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИМ СТРАНАМ УДАЛОСЬ
СТАТЬ ЗАМЕТНЫМИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ
АРЕНЕ» 11

«СОЗДАНИЕ ПОНЯТНЫХ ПРАВИЛ ПОМОЖЕТ
ПРИВЛЕЧЬ ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ» 12

КАЗАХСТАН: ЭВОЛЮЦИЯ
ВОПРОТИВ ВЫЗОВОВ 14

Опираясь на стратегическое планирование и полити-
ческую волю своего Первого Президента, Казахстан
развивается как сильная и открытая экономика

«В КАЗАХСТАНЕ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ПОСТРОЕ-
НА ИСХОДЯ ИЗ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ» 20

УЗБЕКИСТАН: СТАБИЛЬНОСТЬ ЦЕНОЙ
СТАГНАЦИИ 23

Модель государственного капитализма с элемен-
тами директивного планирования стала тормозом
развития

ТУРКМЕНИСТАН: ДОБРОВОЛЬНАЯ
САМОИЗОЛЯЦИЯ 26

Во всей «центральноазиатской пятёрке» Туркме-
нистан стоит особняком буквально с первых дней
обретения независимости

ТАДЖИКИСТАН: В ТЕНИ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 29

Страна прошла через долгую, разрушительную и
бессмысленную войну, но выдержать испытание
мирным временем оказалось ничуть не легче

КЫРГЫЗСТАН: КАТАСТРОФА НЕПРОДУМАННОЙ
ДЕМОКРАТИИ 32

Благие намерения создать из отсталой союзной ре-
спублики процветающую либеральную демократию
отбросили страну на годы назад в развитии

ЭНЕРГЕТИКА ОТНОШЕНИЙ

НАЙТИ БАЛАНС В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

«ВСЕ БОЛЬШЕ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ
БУДУТ ПЫТАТЬСЯ ВЫСТРАИВАТЬ
ОТНОШЕНИЯ С РЕГИОНОМ»

УЗЕЛ ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

В ЦЕНТРЕ «БОЛЬШОЙ ИГРЫ»

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК

Как бывшая окраина СССР возвращает себе истори-
ческий статус торгового и логистического коридора
между Востоком и Западом

«РОЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НЕИЗБЕЖНО
ВОЗРАСТЕТ»

«ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ СТРАНЫ ПРОВОДЯТ
МНОВЕКТОРНУЮ ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ»

«ПРОВЕДЕНИЕ МНОВЕКТОРНОЙ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ ЖИЗНЕННО НЕОБХОДИМО»

МЕЖ ТРЕХ ЦЕНТРОВ ПРИТЯЖЕНИЯ

Как Центральная Азия на новом витке глобализации
оказалась ареной противоборства и сотрудничества
трех мировых центров силы

БАЛАНС В СОБСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСАХ

«ИМЕЕТСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ДЛЯ РОСТА ТОРГОВЛИ»

ПРАВИЛА «НОВОЙ БОЛЬШОЙ ИГРЫ»

ЭНЕРГОРЕСУРСЫ

РЕСУРСНОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ ИЛИ
СЫРЬЕВОЕ ПРОКЛЯТИЕ

КАК ГРАМОТНО ЗАКРУТИТЬ ПОТОКИ

Диверсификация поставок нефтегазового сырья
центральноазиатскими странами-экспортерами
оказалась для них выигрышной в стратегическом
плане

КУДА ПОДУЕТ ВЕТЕР

Для облегчения перехода к низкоуглеродной эко-
номике у Центральной Азии есть возобновляемые
источники энергии. Остается только суметь ими
воспользоваться

«ЛИДЕР — КАЗАХСТАН, УЗБЕКИСТАН ИДЕТ
СЛЕДУЮЩИМ»

ФИНАНСЫ И ИНВЕСТИЦИИ

В ПОИСКАХ ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ

ДОРОГИ К МОДЕРНИЗАЦИИ

Существует ли общее ядро у сегодняшних экономик
стран Центральной Азии?

35 ЦЕНТРОБАНКИ ПРОТИВ ИНФЛЯЦИИ:
НЕРАВНАЯ БОРЬБА 75
36 Монетарная политика пока приводит к желаемым
результатам не во всех странах Центральной Азии

ДОЛГИ ТЯЖКИЕ 78
38 О проблемах бюджетной политики и госдолга стран
Центральной Азии

БАНКИ СТАНОВЯТСЯ СОВРЕМЕННЫМИ 81
О становлении и модернизации банковской системы
в странах региона

МОЛОДОСТЬ ОТКРЫТА ИННОВАЦИЯМ 86

КАК «ГОЛУБАЯ ФИШКА» ЛЯЖЕТ 87
Или что происходит на фондовом рынке Централь-
ной Азии

ЭКОНОМИКА СТАНОВИТСЯ ЧАСТНОЙ 90
Приватизация должна помочь привлечь компетенции
и повысить уровень корпоративного управления

ПРОГНОЗ БЛАГОПРИЯТНЫЙ 92

ПЯТЬ ДВЕРЕЙ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ
ИНВЕСТОРОВ 94
Какова специфика инвестиционного климата с цен-
тральноазиатским колоритом

«РЕФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ
ВСЕГДА БЫЛО ПРИОРИТЕТОМ
ДЛЯ РУКОВОДСТВА КАЗАХСТАНА» 98

ДЛЯ ЧЕГО ИЩУТ ИНВЕСТИЦИИ? 100
Актуальные проекты и перспективы для инвесторов

ОПРАВДЫВАЮТ ЛИ ВЛАСТИ НАДЕЖДЫ
МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА? 102
О том, каковы успехи поддержки предприниматель-
ства в странах региона

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ КАК МЕСТО ДЛЯ ЖИЗНИ

ЖИТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 104

БЕДНОСТИ — БОЙ! 106
О том, как страны Центральной Азии борются с бед-
ностью и развивают средний класс

ЖИЗНЕННАЯ СРЕДА: ВЫХОДЫ И ТУПИКИ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ЛОВУШКИ 110
О том, какова на сегодня демографическая ситуа-
ция в регионе, как обстоят дела с урбанизацией и
миграцией и как развиваются наука и спорт

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ 124

ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ДО 2050 ГОДА 126

50 тыс. долларов — средний доход на человека,
средний класс и жизнь, как в Европе. Готова ли Цен-
тральная Азия начать золотой век 2.0

ЛЮДИ НОМЕРА

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ЯН ЧЭН

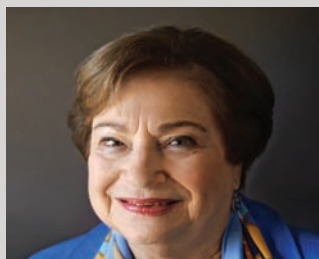
«За последние 30 лет независимости страны Центральной Азии смогли укрепить свою международно-правовую субъектность. Поскольку у многих международных игроков в регионе имеются серьезные интересы, центральноазиатские страны проводят многовекторную внешнюю политику, которая является очень мудрым и рациональным выбором».

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ИВАН ТИМОФЕЕВ

«Важно помнить, что народы Центральной Азии обладают тысячелетней историей и культурой. Поэтому нужно очень аккуратно давать оценки, внимательно слушать живущих там людей. И кое-чему учиться у них».

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

АНЖЕЛА СТЕНТ

«Выход западной коалиции из Афганистана приведет к большей регионализации. И поэтому центральноазиатским странам придется и дальше находить баланс между разными игроками в регионе, с чем, по моему мнению, они весьма эффективно справляются».

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

НАНДАН УННИКРИШНАН

«Мне кажется, трудно переоценить роль центральноазиатских стран в качестве посредников в разрешении региональных конфликтов. Даже переговоры по Сирии проходили в Казахстане. Руководство Казахстана заработало достаточный кредит доверия на международной арене, чтобы предоставить нейтральную площадку, где вовлеченные стороны могли бы встречаться, не опасаясь того, что на них будет оказываться какое бы то ни было влияние или давление. Это значительное достижение».

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

МАРЛЕН ЛАРЮЭЛЬ

«Центральноазиатским странам удалось стать заметными на международной арене, и Казахстану больше, чем остальным. И они смогли успешно противостоять давлению внешних сил, включая Запад, Россию или Китай».

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

АЛЕКСАНДР ГАБУЕВ

«Поскольку МФЦА, вероятно всего, на обозримую перспективу будет единственным для компаний из Центральной Азии «инвестиционным окном», находящимся непосредственно в регионе, то логично, что хотя бы часть из них будут обращаться именно туда — а не только в Лондон или Дубай. Если завтра где-то в регионе захотят создать другой МФЦ, у Казахстана будет фора по времени».

Корпоративный и инвестиционный консалтинг:
компания «Минфин»

Главный редактор Татьяна Гурова

Первый заместитель главного редактора Александр Ивантер

Заместители главного редактора Михаил Рогожников, Петр Скоробогатый, Николай Ульянов

Научный редактор Александр Привалов

Выпускающий редактор Гелена Сает

Арт-директор Кирилл Рубцов

Ответственный секретарь Елена Платонова

Редакторы отделов Лина Калянина (конъюнктура), Вера Краснова (менеджмент), Виталий Лейбин (наука и технологии), Евгения Обухова (экономика), Петр Скоробогатый (политика), Вячеслав Суриков (культура), Николай Ульянов (промышленность) /

Обозреватели Александр Астапов, Алексей Грамматчиков, Александр Механик, Евгений Огородников, Тихон Сысоев /

Специальные корреспонденты Ирина В. Кириченко, Алексей Щукин /

Корреспонденты Виктория Безуглова, Алексей Долженков, Софья Инжинова, Сергей Кудияров, Сергей Куликов, Александр Лабыкин, Константин Пахунов /

Креативный директор Константин Романов /

Художник Игорь Шапошников /

Директор фотослужбы Александр Сидоров / **Фотокорреспондент** Олег Сердечников /

Производственно-издательский отдел Андрей Коробко, Ольга Теплова /

Сканирование Константин Кудрявцев /

Верстка Наталья Стародубова, Людмила Хлопкова, Игорь Гришин (дизайнер) /

Литературное редактирование Дарья Балтрушайтис, Андрей Уткин /

Корректра Маргарита Быкова, Любовь Штаханова /

При подготовке блоков новостей использованы материалы агентств: АК&М, «Интерфакс», «МФД-Инфоцентр», «АЗИ «ПРАЙМ», «Росбизнесконсалтинг», «Финмаркет», Associated Press. Тираж сертифицирован Национальной тиражной службой / Телефон отдела рекламы журнала «Эксперт»: (495) 510 5645 / Размещение рекламы в региональных изданиях журнала «Эксперт»: (495) 510 5645 / Размещение рекламы на сайте: (495) 510 5645 / Отдел исследований и конференций (495) 510 5645 / Адрес редакции: 125866 Москва, ул. Правды, д. 24 (НГК), 6-й этаж / Для писем: 127137 Москва а/я 33. E-mail: ask@expert.ru / Адрес web-сайта: www.expert.ru / Секретариат редакции — (495) 789 4465, факс (495) 228 0078, главный редактор, генеральный директор, арт-директор, заместители главного редактора, научный редактор. Отделы редакции: экономики, политики, международный, компаний и менеджмента, конъюнктуры, инноваций, культуры и общества, информационная служба, промышленности, редакция региональных приложений, верстка, рерайт, фотоархив, художники, печать — (495) 789 4465. Административные отделы: маркетинга, кадров, юридический — (495) 789 4465 информационных технологий — (495) 228 0080, бухгалтерия — (495) 609 6625 / По вопросам подписки — 8 800 200 80 10 (бесплатная линия для жителей РФ) или (495) 789 4467. e-mail: podpiska@expert.ru. О случаях отказа в приеме подписки, отсутствии в продаже журнала «Эксперт», нарушениях сроков доставки, о других недостатках в нашей работе звоните, пожалуйста, по бесплатному телефону 8 800 200 8010.

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях и сообщениях информационных агентств. Редакция не предоставляет справочной информации. Перепечатка материалов из журнала «Эксперт» только по согласованию с редакцией. Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» 72550. Учредитель ЗАО «Медиахолдинг «Эксперт»». Зарегистрировано в Россыязкомнадзоре РФ, ПИ № ФС77-35211 от 06 февраля 2009 г. Издатель ООО «Издательство «Эксперт»». ISSN: 1812-1896

Отпечатано в АО «Можайский полиграфический комбинат», 143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, д. 93. Тираж 92 000 экз. Цена свободная. © ООО «Издательство «Эксперт»», 2021 г.

Исполнительный директор Дмитрий Васильев

Издатель Александр Попцов

Директор розничного распространения
Елена Другуш

Директор по производству Владимир Котов

Коммерческий департамент:
Коммерческий директор Ирина Пшеничникова

Коммерческий отдел
тел. (495) 510 56 45 adv@expert.ru:
Елена Левакова, Анна Хороманская,
Анна Чернышева

Руководитель группы дизайна Елена Другуш

Директор по маркетингу Олег Хинкис

Директор по персоналу Елена Рудакова

«Эксперт Online»
Главный редактор редакции «Эксперт Online»
Михаил Рогожников
Редакционный директор Дмитрий Авдиенко

**Группа региональных, отраслевых
и международных проектов**
тел. (495) 637 94 72, maslov@expert.ru
Руководитель Сергей Маслов

Аналитический центр «Эксперт»
8 800 222 40 01
acexpert@acexpert.ru
Директор Дмитрий Толмачев

**Шеф-редактор региональных
и страновых вкладок** Ольга Власова

«Эксперт Северо-Запад» (Санкт-Петербург)
8 800 707 1189
Генеральный директор Кристина Муравьева
Главный редактор Дмитрий Глумсков

«Эксперт Урал» (Екатеринбург)
(343) 345 0342; (343) 345 0372
Генеральный директор Дмитрий Толмачев
Главный редактор Артем Коваленко

«Эксперт Юг» (Ростов-на-Дону)
(863) 322 6282
Генеральный директор Владимир Козлов
Главный редактор Евгений Ракуль

Центральная Азия: геоэкономика важнее геополитики

Тридцать лет назад, после развала Советского Союза, на мировой карте появились 15 новых государств. Центральная Азия, пережив бурную трансформацию в XX веке, вновь оказалась перед мощнейшим вызовом. Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан не особо желали выходить из семьи советских народов, но были вынуждены заново выстраивать свою государственность, экономическую и социальную систему, отстаивать границы и свою безопасность.

Тогда будущее этого региона выглядело крайне неопределенным, многие российские и зарубежные специалисты предрекали новым странам хаос и развал.

Центральная Азия больше остальных зависела от Москвы и от плановой экономики, а потому пертурбации в этом регионе вызвали особое беспокойство. И именно поэтому так впечатляют оценки, которые регион получает сегодня, 30 лет спустя. Государства состоялись и зафиксировали новые национальные иден-

тичности. Преодолели межэтнические и межконфессиональные распри. Экономические системы хоть и выглядят в отдельных странах архаично, но в целом позволяют им функционировать. А локомотивы региона встают на рельсы индустриализации и модернизации, вобрав и перенаправив в бюджет своего развития многие бонусы эпохи глобализации.

Столь разные политические системы пяти центральноазиатских государств объединяет важное качество, не всегда ценимое наблюдателями и дипломатами, особенно в странах западной демократии. Разная скорость либерализации общественной и политической жизни была обусловлена первичной задачей сохранения стабильности и безопасности государств с учетом местных традиций и состояния общества. И только сплотив общество и национально-ориентированные элиты, можно было затевать модернизационные спринты.

Вообще, изучая тридцатилетнюю историю центральноазиатских стран, вполне можно написать учебник с несколькими концепциями построения государственности и экономических систем — на-

столько разные исторические пути прошли соседи по одному региону. Казахстан и Кыргызстан выбрали «экстравертную» концепцию развития и либерализацию своих экономических систем. «Интроверты» Узбекистан и Туркменистан придерживались всестороннего изоляционизма. Но Ашхабад остался на этом пути и сегодня, а Ташкент, стабилизировав внутреннюю ситуацию, развернулся в сторону большей открытости и экономической активности. Ищет свой путь и Таджикистан: эта страна сильнейшим образом пострадала от гражданской войны, и ей требуется больше времени на успокоение, общественную и властную консолидацию для нового рывка.

Риски и потенциал

Центральной Азией называется район внутреннего стока рек от Китая и Индии до Ближнего Востока. Мы же будем употреблять название «Центральная Азия», подразумевая пять стран: Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан.

Особенно важно подчеркнуть «центральный» характер расположения

достаточна и, возможно, не соответствует вызовам и потребностям времени.

На будущее Центральной Азии будут влиять и острее проблемы, которые закладывались не один год: бурный рост населения и «молодежный бугор», исламизация, исчерпание моделей ресурсных моноэкономик, энергопереход, экологические проблемы, дефицит воды и т. д.

Однако сегодня Центральная Азия — один из ключевых регионов мира, в котором концентрируются глобальные торговые маршруты, инфраструктурные проекты, переплетаются интересы мировых держав. Экономическое здоровье этого региона имеет ключевое значение и для глобальной безопасности. Это невероятный потенциал, который местные державы могут реализовать при должной политической воле и удачной международной конъюнктуре.

При всех сохраняющихся серьезных рисках наши специалисты увидели понятный стратегический вектор развития региона на ближайшие десятилетия. В первую очередь это усложнение экономических процессов, модернизация и индустриализация экономик, встраивание в транзитные потоки не в качестве «перегонщиков», а с собственным конкурентным продуктом. Серьезная перспектива у регионального энергетического сектора, который ожидает неперенной перезагрузки с учетом исчерпаемости ресурсов и глобального перехода на «зеленые» рельсы. Высокую отдачу даст и сельское хозяйство при должном уровне инвестиций и инноваций.

Успешность курса, выбранного новыми государствами региона, определяется не только имевшимися у них стартовыми ресурсами, а прежде всего тем, что было сделано ими для развития и интеграции в глобальную экономику, как и кем из руководства этих стран была проявлена политическая воля, какой курс был выбран при прохождении тех или иных исторических развилок. В чем состояли основные развилки этих 30 лет? Как каждая из стран их проходила? Кто остался в заложниках прошлого, а кому лучше других удалось справиться с вызовами времени? Как этот выбор повлиял на геэкономике региона Большая Евразия? История дала каждому новому государству Центральной Азии уникальный шанс, которым все воспользовались по-разному.

В этом специальном выпуске журнал «Эксперт» подводит итоги тридцатилетнего пути государств Центральной Азии, намечает основные вехи новейшей истории и обозначает риски и перспективы развития на ближайшие десятилетия. ■

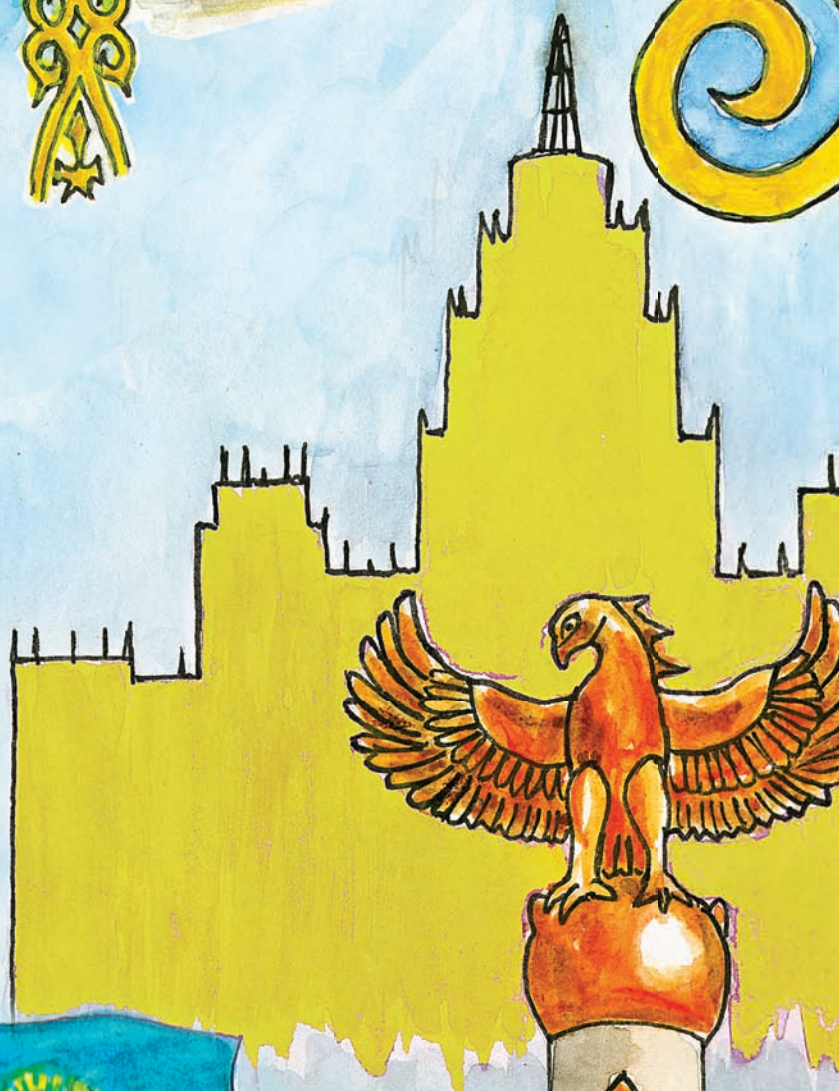
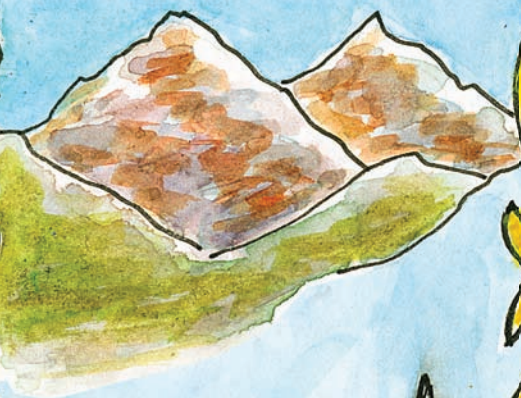
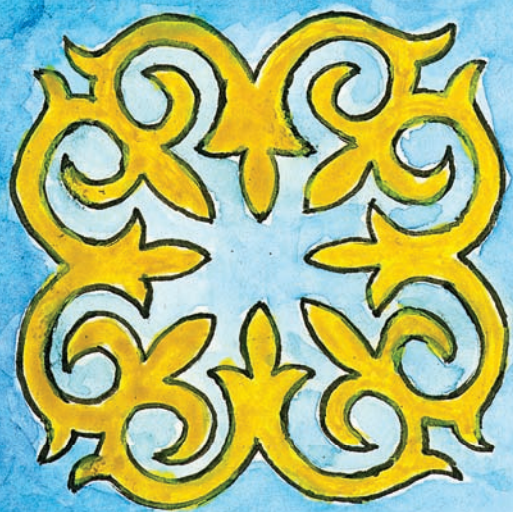
региона с точки зрения геэкономического потенциала, который все больше доминирует в мире и крайне выгоден этим странам. Пересечение коридоров Север—Юг и Запад—Восток, мост между Востоком и Западом, основа исторических шелковых путей, «подлинный хартленд», как считают некоторые специалисты, — все это определяет геэкономические стратегемы Центральной Азии, способность найти свое уникальное место в глобальной конкуренции между ключевыми игроками, роль в мировом разделении труда и товарных потоках. Именно геэкономика, а не геополитика дает региону перспективу развития. Неудивительно, что это понимание сохраняют все местные политические элиты.

За тридцать лет независимости произошел окончательный разрыв с советским прошлым. Государствам Центральной Азии пришлось выстраивать самостоятельные отношения не только с Москвой, но и с Пекином, Вашингтоном, Брюсселем и другими столицами. На фоне мощных глобальных процессов перехода от однополярного мира к

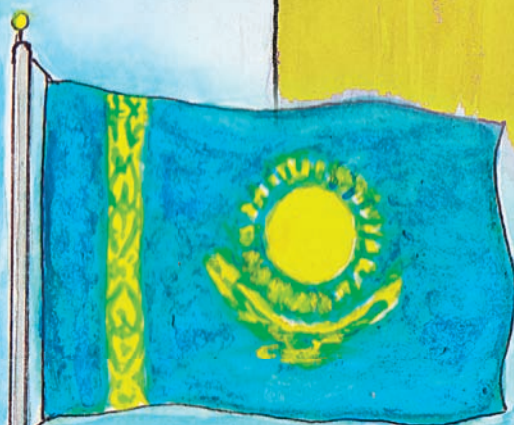
многополярному регион удивительным образом сохранил свою субъектность. Он не стал «вассалом» ни Китая, ни России, ни США, ни Турции, ни аравийских монархий. Ведущие страны региона, в первую очередь Казахстан, выступают самостоятельными акторами региональной политики.

Конечно, Центральная Азия будет оставаться в сердце треугольника Китай—Россия — исламский мир при неперенном участии четвертого игрока — США, желающих регулировать отношения с каждой из сторон треугольника. В эпоху усиления конфронтации и новой холодной войны такое положение чревато многими рисками, тогда как предыдущая эпоха глобализации, напротив, приносила только выгоды.

Ввиду мировой регионализации и фрагментации внутри самого региона вынужденно происходят обратные процессы: странам и отдельным игрокам приходится искать варианты кооперации, теснее взаимодействовать друг с другом, выстраивать связанность, убирать торговые и политические преграды. Степень их сегодняшней связанности не-

1991

Траектории постсоветской реальности

Д

ля всех центральноазиатских республик распад СССР обернулся настоящим шоком и привел к тяжелейшему экономическому и социальному надлому с буквально пикирующими вниз показателями ВВП и уровня жизни и, соответственно, к пропорциональному взлету бедности и конфликтности на территории всего региона.

Впрочем, чтобы в полной мере ощутить то, с чем столкнулся регион на первом этапе своей независимости, стоит прибавить продолжающийся с 1970-х годов демографический взрыв, который требовал все новых и новых ресурсов. А также целый набор внешнеполитических угроз — начиная с экспансии радикального ислама и заканчивая сложным переплетением интересов главных геополитических игроков Евразии, между которыми приходилось лавировать, постоянно рискуя разменять свою субъектность на прагматические выгоды, и наоборот. Тем не менее каждая из бывших советских республик этого региона, пусть и в разной степени, но отстаивала свое право на суверенитет, и анализу их пути мы посвятили немало страниц этого спецвыпуска. ■

Иннокентий Воротынский, Андрей Нальгин

«Интровертная» и «экстравертная» стратегии развития

О том, как государства Центральной Азии искали себя в реалиях постсоветской независимости

EAST NEWS

Тридцатилетие распада СССР — значимая дата не только потому, что она вновь напоминает об одном из самых неоднозначных событий, по сути, завершивших XX век. Она еще и очерчивает важный рубеж в истории тех стран, которые когда-то вышли из состава Советского Союза. Причем многие из них сделали это во многом «нечаянно»: суверенитет «пожаловал» к ним как гром среди ясного неба.

Последнее в наибольшей степени касается стран Центральной Азии, кото-

рые, как известно, меньше всех остальных республик хотели выхода из Союза и потому оказались в наиболее трудной ситуации, когда 26 декабря 1991 года Совет республик Верховного Совета СССР принял декларацию о прекращении существования страны.

Последующие годы показали, что в новой ситуации — чреватой как огромными рисками, так и огромными возможностями — центральноазиатские республики по-разному воспользовались своей независимостью. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Тур-

кменистан и Узбекистан — каждая из этих стран пошла своим путем, и они достигли разных результатов.

Уникальность пройденного пути проявилась даже в том, какие политические режимы в итоге установились в регионе: от радикальной демократии, граничащей с анархией, как в Кыргызстане, до политической архаики, как в Туркменистане.

Как отмечает известный американский историк и политолог **Марта Олкотт**, если бы 30 лет назад россиянина, завязав ему глаза, переправили на само-

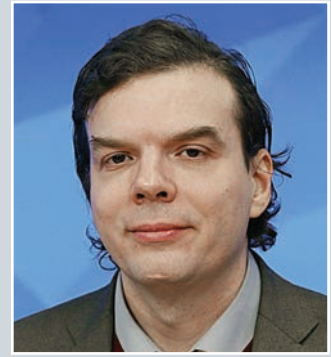
Андрей Казанцев, профессор НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО:

— Центральная Азия больше всех пострадала от распада СССР. И то, что именно в этом регионе последствия распада будут наиболее болезненными, номенклатура Центра, конечно же, знала. Но в тот момент восторжествовало, с одной стороны, националистическо-коммунистическое крыло, которое было просто напугано чудовищной демографической диспропорцией в СССР. Ведь процесс бурного демографического роста в Центральной Азии шел на фоне сокращения насе-

ления в «славянских» республиках, что отчасти побудило последние поскорее избавиться от этого, как они считали, балласта. А с другой стороны, давило либерально-западническое крыло советской номенклатуры, которое тоже хотело избавиться от связей с Центральной Азией, чтобы «уйти» на Запад.

Таким образом, в начале 1990-х годов в России сложился политический консенсус, который привел к попытке добровольного ухода из Центральной Азии. Впрочем, попытка оказалась неудачной. В этом смысле показательны действия **Нурсултана Назарбаева**, который не только не скрывал того, что был против

распуска СССР, но и демонстративно не приехал на церемонию в Беловежье, сославшись на снежную бурю. Центральноазиатские страны не участвовали в процессе распада, и когда это все-таки произошло, были в полной растерянности. Поэтому они так быстро затем собрались и попросили создать что-то взамен — собственно, из этого родился замысел СНГ. И все последующие годы республики Центральной Азии, в отличие от того же Южного Кавказа или европейской части СНГ, стремились сохранить как можно больше связей с Россией. То есть в Центральной Азии не было никакого желания выдавливать, на-

из личного архива

пример, российскую армию и российских пограничников со своей территории или отказываться от экономического сотрудничества с Москвой. Все эти контакты планомерно сокращались именно по инициативе Кремля.

лете из Москвы в Центральную Азию, он бы не сразу осознал, что оказался не в России. Но теперь, повтори с ним тот же трюк, он, скорее всего, пережил бы микрошок — настолько изменился даже архитектурный облик этого региона.

«В Алматы есть практически все те же дорогие фирменные бутики, что в Москве и Санкт-Петербурге, и то же изобилие роскошных автомобилей. Ашхабад сейчас гораздо больше похож на столицу одной из стран Персидского залива, чем на самого себя образца советских времен; новая столица Казахстана Нур-Султан тоже мало чем напоминает своего советского предшественника — город Целиноград. В Душанбе и его окрестностях явно ощущается атмосфера иранской провинции, а как только вы выезжаете из Ташкента, у вас создается впечатление, что вы находитесь в одной из стран Южной Азии», — описывает свои впечатления Марта Олкотт.

Конечно, история этого региона была непростой и тернистой. Она была наполнена конфликтами, периодами «закручивания гаек» и «оттепелей», неожиданными прорывами и досадными провалами. Не говоря уже о целом букете самых разных региональных угроз — будь то международный терроризм, религиозный экстремизм, контрабанда наркотиков и оружия, — многие из которых пока так и не удалось устранить или законсервировать. Словом, «поиск себя» в Центральной Азии был драматичным, как, пожалуй, нигде на постсоветском пространстве.

Однако, несмотря на все пертурбации и вызовы, страны этого региона не скатились к хаосу, как предсказывали некоторые российские и американские эксперты в начале 1990-х годов. Им удалось восстановить управляемость, сохранить единство нации и государ-

ственную целостность. Последнее, к слову, получилось далеко не у всех даже в благополучной Восточной Европе: если «развод» Чехии со Словакией оказался мирным, то кровавый распад Югославии с этническими чистками — яркий пример того, как ситуация могла бы развиваться по худшим сценариям в мире пост-СССР.

Казахстану удалось избежать внутренних конфликтов, выстроить крепкие государственные институты и обеспечить экономическую стабильность, и это открывает стране уверенное будущее.

Другим республикам Центральной Азии пришлось подчас жестко подавлять выступления радикальной, прежде всего исламистской, оппозиции, гасить внутренние этнические конфликты. Не последнюю роль в решении лидеров этих стран идти на крайние меры сыграла гражданская война в Таджикистане, которая быстро «привела в чувство» элиты соседних стран, заставив искать пути эволюционного развития.

Блеск и нищета постсоветской эры

Однако, прежде чем обратиться к первым годам становления каждой из центральноазиатских республик, стоит обозначить тот социально-экономический контекст, в котором они оказались на момент выхода из СССР. Здесь сразу стоит иметь в виду два зеркальных фактора, которые, подобно коридору, обеспечили траекторию развития всего региона.

С одной стороны, в Советском Союзе, как метко замечает известный историк региона **Сергей Абашин**, существовало межреспубликанское разделение труда, где Центральная Азия главным образом играла роль аграрно-сырьевого придатка. Конечно, в регионе существовала

своя обрабатывающая промышленность, включая даже военные и авиастроительные предприятия. Однако активно развивать ее стали уже в послевоенные годы, когда были запущены масштабные стройки электростанций и заводов, и многие из этих проектов закончить к развалу Союза так и не успели.

Кроме того, в связи с отраслевой специализацией республик молодые независимые государства Центральной Азии на момент выхода из Союза оказались в катастрофических условиях. Ведь сосредоточенные в регионе промышленные мощности были жестко завязаны на промышленный потенциал других советских республик и существовали в рамках единого экономического и технологического цикла. В итоге прежние промышленные цепочки оказались разорваны, большая часть заводов и предприятий Центральной Азии были попросту закрыты.

И это не говоря уже о том, что само развитие региона осуществлялось в основном за счет дотаций из союзного бюджета. Надо отметить, что в СССР цены на сырье были диспропорционально ниже цен на готовую продукцию, что и было основной причиной такой высокой степени дотационности, так как практически все доходы от сбыта готовой продукции оставались в регионах, ее производивших. По оценке экспертов британского журнала *The Economist*, размер субсидий общесоюзного правительства в 1991 году составлял 44% бюджета Таджикистана, 42% — Узбекистана, 36% — Кыргызстана, 23% — Казахстана, 21% — Туркменистана. Когда же Союз был распущен, закономерно были свернуты и дотационные поступления. Затем последовала добровольная минимизация российского присутствия, включая «выкидывание» региона из рублевого

Первая встреча Содружества Независимых Государств, на которой было официально объявлено о распаде СССР. Минск, 30 декабря 1991 г.

EAST NEWS

пространства. Все это породило очень серьезный кризис в Центральной Азии.

С другой стороны, несмотря на все перекосы с точки зрения хозяйственно-промышленного ранжирования в устройстве Советского Союза, Центральная Азия прошла тот же путь модернизации, что и другие советские республики. В этом смысле она получила в наследство довольно развитую инфраструктуру и набор институтов, которые могли обеспечивать воспроизводство всех базовых общественных благ — от здравоохранения до образования.

Более того, пять новых стран обладали обширными, богатыми природными ресурсами и территориями (почти 18% территории СНГ) с населением порядка 50 млн человек. Здесь хранились основные союзные запасы цветных и редких металлов, располагались богатые резервы природного газа, нефти, угля, химического сырья, черных металлов. Наконец, в Центральной Азии было сконцентрировано более четверти потенциальных гидроэнергетических ресурсов Союза, половина сельскохозяйственных угодий и орошаемых земель. Наличие столь богатой ресурсной базы позволило на первых порах хотя бы частично компенсировать потери, которыми сопровождалось болезненное отсоединение от союзной экономики.

Тем не менее в 1990-е годы страны Центральной Азии столкнулись примерно с одним и тем же набором проблем:

растущее аграрное перенаселение; отсутствие транспортных коммуникаций, которые соединяли бы регион с мировыми рынками; целый набор размороженных этнополитических и социальных конфликтов; отсутствие исторически обусловленного опыта государственного строительства; взрывной рост теневой экономики.

В итоге, отталкиваясь от той конъюнктуры, которая сложилась на момент распада СССР, центральноазиатские республики выбрали, условно, две модели политико-экономического развития. Первая — назовем ее «экстравертной» — была выработана Казахстаном и Кыргызстаном, которые с самого начала стремились к максимальной открытости и интеграции.

Вторая — «интровертная» — была выбрана Узбекистаном и Туркменистаном. И если Ташкент придерживался изоляционизма до 2016 года, то Ашхабад остается верен своей модели до сих пор. А Таджикистан оказался где-то между двумя этими стратегиями, время от времени смещаясь то в одну, то в другую сторону.

Кадры решают все

К началу XXI века, когда стали появляться новые технологии, начали меняться ценностные установки и ориентиры населения, возникли иные, чем десять-двадцать лет назад, вызовы и угрозы, в том числе связанные с глобализацией,

на пространстве бывшего СССР стала остро ощущаться потребность в формировании новой управленческой элиты. Такой, чьи знания и компетенции в большей мере соответствовали бы складывающимся реалиям. Причем такую нужду в равной степени испытывали и бизнес, и госуправление.

К решению этой задачи страны Центральной Азии подошли по-разному. Одни, как Таджикистан и Туркменистан, предпочли набирать управленческие кадры прежде всего по принципу личной преданности главе государства. Другие, как Узбекистан, формировали элиту на основе кланового принципа. Третьи (Кыргызстан), где высшая власть несколько раз переходила от клана к клану, по сути, пустили процесс на самотек. На этом фоне лишь Казахстан взял за основу системный подход к выращиванию управленцев новой генерации, опираясь в том числе на опыт Сингапура. Казахстан первым в СНГ внедрил и широко развернул программу «Болашак», которая позволяла талантливой молодежи получать за счет государства высшее образование в лучших зарубежных вузах. Ее участниками стали более десяти тысяч человек, которым была предоставлена возможность строить карьеру на госслужбе или в бизнесе. Многие из них впоследствии заняли руководящие посты в государственных органах и крупнейших компаниях Казахстана. ■

Андрей Нальгин

«Центральноазиатским странам удалось стать заметными на международной арене»

Марлен Ларюэль, директор Института европейских, российских и евразийских исследований
Университета Джорджа Вашингтона, США

— Как, на ваш взгляд, менялась геоэкономическая роль Центральной Азии за прошедшие 30 лет? Какие факторы ее определяли?

— В 1990-е годы, сразу после распада Советского Союза, западные страны рассматривали регион как достаточно важный, потому что большие надежды связывались с энергоносителями Каспия и с трансконтинентальной торговлей. Сейчас регион остается очень важным для России и Китая, но его важность для других стран мира и конкретно для Запада уменьшилась, поскольку уменьшилась роль каспийских энергоресурсов по сравнению с 1990-ми годами. Еще одним фактором стало появление Китая в качестве регионального игрока, что привело к изменению направления транспортных коридоров Центральной Азии в сторону Китая в рамках инициативы «Один пояс — один путь», а не в сторону Запада, как было раньше.

— Какое влияние оказывает ситуация в Афганистане на роль региона, особенно после вывода войск США?

— Геополитически регион остается важным, потому что он находится между Россией, Китаем, Ираном и Афганистаном. Интерес США к региону подвержен колебаниям в зависимости от того, какие вопросы являются для них наиболее актуальными в тот или иной момент. Были надежды на создание транспортного коридора между Центральной и Южной Азией через Афганистан, но ситуация в Афганистане сделала их нереалистичными. Возможно, эта идея вновь станет актуальной лет через 20–30, но сейчас она совершенно нереализуема.

— Насколько эффективно внешняя политика стран Центральной Азии отвечает на эти изменения?

— Здесь будет применимо выражение «стакан наполовину пуст или наполовину полон». С одной стороны, есть успехи — суверенитет, отсутствие крупных территориальных конфликтов друг с другом, особенно по сравнению с закавказскими странами. Центральноазиатским странам также удалось стать заметными на международной арене, и Казахстану больше, чем остальным.

из личного архива

И они смогли успешно противостоять давлению внешних сил, включая Запад, Россию или Китай.

С другой стороны, они недостаточно сотрудничали друг с другом. Китай во все большей мере ограничивает пространство их экономического суверенитета. А Россия ограничивает стратегическую автономию тех стран, которые становятся членами ее оборонных союзов. Ни та ни другая из великих держав не угрожают суверенитету государств Центральной Азии, но пространство для маневра на международной арене для этих стран ограничивается. Эта ситуация нормальная для сравнительно небольших государств, находящихся вблизи крупных держав.

Опять-таки, Казахстан с наибольшим успехом создавал собственный бренд на международной арене. Узбекистан тоже неплохо прокладывал свой курс, сначала в рамках достаточно изоляционистской стратегии, а теперь на основе более открытых связей с другими игроками. Для Таджикистана и Кыргызстана ситуация хуже по причине внутренних проблем и недостаточного пространства для маневра. Ну а результаты Туркменистана самые худшие из всех пяти стран.

— Насколько странам Центральной Азии удалось сформировать институты экономического развития и модернизации?

— Только Казахстан и Узбекистан продемонстрировали успехи. Казахстан

пошел скорее по сингапурскому пути, а Узбекистан действовал в более постсоветской стилистике. По сравнению со своими соседями Казахстан оказался более успешным благодаря наличию значительных природных ресурсов и стремлению соответствовать международным критериям.

Результативность реформ остальных стран оказалась значительно ниже, особенно в части институтов. Прогресс Таджикистана и Кыргызстана был минимальным, и не только ввиду недостаточной способности органов власти к реформам, но просто по причине того, что ограниченные ресурсы их экономик делают проведение реформ крайне затруднительным.

— Как вы оцениваете уровень развития человеческого капитала в регионе и достигнутый в этом отношении прогресс?

— В целом у меня достаточно критическая оценка прогресса в этой области. Значительная часть человеческого потенциала времен Советского Союза была утеряна в 1990-е годы, как по экономическим, так и по политическим причинам. Статистические данные по школьной грамотности в Центральной Азии четко демонстрируют, что ее уровень сейчас ниже, чем в конце советского периода. Ситуацию будет трудно исправить, и особенно в отношении инженерного образования и прикладных наук, то есть в тех сферах, где Советский Союз был особенно силен. Туркменистан, Таджикистан и Кыргызстан потеряли значительную часть своего человеческого капитала. И конечно, трудовая миграция лишает эти страны квалифицированных работников.

Казахстан старался восстановить свой человеческий капитал посредством программы «Болашак» — системы таких высших учебных заведений со значительным международным участием, как Назарбаев Университет, а также ряда ускоренных программ для госслужащих и частного сектора. Узбекистан сохранил много профессиональных училищ, стараясь не лишиться работников инженерных специальностей. Но все эти усилия требуют времени. ■

Иннокентий Воротынский

«Создание понятных правил поможет привлечь иностранный капитал»

Александр Габуев, руководитель программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» Московского центра Карнеги, один из ведущих экспертов по политике России в Азии и на постсоветском пространстве; ранее был заместителем главного редактора журнала «Коммерсантъ-Власть» и членом редакционной коллегии ИД «Коммерсантъ»

— С точки зрения геоэкономики какие факторы определяли значение стран Центральной Азии в течение 30 лет, прошедших со времени обретения ими независимости?

— В каждое из прошедших этих трех десятилетий страны региона были важны по-своему и в силу разных причин.

В 1990-е годы происходило становление этих стран именно как независимых государств. Устанавливались границы, делались первые шаги по созданию их собственной национальной идентичности, укреплению суверенитета. Весь мир беспокоила проблема ядерного оружия, оставшегося на территории бывших республик после развала Союза, и, безусловно, огромное значение имела позиция Казахстана, добровольно от него отказавшегося. По всем этим причинам регион был в эпицентре внимания России и США.

Страны Центральной Азии по-разному справлялись со стоявшими перед ними вызовами. Наверное, главный отличник — Казахстан. Узбекистан и Туркменистан пришли к состоянию стабильности и начали консервироваться. А Таджикистан и Кыргызстан в тот период так и не смогли достичь стабильности.

В 2000-е внимание к этому региону возросло по двум причинам. Первая — кампания США по борьбе с глобальным терроризмом, фокусом которой стала Центральная Азия. И вторая — начало очередного суперцикла цен на сырьевые товары, результатами которого страны региона впервые могли воспользоваться сами, а не в составе Советского Союза или Российской империи.

И опять-таки, страны проходили эти годы с разной степенью успешности. Казахстан в 1990-е постарался, насколько возможно, диверсифицироваться, привлечь иностранных инвесторов, заложить основу сырьевой экономики, причем не сконцентрированной в руках исключительно национальных компаний или исключительно одной группы иностранных инвесторов. Сырьевые доходы направлялись и в другие отрасли экономики.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

В Туркменистане приход газовых денег не привел к серьезной экономической или геополитической диверсификации. В Узбекистане сложившийся и законсервировавшийся жесткий режим не позволил в полной мере использовать сложившиеся преимущества. В Кыргызстане и Таджикистане переходный период продолжился, хотя в Таджикистане возникла политическая стабильность.

Десятилетием возвышения Китая как важного игрока стали 2010-е годы, а страны региона впервые оказались все более сильно привязаны к КНР. США и Запад не имели в Центральной Азии активной стратегии и жизненно важных интересов, началось сокращение их при-

сутствия в регионе. В итоге страны балансировали между набирающим силу Китаем и по-прежнему влиятельной Россией.

В текущем десятилетии регион все больше погружается в контекст своего географического соседства. После ухода из Афганистана США еще больше сокращают свое присутствие, вряд ли стоит ждать большой активности и от ЕС. Между тем Китай и Россия — географические соседи Центральной Азии с жизненно важными интересами. Начинает проявляться влияние, пока что ограниченное, и других игроков из региона Ближнего Востока: Турции, Ирана, богатых арабских монархий Персидского залива. Те модели, которые возникли в странах

Центральной Азии, будут проходить испытание на прочность.

— *Как вы оцениваете результативность экономических реформ в стране региона?*

— Котличникам следует отнести прежде всего Казахстан. Это страна, которая по сравнению с соседями по Центральной Азии смогла воспользоваться представившимся шансом. Ей повезло иметь достаточно большой и диверсифицированный ресурсный «пирог»: и нефть, и газ, и уран, и металлы. Казахстан смог создать сравнительно благоприятный внешнеполитический климат с многовекторной политикой и тесными союзническими отношениями с Россией, прагматичными и близкими отношениями с Китаем, и при этом он был успешен в выстраивании отношений с Западом.

После смены лидера Узбекистан старается догнать Казахстан. Его очень впечатляющие успехи во многом объясняются эффектом низкой базы, а также прагматичным использованием своего главного преимущества — большого населения. Насколько далеко зайдут преобразования и насколько будет успешна эта модель, станет понятнее только в ближайшем десятилетии.

Туркменистан с его архаичной и законсервировавшей структурой хуже всех воспользовался имевшимися возможностями, несмотря на хорошие стартовые условия — материальные богатства и выход к морю.

И если Туркменистан возможность скорее упустил, то в Кыргызстане и Таджикистане изначально не было слишком благоприятных условий. Эти страны выжидали как могли в крайне непростых условиях.

Разумеется, реформы во всех странах, даже у отличников, не обошлись без побочных эффектов — особенно в части социального расслоения. Если какие-то группы населения стали бенефициарами преобразований, то для многих реформы не привели к существенному улучшению качества жизни. Впрочем, это беда многих переходных экономик, в том числе и на постсоветском пространстве, — достаточно взглянуть на ту же Россию.

— *В качестве института модернизации и привлечения инвестиций особое место среди стран Центральной Азии занимает Международный финансовый центр «Астана». Как вы оцениваете его роль в Казахстане и в регионе в целом?*

— Прежде всего в стране есть объективное понимание того, что МФЦА может помочь диверсификации национальной экономики за счет развития финансового рынка как отдельной индустрии и за счет развития финансовых технологий.

К отличникам следует отнести прежде всего Казахстан. Это страна, которая по сравнению с соседями по Центральной Азии смогла воспользоваться представившимся шансом

С другой стороны, создание понятных глобальному инвестору правил и форматов взаимодействия может привлечь иностранный капитал. Поскольку МФЦА, вероятно всего, на обозримую перспективу будет единственным для компаний из Центральной Азии «инвестиционным окном», находящимся непосредственно в регионе, то логично, что хотя бы часть из них будут обращаться именно туда — а не только в Лондон или Дубай. Если завтра где-то в регионе захотят создать другой МФЦ, у Казахстана будет фора по времени.

Интересно, что создатели МФЦА смогли в некоторых вопросах продвинуться даже дальше, чем их коллеги в Москве. Несмотря на то что российский фондовый рынок глубже и больше из-за несопоставимых размеров экономики, именно регуляторные подходы — импорт независимого суда, создание независимой юрисдикции и в целом большая открытость внешнему миру — позволили создать более прогрессивную форму.

— *В регионе существует два достаточно различных по своим задачам и структуре интеграционных проекта — ЕАЭС и «Один пояс — один путь». Какие возможности они создают для стран-участниц из Центральной Азии?*

— Как раз, поскольку это не конкурирующие проекты, и возникает возможность для их взаимодействия и совмещения. ЕАЭС направлен прежде всего на гармонизацию правил и условий для ведения бизнеса, в его основе — Таможенный союз, а также стремление к

свободе перемещения товаров, услуг, рабочей силы и капитала. «Один пояс — один путь» — про конкретные проекты и инвестиции в логистике, транспорте, телекоммуникациях, а также про торговлю и про доступ на китайский рынок. Поэтому они скорее друг друга взаимодополняют.

В этом контексте Казахстан проводит прагматичную политику, поддерживая свою промышленность и своих национальных чемпионов и одновременно используя ЕАЭС как некий хеджирующий механизм, защищающий от чрезмерно тесной интеграции в геоэкономическое пространство КНР. В свою очередь Кыргызстан, может быть, и не реализует столь же стратегический подход, но, находясь между Китаем и ЕАЭС, он участвует в торговом обороте и тем самым создает возможность заработка для своих граждан.

— *Как человек, посетивший многие города в Центральной Азии, как вы оцениваете их с точки зрения условий для жизни?*

— Мне кажется, что в регионе есть три лидера. Замыкает эту тройку Бишкек как город, не сильно развивавшийся и достаточно маленький, но относительно международный по своему характеру. Очевидный плюс — красивые окрестности и озеро Иссык-Куль. Эти естественные факторы в полной мере не использованы, поскольку нет долгосрочной урбанистической политики.

Следующий по степени развития — это Ташкент. И здесь открытие страны при новом президенте, конечно, сильно сыграло на пользу благодаря оживлению и диверсификации экономики. Но пока не ясно, есть ли у мегаполиса стратегия развития, помимо благоустройства.

Отличником является Нур-Султан. Это уникальный на постсоветском пространстве эксперимент, когда был действительно создан практически с нуля новый мегаполис. Город достаточно большой и бурно развивающийся, где делаются довольно целенаправленные государственные вложения для превращения его в урбанистический хаб для всего региона. Хотя, разумеется, суровый климат, ажиотажный спрос на жилье, не всегда успевающий за предложением и не всегда дающий время на продуманность планирования, тоже заметны. При этом в стране есть традиционный урбанистический центр в Алматы. Поэтому в среднесрочной перспективе происходит распределение ограниченных бюджетных ресурсов между двумя центрами — разумеется, в пользу столицы. Но в долгосрочной перспективе возникает ситуация, где в Казахстане будет два крупных городских центра, а не один. ■

Андрей Искоркин, Никита Мамлеев

Казахстан: эволюция вопреки вызовам

Опираясь на стратегическое планирование, визионерские качества и политическую волю своего Первого Президента, Казахстан развивается как сильная, открытая и динамичная экономика

Нурсултан Назарбаев, как известно, был одним из главных противников распада СССР и до последнего поддерживал идею проведения политических и экономических реформ без роспуска самого Союза. Именно поэтому после встречи в Беловежской Пуще в декабре 1991 года, которая ознаменовала конец Советского Союза, Назарбаев добился созыва саммита глав государств бывших советских республик, на котором было принято решение о создании СНГ — рамочной конструкции, которая должна была хоть как-то смягчить столь неожиданно запущенный процесс распада.

Тем не менее обретение независимости в первые годы обернулось для Казахстана самой настоящей социально-экономической катастрофой. Страна лишилась прямого финансирования из Госбанка СССР, которое в последние годы существования Союза достигало 25% казахстанского ВВП, а еще около 10% составляли прямые дотации из союзного бюджета. Разрыв общесоюзных производственных цепочек спровоцировал массовые банкротства пред-

приятий — были ликвидированы более полутора миллиона рабочих мест. ВВП республики упал вдвое, бюджет страны сводился с неизменным дефицитом. Все это сопровождалось стремительным разрушением государственной социальной инфраструктуры, в том числе в сфере здравоохранения, образования и социального обслуживания. Инфляция в 1992 году почти добралась до астрономических 3000% (а до 1996 года ежегодный рост потребительских цен не опускался ниже 100%). Ситуация усугубилась тем, что в 1993 году Россия объявила о сворачивании рублевой зоны.

Однако уже к исходу XX века большая часть этих последствий была преодолена в рамках первого этапа рыночных реформ, осуществлявшихся более последовательно и системно, чем, например, в тогдашней России. С самого начала Казахстан выбрал курс на предельную открытость, которую, однако, он во всем стремился уравновесить разными стабилизирующими механизмами, главным из которых был личный талант Нурсултана Назарбаева как арбитра, сумевшего быстро и эффективно консолидировать вокруг себя элиты страны.

Когда сразу выбрана верная стратегия

«Важным результатом экономических реформ 1990-х является создание нормативно-правовой базы, закрепившей разделение государства и экономики, что способствовало интенсивному развитию рыночных институтов, — комментировал в свое время **Канат Берентаев** из Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК. — Казахская экономика в целом приобрела основные признаки рыночной экономики. Во-первых, в результате процесса приватизации резко уменьшилось прямое вмешательство государства в экономику. Экономические субъекты получили реальную возможность принимать самостоятельные хозяйственные решения. Во-вторых, более или менее заработали косвенные методы регулирования экономики за счет денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики, регулирования валютного курса и других рыночных инструментов, которые позволяют воздействовать на поведение экономических субъектов». Так, в Казахстане была введена в обращение собственная валю-

та тенге, сформирована классическая двухуровневая банковская система во главе с Национальным банком Республики Казахстан, проведена приватизация государственного имущества, запущен рынок ценных бумаг, осуществлена первая реформа системы пенсионного обеспечения, создан ряд других рыночных институтов.

С одной стороны, нуждаясь в поддержке промышленной кооперации с Россией, Казахстан подписал соглашение о снятии ограничений в хозяйственной деятельности. С другой стороны, Казахстан стремился создать как можно более разветвленную сеть коопераций с региональными и мировыми игроками, понимая ограниченность своего внутреннего рынка.

Символично, что еще в 1992 году на саммите государств Средней Азии Назарбаев предложил отказаться от определения «Средняя Азия и Казахстан» в пользу понятия «Центральная Азия», чтобы одним термином охватывать все постсоветские государства этого региона. На 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1992–1993) Назарбаев предложил создать Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (затем Казахстан стал участником Таможенного союза, ОДКБ и ШОС). Все эти шаги были продиктованы твердой логикой — обеспечить стабильность, предсказуемость и безопасность как внутри страны, так и в регионе.

Республика быстро присоединилась и к МВФ, и к Всемирному банку, а также стала активно налаживать инвестиционные и торгово-экономические связи с Европой, США и Китаем. По сути, вся ресурсная и сырьевая база — а это порядка 3% мировой нефти, 1,2% природного газа и четверть мировых запасов урана — была открыта для любых иностранных компаний.

«Еще в советские годы было открыто важнейшее месторождение Тенгиз. Но была проблема с тем, что нефть, которая там добывалась, была очень сернистой — мало компаний были готовы работать с таким сырьем. Но в итоге за это взялась компания Chevron, которая построила завод, похожий на космический корабль. И он вскоре стал давать порядка 26 миллионов тонн нефти. Вслед же за Chevron в страну пришли и другие компании — целый интернационал. Например, итальянская Agip, английская British Gas, китайская CNPC», — рассказывает **Юрий Солозобов**, политолог, директор по международным проектам Института национальной стратегии. — При этом, думаю, все это вряд ли бы удалось без личного таланта Нурсултана Назарбаева, которые все 1990-е годы ездил по всему миру

В декабре 1991 г. Н. А. Назарбаев в срочном порядке представил в Верховный Совет проект Конституционного закона «О государственной независимости Республики Казахстан»

После встречи в Беловежской Пуще в декабре 1991 года, которая ознаменовала конец Советского Союза, Назарбаев добился созыва саммита глав государств бывших советских республик, на котором было принято решение о создании СНГ

и читал сотни лекций, рассказывал, где вообще Казахстан находится, что он может дать и гарантировать. А параллельно велась просто неустанная работа для того, чтобы привлечь в Казахстан инвестиции. В этом смысле у Назарбаева была очень хорошая харизма: он умел разговаривать с любым человеком — от английской королевы до сельчанина из аула. Такой вот прирожденный талант модератора».

Чтобы создать для инвесторов максимально комфортную среду, основной упор был сделан на нерушимость заключенного контракта, то есть на защиту от изменений в налогообложении и других сферах на протяжении всего срока его действия. Неудивительно, что, согласно данным Всемирного банка, в 1994–2014 годах приток иностранных капиталовложений в Казахстан составлял 8% ВВП.

«Казахстан сразу принял решение провести быструю шоковую терапию с целым пакетом либеральных реформ, чтобы позволить стране активно встроиться в мировую экономику, — говорит **Елена Кузьмина**, заведующая сектором Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН, эксперт Российского совета по международным делам. — Как следствие, здесь достаточно быстро начали работать крупнейшие западные добывающие компании, а позднее к ним присоединились и китайцы. Конечно, выстроенная система менялась и несколько раз модернизировалась. Например, в какой-то момент некоторые предприятия частично вернулись под

В рамках программы индустриально-инновационного развития, запущенной в 2009 году, создано 1250 новых предприятий и более 300 тысяч рабочих мест. По словам Н. А. Назарбаева, именно результаты индустриализации стали одним из основных стабилизирующих факторов в кризисных 2014–2015 годах, когда цены на нефть резко снизились

из открыток источников

государственное управление. Однако общий курс на открытость все эти годы сохранялся».

Вместе с тем в промышленном секторе опережающими темпами росло значение добывающих отраслей, тогда как удельный вес обрабатывающей промышленности оставался стабильным. Это не только служило отражением высокой зависимости Казахстана от сырьевых рынков в тот период, но и выступало в какой-то мере источником ее усиления. Объективно экономике требовалась существенная диверсификация и модернизация.

Первый кризис и правильные выводы

Новый этап реформ в Казахстане имеет конкретную дату, от которой можно вести отсчет. 23 октября 1997 года была принята Стратегия развития «Казахстан-2030», ставшая первым примером и опытом долгосрочного стратегического планирования на постсоветском пространстве. «Казахстан — первая страна, где в принципе появилось понятие “экономическая стратегия”. При чем стратегия “Казахстан-2030” появилась уже через шесть лет после объявления

независимости. В ней были четко сформулированы семь приоритетов — начиная с демократического правового государства и заканчивая строительством новой инфраструктуры. Но главной целью был рост благосостояния через экономический рост — с открытой экономикой, иностранными инвестициями и внутренним привлечением капитала, — рассказывает Юрий Солозобов. — Под это были созданы понятные и прозрачные условия игры, которые сработали, и была очень четко прописана роль государства, в отличие, к слову, от той же России, где в 1990-е годы, наоборот, всячески проповедовалась идея слабого государства — почти “ночного сторожа”. При этом Казахстан очень внимательно изучал опыт “азиатских тигров”, многое стремясь перенять у них, а сам Назарбаев — и это очень характерно — с самого начала исходил из того, что только после создания в стране устойчивого экономического фундамента можно переходить к политическим реформам. Это, в частности, выразилось в его знаменитом тезисе “Сначала экономика, потом политика”. И этот подход, на мой взгляд, полностью себя оправдал», — резюмирует эксперт.

Однако реализация целей экономического роста сразу же столкнулась с колоссальной силой внешним вызовом.

В конце 1997 года до постсоветского пространства дошли первые отголоски азиатского финансового кризиса, который начался в мае—июне того же года в Юго-Восточной Азии. Вследствие шедших тогда широким фронтом процессов глобализации кризисные явления быстро распространялись по различным регионам и рынкам, вызывая обвал валютных курсов, котировок ценных бумаг и цен на сырьевые товары, включая нефть и газ. Кульминацией этих процессов для стран СНГ можно назвать российский дефолт 1998 года, который весьма негативно сказался и на казахстанских рынках, к тому времени уже довольно плотно интегрировавшихся в международную финансовую систему.

В совокупности с падением мировых цен на нефть — основной экспортный товар Республики Казахстан, отток капитала с внутреннего финансового рынка вынудил Нацбанк Казахстана пойти на существенную девальвацию тенге, что в итоге спровоцировало рост инфляции с 1,8% в 1998 году до 18,0% в 1999-м. Обострилась и проблема бюджетного дефицита, из-за ухудшения конъюнктуры в экспортных и связанных с ними отраслях начался рост безработицы. Падение ВВП в 1998 году составило 1,9% после роста на 1,7% в 1997 году; впрочем, в 1999-м ВВП вырос на 2,7% благодаря улучшению конъюнктуры мирового нефтяного рынка.

Все это побудило руководство республики принять первостепенные меры по повышению устойчивости национальной экономики к внешним шокам.

Золотое десятилетие

Возможности для нового витка институциональных реформ открылись с началом тысячелетия. Благодаря росту на сырьевых рынках экспортные доходы Казахстана кратно возросли. По данным внешнеторговой статистики, в 2008 году только в части сырой нефти экспортируемые объемы выросли втрое по сравнению с 1998 годом, а экспортная выручка — в 27 раз. Значительную часть этих доходов было решено направлять в Национальный фонд Республики Казахстан, который был учрежден в 2000 году по модели норвежского Государственного нефтяного фонда как инструмент защиты экономики и бюджета от неблагоприятных внешних факторов. При этом фонд также аккумулирует часть сырьевой выручки как финансовый резерв для выплаты пенсий будущим поколениям граждан страны, когда поступления от экспорта сырья упадут.

Велась системная работа по улучшению инвестиционного климата как в правовом, так и в институциональном плане, ее успехи нашли свое отражение в присвоении стране — первой среди государств бывшего Советского Союза — кредитного рейтинга инвестиционного уровня. Казахстан 2000-х стал крупнейшим реципиентом прямых иностранных инвестиций на душу населения в СНГ. Вплоть до 2014 года приток иностранных капиталовложений в республику составлял 8% ВВП в среднем за год. Другими приоритетами в экономической сфере в этот период были построение современной транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры, модернизация и создание новых производств в обрабатывающей промышленности, совершенствование внешнеторговой политики и углубление интеграционных процессов.

Параллельно казахстанское руководство сосредоточилось на развитии человеческого капитала. В июне 2000 года была принята программа борьбы с бедностью и безработицей, рассчитанная на два года. В стране удалось создать более 400 тыс. новых рабочих мест. До 2014 года уровень безработицы стабильно снижался, а реальные зарплаты удвоились. Была усовершенствована президентская программа «Болашак», в рамках которой талантливая казахстанская молодежь могла учиться в зарубежных вузах за счет специальной государственной стипендии, а по возвращении на родину получала возможность работать на госслужбе, в системах образования и здравоохранения, в крупнейших национальных компаниях, внедряя менеджмент и стандарты западных стран в эти сферы.

В 1993 г. образовано совместное казахстанско-американское предприятие по разработке Тенгизского месторождения, за годы освоения которого страна получила свыше 130 млрд долларов

Сегодня автопром является одним из основных драйверов роста машиностроительной отрасли в Казахстане с долей в 32%. Экспортные поставки в Россию, Узбекистан, Кыргызстан и Беларусь остаются приоритетным направлением развития

В целом можно констатировать, что в начале 2000-х Казахстан в полной мере использовал возможности, открывшиеся благодаря благоприятной внешнеторговой конъюнктуре, для интенсификации и углубления реформ. И это весьма позитивно отразилось на экономической динамике в 2000–2008 годах. «На данном этапе политика совершенствования структуры экономики, ее диверсификации вкупе с благоприятным инвестиционным климатом и ростом спроса на сырьевые ресурсы обеспечила высокие темпы роста ВВП. В среднем ежегодный прирост составил 10 процентов», — отмечала в 2011 году **Бакытгуль Ушбаева**, тогда начальник управления макроэкономического анализа и мониторинга Министерства экономического развития и торговли РК.

Испытание глобальным кризисом

К сожалению, любая конъюнктура изменчива, что и показали события второй половины первого десятилетия XXI века. Из-за проблем, возникших на ипотечном рынке США, начали закрываться внешние рынки заемного капитала. Резкое сокращение возможностей для привлечения недорогих в то время иностранных заимствований и вызванный этим дефицит ликвидности ограничились объемы банковского кредитования, что прежде всего коснулось строительной отрасли и торговли, а затем привело и к торможению всей казахстанской экономики. По итогам 2007 года рост ВВП Казахстана составил 8,9% против 10,7% годом ранее. Но это было только начало. В 2008 году на фоне обострения проблем в глобальной экономике, сокращения внешнего спроса и приступов паники на финансовых рынках темпы роста казахстанского ВВП упали до 3,3% год к году. А в 2009 году экономика Казахстана развивалась уже в условиях нарастания негативного влияния на нее глобального экономического кризиса, получившего название «Великая рецессия», и низкого уровня мировых цен на сырьевые ресурсы, что привело к заметному снижению деловой активности и спаду производства в стране.

Такая ситуация потребовала экстренного переключения приоритетов экономической политики с целей долгосрочного развития на задачи стабилизационной повестки. Первый антикризисный план в республике начал реализовываться еще в 2007 году. Он ставил своей целью поддержку малого и среднего бизнеса, строительства и АПК. Затем за счет слияния холдинга по управлению государствен-

ными активами «Самрук» и фонда национального благосостояния «Казына» был сформирован ФНБ «Самрук-Казына» с целью управления национальными компаниями, увеличения их долгосрочной стоимости и повышения конкурентоспособности на мировых рынках. Ресурсы фонда были использованы для реализации Плана совместных действий Правительства, Национального банка и Агентства по регулированию и надзору, который был принят в 2009 году для смягчения негативных последствий глобального кризиса и возобновления экономического роста. Позднее, в 2015 году, по поручению Президента началось создание Международного финансового центра «Астана» (МФЦА), призванного служить связующим звеном между экономикой Центральной Азии, ЕАЭС, Китая и Европы. Этот проект стал важным фактором в финансовой интеграции Казахстана в международные рынки капитала. По словам **Джеймса Гранта**, программного директора Международного центра по налогам и инвестициям (США), МФЦА позволил представить Казахстан мировому сообществу в качестве серьезного игрока как на региональном, так и на глобальном рынке финансовых услуг. В перспективе МФЦА должен стать финансовым хабом для всей Евразии.

Благодаря антикризисным мерам Казахстану удалось не только не допустить рецессии, но и обеспечить прирост ВВП на 3% по итогам 2009 года, тогда как, например, в России наблюдался экономический спад. «Антикризисная программа Казахстана является одной из лучших в СНГ, а государство вполне успешно справилось с кризисом», — напоминал тогдашний руководитель информационно-аналитического центра по изучению постсоветского пространства при МГУ им. М. В. Ломоносова **Алексей Власов**. По его мнению, это связано с тем, что казахстанский лидер Нурсултан Назарбаев не следовал постоянно колеблющимся векторам развития, а пытался формировать самостоятельную повестку дня, предлагая свое видение сложнейших проблем.

Стратегические приоритеты с опорой на средний класс

К исходу второго десятилетия XXI века экономические реформы в Казахстане приобрели ярко выраженный социально ориентированный характер: их результатом стало сокращение неравенства и улучшение положения широких слоев населения. В частности, коэффициент Джини, показывающий неравномерность распределения богатства между гражданами страны, упал с 0,319 в 1996 году до 0,290 в 2019-м, отражая рост среднего класса в республике.

20 марта 2019 года Касым-Жомарт Токаев принес присягу и вступил в должность Президента Республики Казахстан

Казахстан стал единственной страной в Центральной Азии, где все эти годы шел процесс урбанизации. Столь же уникальным оказался и опыт крупного урбанистического проекта — создания новой столицы Астаны (с 2019 года Нур-Султан), население которой с 1989 по 2016 год увеличилось в три раза. В стране стал постепенно складываться новый городской класс — важнейший актив не только с точки зрения диверсификации экономики, но и для глубоких демократических преобразований.

Как заметил в одном из интервью сам Нурсултан Назарбаев, «слава богу, что мы в Казахстане эти назревшие реформы делали постепенно... Нынешнюю модернизацию мы стали проводить только после того, как достигли уровня пять тысяч долларов ВВП на душу населения. Посудите сами, безработица снизилась с 37 до 7 процентов. Средняя заработная плата выросла в десять раз за десять лет. Пенсии выросли в пять раз только за последние годы. Вот такое общее состояние доверия и надежды стало фундаментом казахстанских реформ».

Все это в полной мере отвечает целям предложенных в 2015 году Нурсултаном Назарбаевым Пяти институциональных реформ и 100 шагов по их реализации. Ведь в число этих пяти реформ входят не только создание современного профессионального госаппарата и транспарентного государства, обеспечение верховенства права и достижение экономического роста, основанного на диверсификации и новой индустриализации, но и построение единой и процветающей нации, где «широкий средний класс является ядром формирования национальной идентичности».

Стоит отметить, что страна всегда стремилась именно к системным, устойчивым преобразованиям через создание специальных институтов, которые позволяли бы осуществлять долгосрочное планирование, при этом объективно оценивая промежуточные результаты и реагируя на меняющиеся внешние факторы. Сегодня такими институтами являются Высший совет по реформам при Президенте и Агентство по стратегическому планированию и реформам, созданные осенью 2020 года.

По уровню внутривнутриполитической стабильности и по тем экономическим преобразованиям, которые удалось провести независимому Казахстану, страна сумела сделать то, что пока не удалось ни одной другой центральноазиатской республике

Однако сам по себе институт стратегического планирования далеко не нов в Казахстане, по сути, он был создан еще Первым Президентом РК в 1997 году, когда была обнародована первая стратегия «Казахстан-2030», предшествующая стратегии «Казахстан-2050». «Страна поставила перед собой цель войти в тридцатку самых развитых стран мира, чтобы благосостояние граждан было на уровне мировых экономик. Это очень амбициозная и серьезная задача до 2050 года. И очень важно, чтобы мы, имея такую долгосрочную цель, имели четкие цели и по краткосрочным циклам», — комментирует Председатель Агентства по стратегическому планированию и реформам **Кайрат Келимбетов**. При этом, по его словам, над реформами работает каждый государственный орган, включая всю правительственную вертикаль и горизонталь.

«Реформы, запущенные при Первом Президенте Казахстана Нурсултане Назарбаеве (программа развития транспортно-логистической инфраструктуры “Нурлы Жол”, стратегия “Казахстан-2050”), продолжают и при его преемнике. Президент Касым-Жомарт Токаев настаивает на необходимости сократить присутствие государства в экономике, сократить долю традиционных отраслей, прежде всего сырьевой, и развивать новые направления, включая цифровизацию экономики, развитие возобновляемых источников энергии, онлайн-торговлю и мобильный банкинг», — комментирует **Микаэль Левистон**, научный сотрудник

евроазиатской программы Французского института международных отношений. Высший совет по реформам сегодня играет ключевую роль в выработке и углублении этих реформ — экономических, социальных и политических. Примечательно, что советником Президента по вопросам экономического реформирования и заместителем Председателя Высшего совета назначен сэр **Сума Чакрабартти**, бывший президент Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) — это тоже способ привнести в Казахстан компетенции международного экспертного сообщества.

Конечно, у выбранной стратегии реформ в Казахстане были свои изъяны и очевидные пределы. Стране все еще предстоит полностью преодолеть «ресурсное проклятие» и полностью победить коррупцию. Справедливости ради стоит отметить, что в этом направлении власти в последние годы проводят энергичную политику. Наконец, управлению в стране все еще свойственна излишняя централизация.

Однако и по уровню внутривнутриполитической стабильности, и по тем экономическим преобразованиям, которые удалось провести независимому Казахстану, страна сумела сделать то, что пока не удалось ни одной другой центральноазиатской республике. А прочность выбранного курса нашла свое подтверждение еще раз в марте 2019 года, когда в Казахстане удалось осуществить мирный транзит власти — редкое явление для постсоветской реальности. ■

Пятилетний нацпроект развития АПК, утвержденный Президентом Токаевым в октябре текущего года, ставит задачу по увеличению экспорта сельхозпродукции в 2 раза с доведением доли переработанной продукции до 70%

Никита Мамлеев

«В Казахстане модель управления построена исходя из рыночной экономики»

Султан Акимбеков, директор Института азиатских исследований, Казахстан

Тридцать лет назад на постсоветском пространстве образовались новые независимые государства. С какими основными вызовами столкнулись страны

Центральной Азии? Как с ними справился Казахстан?

— В бывшем СССР те республики, которые потом стали называть новыми независимыми государствами Центральной Азии, являлись периферийными территориями. Особенно с учетом того, что границы с Китаем и внешней Азией были закрыты. Хотя у СССР, безусловно, было экономическое взаимодействие, к примеру, с Афганистаном и Ираном, в том числе и до революций в этих странах в апреле 1978 года в одном случае и в феврале 1979 года в другом. Но это взаимодействие осуществлялось централизованно, через соответствующие центральные органы управления, что было характерно в целом для советской экономики. Поэтому можно сказать, что республики Средней Азии и Казахстан, а также их сообщества были изолированы от внешнего мира за периметром границ СССР. Впоследствии это оказало свое влияние.

Кроме того, внутри каждой республики были отрасли экономики и даже целые регионы, которые управлялись напрямую из центра, из соответствующих союзных министерств. Например, в Казахстане не было министерства угольной промышленности, и, соответственно, все предприятия этой отрасли были в прямом подчинении у Москвы. Похожая ситуация была в других важных отраслях экономики — уран, нефть, цветные металлы — и некоторых областях республики, где было сконцентрировано их производство. Помимо этого, значительную долю производства осуществляли предприятия военного назначения, в Казахстане было много закрытых городов, которые проходили по ведомству Министерства среднего машиностроения СССР. Де-факто республиканское руководство КазССР реально управляло только около 20% экономики.

Между прочим, в связи с этим было очень сложно подсчитать реальный

из личного архива

баланс экономического обмена между республиками и центром, как и между другими республиками. Точно так же нельзя было определить размер того, что сегодня называют ВВП. Кроме того, в директивной экономике цены определялись исходя из потребностей государства. В СССР цены на сырье всегда были ниже, чем на готовую продукцию. Кстати, в связи с этим не имеет особого смысла использование известной информации о том, что союзный центр дотировал республики Средней Азии и Казахстан. Вопрос здесь в ценах и учете отраслей промышленности по разным ведомствам.

Поэтому, когда СССР распался, перед властями новых независимых государств Центральной Азии одновременно возникло сразу очень много вызовов. В частности, необходимо было организовать

управление экономикой в ситуации острого кризиса системы директивного планирования. В то же время надо было организовать новую систему политического управления в ситуации, когда прежняя вертикаль власти просто исчезла.

Заметим, что в наследство от позднего СССР всем республикам осталась политическая либерализация. При любом отношении к этому процессу именно он создавал условия для обострения внутренних противоречий по всему СССР. Среди них самыми опасными были межнациональные противоречия. Хотя существует еще пример Таджикистана, где политическая либерализация в момент распада государственной системы управления привела к гражданской войне. Причем в ней участвовали разные региональные группы таджикского народа. Этот част-

ный пример подтверждает общее правило — именно отсутствие институтов, способных регулировать отношения и противоречия, на многих территориях бывшего СССР вело к конфликтам.

Здесь стоит еще вспомнить упомянутый выше фактор многолетней изоляции региона Центральной Азии от внешней Азии. Одним из последствий этого был разрыв связей с исламским миром и процессами, которые в нем происходили. После СССР у местного мусульманского населения было очень мало информации о религии, практически не было соответствующих институтов. Это создало ситуацию, которую можно охарактеризовать как *tabula rasa* («чистая доска»). Взрывной рост интереса к религии в общественном мнении поставил власти государств Центральной Азии в крайне сложное положение.

Так что ситуация для местного истеблишмента была крайне непростой. Они теперь должны были самостоятельно находить ответы на все сложные вопросы. И вот тут свою роль сыграл фактор роли личности. Потому что это был тот самый тонкий момент, когда направление развития той или иной страны зависело от того, кто ее возглавляет.

В этом смысле Таджикистан оказался жертвой обстоятельств: здесь не успели совершить переход к собственной государственной системе управления, и местные власти разделились по кланам. Все остальные извлекли уроки из таджикской ситуации, но сделали разные выводы. В Туркменистане и Узбекистане попытались восстановить советскую вертикаль управления с элементами восточной специфики. В результате они законсервировали свою политику и экономику на долгие десятилетия. Это казалось их руководству лучшим ответом на возникшие вызовы.

В Кыргызстане попытались использовать наследие политической и экономической либерализации в позднем СССР в качестве основы для более сбалансированной модели, но тоже с собственной спецификой. Но в конечном счете это и привело в последующем к трем революциям, или переворотам, точность формулировок зависит от предпочтений.

В то же время в Казахстане постарались совместить централизацию вертикали управления с рыночными реформами и общей линией на модернизацию развития страны. В начале 1990-х еще не было настолько очевидным, что Китай и Вьетнам добьются таких успехов в своем развитии. Однако уже было известно об опыте модернизации стран Юго-Восточной Азии, которые прошли путь от достаточно жестких политических режимов к более эффективным

Глобализация находится под серьезным давлением. И это не только пандемия и связанный с ней кризис производственных и логистических цепочек. Речь идет о тенденции к росту протекционистских и изоляционистских настроений в мировой экономике

моделям государственного управления и экономического развития. Но обычно в добившихся успеха государствах Азии модернизацию начинали представители централизованной системы управления.

Между прочим, выбор пути модернизации автоматически влияет и на характер централизованной системы управления. В Узбекистане это была практически советская модель бюрократии с элементами директивного планирования в экономике. В Туркменистане она была более жесткой и в плане бюрократии, и с точки зрения государственного контроля над экономикой.

В Казахстане централизованная модель управления была построена исходя из рыночной экономики и линии на модернизацию. Поэтому она не была жесткой, как в СССР или Узбекистане, и оставляла значительное пространство для частной инициативы. Между прочим, именно это стало причиной такого большого интереса государства в Казахстане к получению западного образования в рамках системы «Болашак».

— *Какой вы видите роль региона в сегодняшних геоэкономических процессах? Какие основные факторы будут определять эту роль?*

— Я полагаю, что самым важным является то, что через 30 лет после распада СССР регион Центральной Азии уже не находится в изоляции от внешнего мира.

Конечно, еще рано говорить о восстановлении прежнего его значения как центра внутриконтинентальной торговли, как это было во времена исторического Великого Шелкового пути, но важные шаги к этому уже сделаны. В частности, Казахстан с 1990-х годов делал ставку на то, чтобы в перспективе оказаться на перекрестке торговых путей. В стране решали задачи внутренней связанности отдельных регионов друг с другом, имея в виду, что они могут послужить также и основой транспортных коридоров. Поэтому, когда председатель КНР Си Цзиньпин в 2013 году выступил с инициативой «Один пояс — один путь», Казахстан оказался одной из немногих стран, затронутых этой инициативой, которые не только уже вложили значительные средства в необходимую транспортную инфраструктуру, но и были готовы делать дополнительные вложения.

Несомненно, важным фактором в этом смысле стало также начало реформ в Узбекистане. Это не только способствует общему развитию региона, потому что создается новый важный потребительский рынок, но и обеспечивает расширение его контактов с внешним миром. То есть реформирующаяся экономика Узбекистана становится дополнительным фактором развития всего региона Центральной Азии.

Конечно, переход к рынку экономики советского типа обычно происходит весьма болезненно. Мы все проходили это в начале 1990-х годов, и это были трудные времена. Поэтому кто-то может сказать, что Узбекистан потерял время для реформ. Но другие в ответ скажут, что он может стартовать с более выгодной позиции. Время покажет, но в любом случае реформы в Узбекистане — это огромный плюс для геоэкономики региона Центральной Азии.

Между прочим, сегодня Узбекистан активно занимается проектами развития транспортных коридоров в южном направлении, к морским портам Пакистана. Для его экономики это действительно очень важное направление. Хотя после недавних событий в Афганистане многие говорили, что эта страна теперь станет препятствием на пути реализации планов по строительству железной дороги Термез—Пешавар или газопровода из Туркменистана в Пакистан, но в Ташкенте, похоже, так не думают. Посмотрим, но все же, если действительно транспортные коридоры на юг заработают, то, может быть, это станет фактором стабилизации экономического положения в Афганистане.

Стоит упомянуть еще одно обстоятельство. В настоящее время глобализация находится под серьезным давлением.

Общий объем годового транзита грузов через территорию Казахстана планируется довести до 30 млн тонн к 2025 году

EAST NEWS

Казахстан с 1990-х годов делал ставку на то, чтобы в перспективе оказаться на перекрестке торговых путей. В стране решали задачи внутренней связанности отдельных регионов друг с другом, имея в виду, что они могут послужить также и основой транспортных коридоров

И это не только пандемия и связанный с ней кризис производственных и логистических цепочек. Речь идет о тенденции к росту протекционистских и изоляционистских настроений в мировой экономике. Самым наглядным проявлением этого была политика предыдущего президента США Дональда Трампа. Одним из последствий этого может стать регионализация. В таком случае внутриконтинентальная торговля в Евразии неизбежно будет становиться все более значимым фактором. Это касается не только взаимодействия по линии «Восток—Запад», но и «Север—Юг». Естественно, что это автоматически повышает роль региона Центральной Азии.

— Как глобальные тренды — демографические, технологические, климатические и др. — влияют на регион в целом и Казахстан в частности? Каким вы видите будущее региона в среднесрочной перспективе? Что прежде всего будет влиять на развитие региона?

— Одним из самых сложных для региона является вопрос климатических изменений. Это затрагивает многие страны, где расположены традиционные территории аграрного производства, включая оазисы исторического района Средней Азии, в который входят четыре республики Центральной Азии и юг Казахстана. В связи с потеплением большой проблемой становится опустынивание. К при-

меру, в этом году впервые воды в горах было так мало, что стала пересыхать река Сырдарья. В том числе вода почти не доходила до так называемого Малого Аральского моря. Как следствие, в этом ноябре столица Узбекистана Ташкент впервые столкнулась с масштабной песчаной бурей, равной которой не было ранее.

Ситуация усугубляется перенаселенностью региона. Как и многие другие исторические аграрные территории, оазисы Средней Азии сегодня заметно перенаселены из-за демографического бума. В связи с этим такие страны, как Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Кыргызстан, зависят от поставок продовольственного зерна и муки из Казахстана. Аналогичная ситуация характерна и для расположенного южнее Афганистана.

Поэтому перенаселенность на фоне климатических изменений, которые ведут к опустыниванию и постепенной потере обрабатываемых земель, создает значительное напряжение для государств Центральной Азии и прилегающих территорий. В этом смысле здесь формируется значительный миграционный потенциал. И ситуация не будет проще в ближайшие десятилетия. Экономическое развитие и новые транспортные коридоры должны создать новые рабочие места, но остается под вопросом, смогут ли они компенсировать продолжающийся рост населения.

Безусловно, сохраняются риски нестабильности в связи с развитием ситуации в Афганистане, в том числе из-за резкого ухудшения экономического положения после прекращения финансирования этого государства со стороны США. Для Афганистана характерна перенаселенность, которая усугубляется архаичным ведением сельского хозяйства на ограниченной территории. Только из Казахстана Афганистан экспортировал продовольственного зерна, муки и топлива на 600 млн долларов. Сегодня проблема в низкой платежеспособности афганских потребителей и отсутствии средств у государства. Поэтому высоки риски дестабилизации, но также и роста миграции в связи с ухудшением ситуации в экономике. Частично такая миграция возможна и в направлении Центральной Азии.

Но все-таки самыми важными являются вопросы о том, что будет происходить в мировой экономике. За последние 30 лет глобализации это первый раз, когда ее перспективы оказываются под вопросом. Соответственно, мы не знаем, что будет с торговлей, какими будут цены, например, на сырье и на готовую продукцию, какие процессы будут происходить в экономике на пространствах Евразии в целом и отдельных стран в частности. Естественно, все это является частью тех вопросов, которые беспокоят экономические власти многих стран, включая государства Центральной Азии. ■

Иннокентий Воротынский, Андрей Нальгин

Узбекистан: стабильность ценой стагнации

Модель государственного капитализма с элементами директивного планирования хоть и способствовала экономическому росту на первоначальном этапе, в дальнейшем стала тормозом развития

На 1991 год в Узбекистане была одна из самых сильных экономик среди всех постсоветских республик. Во-первых, страна имела самую большую трудовую базу — порядка 21 млн человек. Узбекистанцы традиционно считались одними из самых трудоспособных и умелых работников в Союзе.

Во-вторых, Узбекистан обладал неплохим промышленным и экспортным потенциалом. Тот же хлопок (в советские годы республика фактически была монополистом в его производстве) на 1997 год обеспечивал 75% всех валютных поступлений. Помимо хлопка страна могла экспортировать газ из месторождения в Газли, а также золото и уран, используя созданный еще в советские годы Навоийский горно-металлургический комбинат.

Однако процесс отлучения от советской экономики и продолжающийся демографический рост — порядка 2,5% в год — требовали от нового государства решительных действий. И здесь правительство первого президента республики **Ислама Каримова** выбрало гибридную модель, совмещающую элементы рыночной экономики и по-советски сильное присутствие государства во всех сферах.

Ударник госкапитализма

В течение переходного периода 1990-х Узбекистан в целом успешно решил приоритетные задачи обретения эконо-

мической и финансовой независимости: была проведена реформа органов власти, модернизирована нормативно-правовая база, введена в обращение самостоятельная нацвалюта сум, создана двухуровневая банковская система (начали функционировать Центральный банк Узбекистана и коммерческие банки) и национальная платежная система, допускающая возможность интеграции с международными платежными системами. Уже с 1998 года регулирование коммерческих банков осуществлялось в рамках международных стандартов финансовой отчетности (для сравнения: Россия перешла на МСФО лишь с середины 2003 года). Наконец, была достигнута финансовая стабильность, преодолены инфляционные шоки, создана правовая среда для привлечения иностранных инвестиций. Страна смогла остановить промышленный спад уже к 1995–1996 годам — по данным Программы развития ООН, Узбекистану это удалось первому из постсоветских стран. Впрочем, это было связано в первую очередь со спецификой узбекской модели реформирования экономики.

После бума предпринимательской активности и повсеместной либерализации начала 1990-х Узбекистан, в отличие почти от всех остальных постсоветских стран, практически сразу приступил к сворачиванию рыночной экономической системы. Будучи советским хозяйственником, первый президент Узбекистана считал за пределами высокими риски стихийной либерализации и снижения роли государства. И его можно было понять, ведь ему досталась самая густонаселенная страна в Центральной Азии с большим количеством детей и неработающих женщин, нуждавшихся в сильной социальной поддержке, которую, по его мнению, можно было надежнее обеспечить не рыночными механизмами, а консервацией осколков системы советского соцобеспечения. Поэтому Каримов решил строить экономику на жестком государственном регулировании, одновременно проводя политику мягкой самоизоляции на внешнеполитическом уровне.

Государство осуществляло прямое вмешательство в хозяйственную деятельность для поддержки приоритетных сек-

торов и отраслей, где доминировали компании с преобладающим госучастием. По сути, приватизация затронула лишь малые предприятия, государственное жилье, транспорт, строительный сектор и туризм. Широкое распространение получили такие нерыночные меры, как искусственное ограничение конкуренции, приоритетный доступ к бюджетному финансированию и иностранной валюте, продаваемой по льготным курсам.

И хотя в этом решении было больше субъективного, чем объективного — основным действующим лицом здесь был именно Каримов, — как показало время, столь аккуратная политика позволила стране пройти первый этап своего существования без сильной турбулентности, но и повлекла за собой целый ряд системных издержек.

«Узбекистан выбрал жесткую стратегию импортозамещения и работы на экспорт. При этом иностранных инвесторов фактически не допускали в национальную экономику, — замечает **Марат Шибубов**, член Национального совета общественного доверия при Президенте Республики Казахстан. — По сути, страна предпочла изоляционистский путь развития. И хотя экономически он был, мягко говоря, не очень выгодным, зато позволил добиться хоть какой-то политической и социальной стабильности».

Сохранить и себя, и дружбу с гегемонами

Безусловно, за первые десять лет независимости Каримову удалось консолидировать вокруг себя элиты Узбекистана, а также успешно лавировать между главными геополитическими игроками в регионе — Россией, Китаем и США. Последние вошли в регион после терактов 11 сентября с целью совершить «крестовый поход» против международного терроризма. Уже в октябре 2001 года Штаты начали операцию «Несокрушимая свобода» против исламистской террористической сети «Аль-Каида» и движения «Талибан» (запрещены в РФ), которая вылилась в двадцатилетнюю афганскую войну.

Конечно, столь гибкая региональная позиция была продиктована прагматическими соображениями безопасности. Ведь обеспечивать пресловутую политическую стабильность приходилось в условиях большой внешнеполитической неопределенности, которая исходила от Таджикистана и Афганистана, агонизировавших в это время в кровопролитной гражданской войне, а также от растущей угрозы исламского экстремизма.

Однако выбранная стратегия позволила не только избежать «перегибов» исламской мобилизации среди молодого

населения страны, но и усилить региональные позиции Ташкента. Используя то и дело меняющуюся региональную политическую конъюнктуру, Каримов сближался то с Москвой, то с Вашингтоном, вспышками проявлял избирательную заинтересованность в региональной интеграции, а затем резко возвращался к изоляционизму.

Иллюзия роста

Тем не менее столь прагматичная стратегия на внешнеполитическом уровне, сопровождавшаяся централизованной экономической политикой внутри страны, привела к двойственным результатам.

С одной стороны, Ташкент всегда гордился тем, что на фоне других постсоветских стран сумел достичь, по крайней мере на бумаге, неплохих экономических результатов и избежать масштабного обнищания населения в первые годы независимости. Известный историк **Александр Кадырбаев** приводит следующие данные: в 1997 году ВВП Узбекистана по отношению к 1990 году составлял 90%, тогда как в России

за эти же семь лет показатель упал до 59%. Объем промышленного производства по отношению к тому же 1990 году в Узбекистане превысил 112%, в России находился на уровне 51%, в Грузии — 23%. При этом не стоит забывать, что эти цифры были обусловлены отказом от проведения экономических реформ, по сути консервацией неэффективной советской экономической системы, сохранявшей свои наиболее одиозные элементы вплоть до последнего времени. Вызывает большие сомнения, что объемы промышленного производства тех лет включали действительно востребованную продукцию, которая могла бы найти рынки сбыта без масштабных государственных субсидий для ее производства. Таким образом, Ташкенту сегодня приходится делать с большим отставанием и в гораздо худших условиях примерно то, что большинство других стран бывшего СССР делали в 1990-е.

Каримов попытался создать в стране и новую промышленную отрасль — автомобильное производство с высоким уровнем локализации. В 1996 году совместное узбекско-южнокорейское предприятие «УзДЭУавто» начало выпуск машин Daewoo Nexia, которые стали первыми конкурентами продукции АвтоВАЗа на постсоветском пространстве. В том же году был открыт Самаркандский автомобильный завод, который занялся выпуском грузовиков и автобусов совместно с турецкими, японскими, немецкими и американскими партнерами. Однако и здесь не обошлось без издержек госкапитализма: производство автомобилей с нерыночной себестоимостью дотировалось государством, в том числе за счет запретительных пошлин для внутреннего рынка.

Значительный пласт промышленного потенциала, оставленного стране советской историей, вообще не удалось адаптировать к новым рыночным условиям. Например, одно из самых высокотехнологичных предприятий Узбекистана — Ташкентское авиационное производственное

объединение им. В. П. Чкалова — так и не сумело вывести на рынок среднемагистральный лайнер «Ил-114», в результате чего обанкротилось.

«Узбекистанское авиастроение изначально носило сборочный характер, большинство компонентов поступало из Украины и России. Сейчас у Украины большие проблемы с этой отраслью, а что касается России, то в свое время Каримову так и не удалось договориться с Ульяновским авиазаводом. При новом президенте Шавкате Мирзиёеве переговоры о поставках возобновились. Любопытно, что и в среде экспертов, и в СМИ периодически появляются различные прогнозы, что Узбекистан в ближайшее время сможет перезапустить свое авиастроение. При этом сами «предсказатели» понимают, что осуществить это в сопоставимых с советскими аналогами масштабах будет невозможно», — комментирует сегодняшнее положение в

Елена Кузьмина, заведующая сектором Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова, эксперт Российского совета по международным делам:

— Все центральноазиатские республики были встроены в производственные цепочки Советского Союза; кроме того, они были дотационными. Разрыв производственных связей и отсутствие дотаций после распада Союза привели эти страны к жесточайшему системному кризису: во всех странах драматически упал уровень жизни, а вместе с деиндустриализацией экономика всех республик сместилась на добычу сырья.

В Узбекистане советский промышленный потенциал прошел диверсификацию, и сегодня Узбекистан уже не является чисто добывающей страной. Например, текстиль в пропорциях поставок на внешний рынок

преобладает над хлопком-сырцом. С этого года примерно так же и с газом: если раньше страна его продавала России, то сейчас сама закупает у нас это топливо. При этом узбекистанцы начали развивать выпуск собственной продукции газохимии. Природные запасы, в первую очередь цветных и редкоземельных металлов, также являются одной из зон привлечения инвестиций, но государство по сей день безраздельно управляет двумя крупнейшими горно-обогатительными комбинатами, Алмалыкским и Навоийским, которые в значительном объеме отправляют свою продукцию на экспорт. Замечу, что и в этой сфере делается акцент на производство готовой продукции — Узбекистан целенаправленно развивает собственную металлургию, не ограничиваясь экспортом руд.

При этом Узбекистан начал открывать свою экономику для

иностраннх инвестиций только с приходом к власти Шавката Мирзиёева в 2017 году — раньше они были скорее точечными. Еще четыре года назад валютная система предусматривала необходимость сдачи всей долларовой выручки в специальный госфонд, и ею распоряжалось исключительно государство, а не частный бизнес. Поэтому неудивительно, что в таких условиях из договоров по привлечению иностранного капитала действовали только те, которые утверждало даже не правительство республики, а непосредственно люди из президентского окружения.

В сущности, именно Узбекистан и Казахстан в последующие годы выбрали две стратегии, к которым так или иначе стали тяготеть все остальные страны региона. Одну из них — с сильным государственным регулированием и закрытостью — выбрал Узбекистан, которому было

из личного архива

важно обеспечить сильную социальную политику при столь многочисленном населении. Это ему помогло сохранить и развить промышленность и производство.

Казахстан, наоборот, сразу сделал ставку на открытость, на привлечение иностранных инвестиций, допуск иностранных компаний в добычу полезных ископаемых, то есть страна стала активно встраиваться в мировые добывающие цепочки.

отрасли **Елена Кузьмина**, заведующая сектором Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН, эксперт Российского совета по международным делам.

Столь же печальная судьба ожидала Ташкентский тракторный завод и «Ташсельмаш», которые прекратили выпуск сельскохозяйственной техники.

Отсутствие прозрачности в работе государственных органов вместе с предельной централизацией привели к серьезным институциональным проблемам. За первые годы независимости в Узбекистане так и не возникло независимой судебной системы. Финансовый и банковский сектор были чрезмерно зарегулированы. Более того, национальная валюта до 2017 года не конвертировалась: в стране существовало три курса — установленный центральным банком, биржевой, который использовался для валютных операций некоторых компаний, и курс черного рынка. Разрыв между официальным и рыночным курсами был двукратным, но во всех показателях уступался только первый.

«Представьте себе, что вы как иностранный инвестор приходите в страну, а вам ежедневно меняют правила игры, не позволяют выводить выручку, а если позволяют, то по тому курсу, который сейчас установлен лично для вас. Какой инвестор пойдет на таких условиях?» — комментирует политолог **Юрий Солозобов**.

Косвенным показателем того, что за внешне привлекательным фасадом узбекской экономики скрываются проблемы, стала сильнейшая безработица. В стране

очень медленно создавались новые рабочие места: в самые лучшие годы на 31 млн жителей возникало в лучшем случае около 600 тыс. рабочих мест в год, и это с учетом ежегодного исчезновения рабочих мест из-за ликвидации компаний. Это и привело Узбекистан к тому, что он стал лидером Центральной Азии по количеству экспортируемых трудовых мигрантов. По официальным данным, до недавнего времени из страны на заработки ежегодно выезжало до 1,3–1,6 млн человек.

Таким образом, советский вариант экономической политики, пусть и адаптированный под новые условия, показав в Узбекистане все плюсы и минусы, по сути, оказался исчерпан. Это потребовало от руководства страны смены внешнеполитического и экономического курса, чем и занялся новый президент республики **Шавкат Мирзиёев**.

Реформы 2.0

Сразу же после прихода к власти в декабре 2016 года новый президент объявил курс на сближение с соседями, восстановление отношений с другими странами ближнего и дальнего зарубежья, либерализацию экономики и начал реформы в государственном управлении. За короткие сроки в Узбекистане была проведена валютная либерализация: граждане и предприятия получили возможность без ограничений покупать и продавать иностранную валюту по рыночному курсу. Основной этап налоговой реформы, заключающийся в реорганизации налоговых органов, завершился в 2020 году введением в действие нового

Налогового кодекса. Были также проведены реформа госкомпаний, в том числе поддержка или перепрофилирование неэффективных предприятий и производственных мощностей, и либерализация таможенно-тарифной политики, которая привела к снижению импортных таможенных пошлин и ставок акцизов по множеству товарных позиций. На 72% из 11 300 наименований импортируемых товаров установлена нулевая ставка пошлины. Страна снова перешла к 11-летней системе школьного обучения.

Несмотря на некоторый прогресс последних четырех лет, предшествовавшие им десятилетия авторитарной модернизации «сверху» дали о себе знать: вследствие слишком медленного хода реформ Узбекистан накопил структурные экономические проблемы и потерял конкурентоспособность на внешних рынках. В результате республика имеет дефицит во внешней торговле со всеми основными торговыми партнерами, кроме Кыргызстана, Афганистана и Турции. Попытки искусственно оживить внутренний спрос за счет, например, форсированного развития строительной отрасли вряд ли приведут к положительным результатам. Емкость внутреннего рынка ограничена низкими доходами жителей, а с учетом прогнозируемого в ближайшие пять лет роста численности населения на 20% именно бедность станет одним из главных вызовов для страны, чье реформирование теперь представляется задачей архисложной прежде всего из-за безнадёжно упущенных возможностей и изменившейся мировой конъюнктуры. ■

Иннокентий Воротынский, Андрей Искоркин

Туркменистан: добровольная самоизоляция

Во всей «центральноазиатской пятерке» Туркменистан стоит особняком буквально с первых дней обретения независимости, и эта самоизоляция порой обретает загадочные, а то и гротескные формы

Если изоляционизм Узбекистана все-таки отличался прагматизмом и был смягчен внешнеполитическим лавированием, то его туркменский аналог отлился в самые причудливые формы.

Почти сразу Ашхабад провозгласил политику «нейтралитета», которая в итоге вылилась фактически в самоизоляцию от бывших союзников по СССР. Такой курс был результатом личного выбора президента **Сапармурата Ниязова**. Именно поэтому анализировать путь этой страны крайне трудно: многие данные либо утаиваются, либо публикуются в заведомо искаженном виде.

Специфика реформ по-туркменски

От Советского Союза Туркменистан унаследовал значительные богатства подземных кладовых, в первую очередь природного газа, по разведанным запасам которого он оказался на четвертом месте в мире. За счет общего бюджета СССР к 1990-м годам в республике была построена добывающая и перерабатывающая промышленность — нефтегазовая, химическая, машиностроительная.

Тем не менее экономически по сравнению с Узбекистаном Туркменистан в советские годы был куда беднее. «Он ничего не платил в союзный бюджет, но и почти ничего не получал от своих ресурсов нефти и газа в силу особенностей советской системы ценообразования, которая искусственно дотировала

конечный продукт за счет снижения цен на сырье», — напоминает профессор НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО **Андрей Казанцев**.

Сапармурат Ниязов изначально ориентировался на построение в стране такой экономики, которая сочетала бы в себе элементы рыночных принципов ведения хозяйства и доминирующее участие государства, фактически выстраивая систему государственно-монополистического капитализма с азиатской спецификой. Как и соседи по региону, Туркменистан провел после распада СССР ряд реформ, в основном связанных с формированием независимых органов власти и управления, а также базовых экономических институтов. Однако в отличие от других стран «центральноазиатской пятерки» туркменские реформы носили ограничен-

но рыночный или даже квазирыночный характер, ставя своей целью приспособить экспортный сектор национального хозяйства к интеграции с внешними рынками сырья и отчасти капиталов. Во всем остальном подразумевалось сохранение преобладающей роли государства с вкраплениями социализма.

На первых порах Ашхабад был вынужден поддерживать с Москвой как можно более тесные отношения: только Россия могла гарантировать безопасность самой южной постсоветской республики. Не секрет, что в первые годы независимости в армии Туркменистана служило много российских офицеров. Именно поэтому до начала 2000-х годов русскоязычным гражданам страны было разрешено иметь двойное гражданство.

Однако с точки зрения приоритетов развития Ашхабад чем дальше, тем от-

Рабочий визит Сапармурата Ниязова в Лебапский велаят, 2003 г.

четливее ориентировался на закрытость своей экономики.

К 2000-м годам Туркменистан создал модель экономики, сращенной с государством, которое стало главным распределителем и контролером материальных и финансовых ресурсов. Была введена в обращение национальная валюта манат, создана двухуровневая банковская система, доминирующее положение в которой занимали банки с государственным участием в капитале, перестроены бюджетная и налоговая системы.

«Иностранные инвестиции (в основном турецкие, иранские, корейские и японские) и собственные капиталовложения дали возможность построить ряд крупных промышленных предприятий, среди которых следует выделить нефтеперерабатывающий завод в городе Туркменбаши, аэропорт в Ашхабаде, предприятия по переработке хлопка и выпуску готовых текстильных изделий. Удалось наладить собственное производство пшеницы, удовлетворяющее большую часть потребностей страны», — отмечает историк Александр Кадырбаев.

Но ход рыночных реформ был до крайности неторопливым: можно сказать, что основные из них получили свое развитие после 2007 года, уже при втором президенте Гурбангулы Бердымухамедове. В частности, рынок ценных бумаг, в том числе государственных, был создан лишь в 2010-х годах.

Государство — это я

Постсоветская приватизация в Туркменистане носила крайне скромный характер и была ограничена переходом в частные руки лишь субъектов малого предпринимательства преимущественно в сфере услуг, торговли и сельского хозяйства. Земля и недра остались в собственности государства, земельного рынка не существует и поныне.

Костяк туркменской экономики с начала XXI века составляют крупные государственные предприятия и банки. Большинство из них являются монополистами в своей сфере, особенно это касается нефтегазового комплекса, на который приходится более трети ВВП Туркменистана. Добыча газа сосредоточена в рамках государственного концерна «Туркменгаз», который разрабатывает более 30 месторождений, в том числе Довлетабад, Шатлык, Малай, Керпичли. Добычу нефти ведет госконцерн «Туркменнефть», а геологоразведкой занимается «Туркменгеология».

«Ниязов создал политико-экономическую систему, основанную на государственном контроле и углеводородных богатствах страны», — резюмирует Пол Стронски, старший научный сотрудник программы «Россия и Евразия» Фонда

За пару десятилетий в стране появилось свыше 14 тыс. статуй и бюстов Туркменбаши. Их число стало уменьшаться с приходом к власти Гурбангулы Бердымухамедова

Карнеги. За счет нефтегазовых доходов населению вплоть до 2019 года предоставлялись на бесплатной основе, хотя и в рамках установленных государством квот, отдельные услуги ЖКХ, а также отдельные товары первой необходимости: моторное топливо для автовладельцев, соль, хлеб. Это своего рода социальный контракт, который был заключен при Сапармурате Ниязове, ориентировавшемся на практику ближневосточных «петрокраций» — Саудовской Аравии, Катара, ОАЭ.

По его инициативе в 2003 году была принята Стратегия экономического, политического и культурного развития Туркменистана, рассчитанная на семь лет, с упором на повышение жизненного уровня населения. Был обещан рост зарплат с впечатляющим темпом 20–25% в год, увеличение в 5,3 раза государственного финансирования социальных программ, сохранение бесплатного образования и здравоохранения. В стратегию были заложены совершенно фантастические темпы экономического и промышленного роста на среднем уровне 22–24% ежегодно. Но на практике большинство положений этого документа так и не были реализованы ни в части роста реальных доходов населения, ни по количественным параметрам экономического и промышленного развития. Более того, Туркменистан — единственная на постсоветском пространстве страна, чьи макроэкономические показатели не вызывают доверия международных экспертов. Даже МВФ отказался в итоге от использования официальной туркменской статистики и стал

закладывать в свои публикации оценки, полученные миссией фонда.

Экспортные доходы не были использованы для диверсификации экономики. Преимущественно они направлялись на поддержание определенного материального уровня населения страны в рамках навязанного сверху социального консенсуса, но без особых успехов.

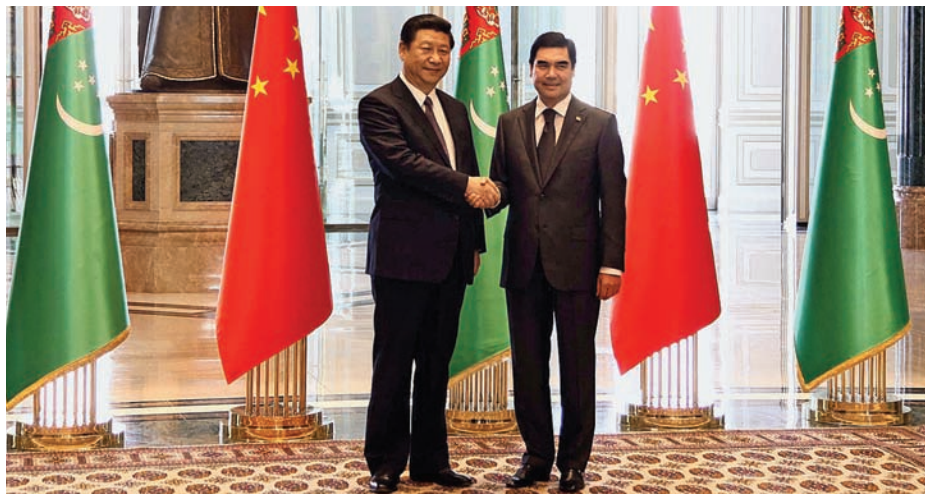
Итогом этого стало замораживание социально-экономического развития страны, высокая безработица, гуманитарная деградация и без того слабо урбанизированного населения, затухание систем здравоохранения и образования. Чтобы оплачивать престижные проекты, Туркменбаши приказал закрыть все больницы за пределами столицы, а едва ли не все начальное образование было сосредоточено на изучении «священной книги» «Рухнама». Вместе с этим начался и заметный отток русскоязычного городского населения — как правило, хорошо образованного и высококвалифицированного.

Газ раздора и надежд

Радикальный поворот произошел и во внешней торговле. Сапармурат Ниязов, при всей своей склонности к изоляционизму, предпочитал использовать уже сложившиеся экономические связи с Россией, унаследованные от единой народнохозяйственной системы СССР. Благодаря этому туркменский газ экспортировался по западному направлению в РФ и Украину, а также в другие страны СНГ при посредничестве «Газпрома», объемы поставок превышали 40 млрд кубометров в год. Но уже в 2007 году возник газовый конфликт с Москвой из-за цен и условий транзита через российскую систему магистральных газопроводов, и тогда Туркменистан стал проводить более многовекторную политику, разыскивая новых, более надежных покупателей.

В итоге Россия согласилась закупать больше газа и повысить закупочную цену на него, при этом «Газпром» должен был начать строительство газопровода «Восток—Запад» от месторождений в Марыйском велаяте к существующей инфраструктуре Прикаспийского газопровода. Тем не менее в 2009 году Ашхабад объявил международный конкурс на реализацию этого проекта, а год спустя и вовсе заявил, что проложит трубы сам. Это стало сигналом к свертыванию российско-туркменского газового партнерства, что в 2010-х привело к полному отказу России от закупок природного газа в Туркменистане. В этих условиях Ашхабад начал переориентироваться на выстраивание отношений с Пекином.

Довольно быстро Китай стал крупным инвестором в нефтегазовый сек-

За счет усиления энергетических связей Поднебесная стала для Туркменистана главным торгово-экономическим партнером. Гурбангулы Бердымухамедов (справа) и Си Цзиньпин после церемонии подписания договора между компанией CNPC и концерном «Туркменгаз» об увеличении объемов поставки газа в Китай, 2013 г.

тор страны-соседа, при его финансовой поддержке были построены три нитки газопровода Туркменистан—Узбекистан—Казахстан—Китай, сейчас строится четвертая, которая соединит газовые инфраструктуры Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана для подачи газа в южную и центральную часть Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая.

Кроме того, КНР много инвестирует в туркменскую газопереработку и газодобычу: на средства Китайской национальной нефтегазовой корпорации идет освоение перспективных месторождений проекта «Галкыныш», строятся новые газоперерабатывающие заводы на правом берегу Амударьи. Впрочем, китайская активность здесь в основном ограничивается очисткой добываемого газа от примесей и влаги для последующего экспорта в КНР.

Хотя статистика по туркмено-китайскому газовому партнерству максимально закрыта, по оценкам экспертов, Китай фактически контролирует более 80% туркменского газового экспорта и две трети газопереработки. При этом большая часть поставок засчитывается в погашение межгосударственных кредитов, которые Ашхабад привлек у Пекина за последние 10–12 лет, и не приносит особых выгод ни экономике, ни бюджету страны. А традиционный способ, которым Китай реализует совместные строительные проекты за счет только своего бизнеса и своей рабочей силы, вызывает растущее недовольство среди населения, страдающего от низких зарплат и высокой безработицы. То есть, пойдя на газовый разрыв с Москвой, Ашхабад всего лишь поменял зависимость от одного покупателя на еще большую зависимость от другого, причем на гораздо худших условиях. С каждым годом туркменская экономика, утратившая динамику под грузом накопившихся

проблем, все сильнее отстает даже от некоторых соседей. Увы, второго Катара из нее не получилось.

Впрочем, по некоторым оценкам, уже просматриваются перспективы возврата к долгосрочному российско-туркменскому газовому сотрудничеству. «Туркменистан уже получил крайне негативный опыт разрыва газовых отношений с Россией. Споры и суды дали только убытки и ущерб. А для России туркменский газ — лучший вариант наполнения газопровода «Северный поток — 2» газом от независимых источников», — напоминает политолог и востоковед **Дмитрий Верхотуров**.

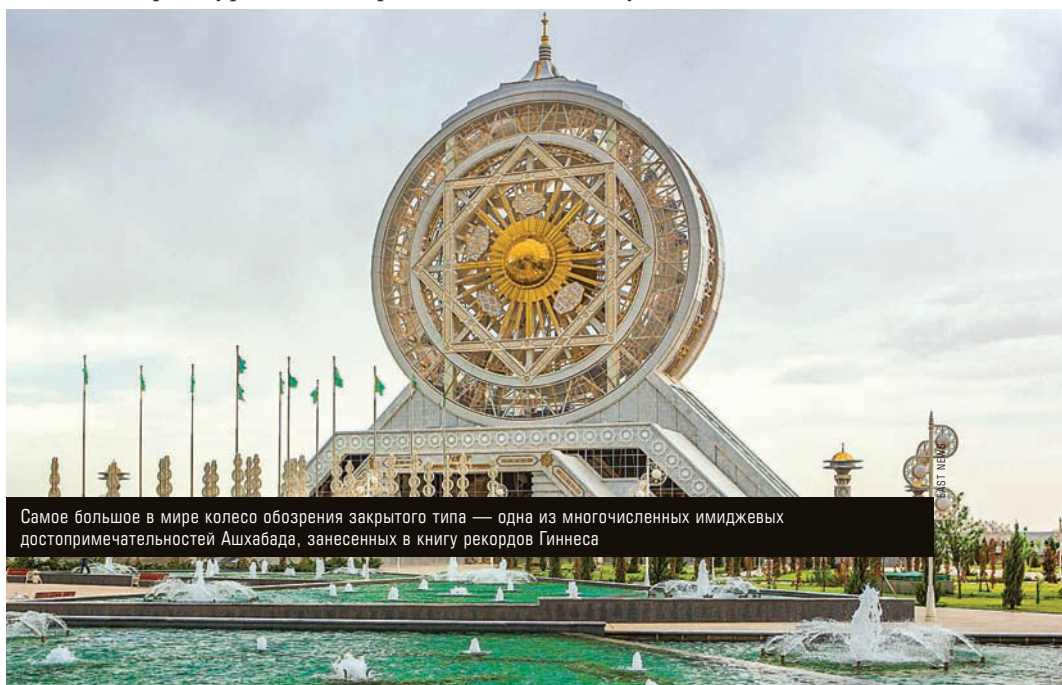
От Туркменбаши к Аркадагу

Еще одним знаковым для Туркменистана событием стала смена власти. 21 декабря 2006 года Ниязов умер от инфаркта. Бразды правления неожиданно для многих перешли к 49-летнему Гурбангулы Бердымухамедову, которого, по некоторым данным, выбрал в преемники лично Туркменбаши. К тому моменту он уже пять лет занимал пост зампреда кабинета министров Туркмении. Передача

власти прошла впечатляюще спокойно. Однако чуда не произошло: новый президент страны в целом продолжил политический и экономический курс своего предшественника и наставника, то есть на «замораживание» Туркменистана, замещая культ личности Ниязова своим.

И тем не менее на какое-то время в социально-экономической жизни произошли некоторые подвижки. Были открыты библиотеки, закрытые в 2005 году указом Сапармурата Ниязова, восстановлено десятилетнее школьное образование, прежде сокращенное на один год, возобновлена деятельность Академии наук, был возрожден институт аспирантуры и докторантуры в вузах страны. В 2013–2014 годах произошел переход школ на двенадцатилетнюю систему обучения. Началась реализация госпрограмм поддержки обучения местных специалистов за рубежом в таких странах, как Малайзия и Турция, по ряду специальностей, необходимых нефтегазовому комплексу. Эти реформы преследовали целью не только обозначить чуть более либеральный, чем у предшественника, вектор развития, но и восстановить квалификацию управленческих кадров.

Однако в целом, несмотря на ограниченные структурные реформы, основу туркменской экономики и при новом президенте по-прежнему составляет добыча и экспорт газа. Это приводит к высокой зависимости бюджета от мировых цен на сырье, при этом механизмов демпфирования негативных воздействий от неблагоприятного изменения внешнеторговой конъюнктуры не создано, что уже вынудило власти с середины 2010-х начать сворачивать социальные программы. Позитивные сдвиги заметны разве что в сельском хозяйстве: Туркменистан не только сумел достичь самодостаточности по зерну, посевы которого расширились за счет хлопка, но и начать экспортировать пшеницу.

Самое большое в мире колесо обозрения закрытого типа — одна из многочисленных имиджевых достопримечательностей Ашхабада, занесенных в книгу рекордов Гиннеса

Иннокентий Воротынский, Андрей Нальгин

Таджикистан: в тени гражданской войны

Страна прошла через долгую, разрушительную и бессмысленную войну, но выдержать испытание мирным временем оказалось ничуть не легче

Накануне развала СССР Таджикистан представлял собой потенциальную пороховую бочку — настолько серьезным оказался груз проблем, накопленных за советские годы.

Действительно, сама национальная конструкция республики — «таджикский народ» — практически все советские годы удерживалась только за счет хитро переплетенных договоренностей между местными кланами, политической воли центра и постоянной экономической и ресурсной накачки. Последняя практически уничтожила традиционную хозяйственную систему страны, что за неимением новой, более устойчивой социальной структуры лишь консервировало проблемы структуры имеющейся. А если прибавить к этому демографический взрыв, который произошел в 1970-х годах — и это в наименее развитой в экономическом отношении республике СССР, — то на выходе получается страна, которая на всех парах мчится в «черную дыру».

Цена гражданского несогласия

Тут уместно вспомнить, что, хотя таджикская государственность традиционно отсчитывается в историографии со времен древних Согдианы и Бактрии,

как союзная республика в составе СССР Таджикистан возник лишь в самом конце 1920-х, когда победившие коммунисты для удобства управления разделили Узбекистан на две неравные части по этническому принципу. Эта своего рода вторичность, ставившая под сомнение полноту таджикского суверенитета после развала СССР, горько аукнулась молодой республике в начале 1990-х. В числе прочих факторов она послужила одной из предпосылок затяжного внутривнутриполитического и внутриэтнического конфликта, переросшего в долгую гражданскую войну.

Для взрыва нужен был только повод. И он подвернулся в старой доброй клановой розни: представители двух сильнейших группировок, занимавших в советские годы высшие административные и силовые посты в республике, не поделили власть с другими фракциями. По сути, трещина пошла по линии традиционного противоречия между «национально-государственной» формой организации политической власти и локальным типом социальных связей, неизбежно порождающего клановые и «земляческие» конфликты.

Так началась кровопролитная гражданская война между правительственными войсками и оппозицией, которая продлилась почти пять лет, с 1992 по

1997 год. Помимо огромных человеческих жертв (количество погибших, по минимальным оценкам, варьируется в пределе 100–150 тыс. человек) и беженцев (по приблизительным оценкам, больше 1,5 млн человек при населении страны порядка 5,5 млн) была уничтожена почти вся советская инфраструктура — школы и больницы, дороги, промышленные объекты.

По самым скромным подсчетам, только прямой ущерб составил более 10 млрд долларов по курсу тех лет. Для сравнения: весь таджикский ВВП за последний военный 1997 год составил 2,18 млрд долларов, а плану 3 млрд преодолел

Зарина Дадабаева, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института экономики РАН, доктор политических наук:

— Индустриально-аграрную экономику советского Таджикистана, где 38 процентов составляла промышленность и 15,4 процента — сельское хозяйство, сменила аграрно-индустриальная модель развития независимого Таджикистана, которую пытаются изменить на протяжении всего постсоветского периода. База для развития промышленности сохранилась — это известные советские предприятия, такие как Таджикский алюминиевый завод, гидроэнергетические объекты, завод азотных удобрений в Курган-Тюбе (ныне город

Бохтар), заводы по изготовлению пластмасс и производству бытовых холодильников в Душанбе, электрохимический завод в Яване; сохранился и потенциал уникальных предприятий ВПК. В Национальной стратегии развития на период до 2030 года поставлена задача постепенного перехода к индустриально-аграрному типу экономики, но ее решение пока идет медленными темпами.

Тем не менее за тридцать лет независимости удалось достичь некоторых успехов. Так, в легкой промышленности появилось более 50 крупных предприятий (в основном они перерабатывают хлопок); в горнодобывающей отрасли введено в эксплуатацию 38 крупных объектов; количество заводов по производству

стройматериалов выросло с 30 до 517. Создано пять свободных экономических зон, где зарегистрировано 75 предприятий. Там производят солнечные гелиоколлекторы, электрические провода, различные пластиковые профили, пищевые продукты и прочее. При этом доля населения, занятого в промышленности, составляет чуть более 10 процентов — количество ежегодно создаваемых рабочих мест значительно отстает от темпов роста трудоспособного населения. Почти 46 процентов населения заняты в сельском хозяйстве.

Таджикистан довольно интересная страна с точки зрения экономического развития. С одной стороны, она обладает большим людским потенциалом — 9,6 миллиона че-

из личного архива

людек, среди которых преобладает молодое экономически активное население; с другой — слабая экономика не может обеспечить работой основную массу населения, а уровень образования не позволяет приобретать необходимые профессиональные навыки.

только по итогам довольно успешного для мировой экономики 2002 года. Кроме того, Таджикистан понес и косвенные потери, связанные со спадом деловой активности, ростом безработицы, появлением больших групп вынужденных переселенцев и неизбежного в таких условиях роста криминала. Этот ущерб в источниках оценивается по-разному, но в любом случае он составляет не меньше двух-трех миллиардов долларов. Иными словами, гражданская война обошлась республике в шесть-семь размеров национальной экономики. После таких потерь у Таджикистана уже не было шансов на восстановление, считает **Марат Шибутов**, член Национального совета общественного доверия при Президенте Республики Казахстан. Неудивительно, что победа Душанбе в итоге оказалась пирровой.

Покончить с войной удалось бывшему директору совхоза имени Ленина в Дангаринском районе, третьему президенту Таджикистана **Эмомали Рахмонову (Рахмону)**, который при посредничестве России сумел договориться с силами оппозиции. Впрочем, отдельные стычки с полевыми командирами, не пожелавшими признать подписанное в Москве Общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане, продолжались до 1999 года.

Проблемы мирного времени

Конец войны не принес облегчения. Стране еще предстояло пережить мощнейшую волну деиндустриализации: если в 1992 году ВВП Таджикистана на 47% формировался за счет производства промышленной продукции, то к 2013 году его вклад упал до катастрофических 16%. Таджикистан покинуло не менее 90 тыс. русских и русскоязычных жителей,

EAST NEWS

которые в мирное время составляли костяк научных, инженерно-технических и педагогических кадров. Это сделало восстановление и запуск поврежденных в ходе войны промышленных предприятий республики делом весьма проблематичным. Впрочем, ухудшало ситуацию еще и то, что страна, в отличие от других государств Центральной Азии, не располагала крупными месторождениями нефти и газа. А для капитализации главных ресурсов республики — воды и минералов — требовались серьезные инвестиции и, опять же, профессиональные кадры, которых не было. По данным Всемирного банка, в 1999 году уровень бедности в стране составлял умопомрачительные 96%. Пышным цветом расцвел нелегальный бизнес, чему способствовал тот факт, что страна со-

седствует с напичканным наркотиками Афганистаном. Неизжитым оказалось и постконфликтное сознание: память о войне на многие годы парализовала социальную жизнь в Таджикистане.

Между Сциллой и Харибдой

Выбор приоритетов экономической стратегии на рубеже веков для Таджикистана был в значительной мере ограничен крайне узким, в отличие от соседей по региону, коридором возможностей. В первую очередь необходимо было решать задачи восстановления управляемости экономики и государства, преодоления послевоенной разрухи и достижения хотя бы минимальной социально-экономической стабильности. Тогда как вопросы реформирования и диверсификации национального хозяйства в соответствии с основными вызовами XXI столетия временно отходили на второй план.

Затем последовали реформы, в первую очередь денежные. В 2000 году Рахмон ввел в обращение национальную валюту сомони взамен таджикских рублей, причем обмен шел из расчета 1000:1 без какой-либо дискриминации и конфискации. Эта реформа преследовала цель стабилизировать нарушенную гражданской войной денежную систему страны, а также обуздать инфляцию. После введения сомони новый импульс к развитию получила банковская система республики, начали расти ее активы и пассивы, происходило улучшение качества банковских балансов. Если в начале 2000-х годов более 10% кредитных портфелей коммерческих банков были просрочены, что по мировым меркам является критическим уровнем с точки зрения финансовой устойчивости, то к 2010-м этот показатель сократился вдвое. На по-

казателях банковской системы положительно сказалась и денежная амнистия, проведенная в 2002 году. Она позволила привлечь на банковские счета десятки миллионов сомони. Активно развивались небанковские финансовые институты — микрокредитные организации и фонды, их количество выросло в 20 раз за первые десять лет XXI века. В 2009 году заработал рынок ценных бумаг, а в 2014-м была создана правовая база регулирования исламского банкинга. Но после 2015 года развитие банковской системы Таджикистана замедлилось, а качество ее активов стало ухудшаться. А вот рыночные реформы в Таджикистане либо не были проведены, либо носили ограниченный характер.

Реформы на бумаге

Объявленная еще в 1995 году программа приватизации была довольно быстро свернута — Эмомали Рахмон в своих посланиях с 2010 по 2019 год вообще не касался этой темы. В частные руки перешли лишь некоторые малые и средние предприятия, в основном в секторе услуг. Крупный бизнес остался в собственности государства — он и по сей день составляет основную часть промышленности Таджикистана, но при этом зачастую нерентабелен из-за плохого управления топ-менеджеров, назначаемых правительством. «Нежелание чиновников отдавать собственность, на мой взгляд, не самая большая проблема для Таджикистана, — подчеркивает главный редактор таджикского представительства Института по освещению войны и мира (IWPR) **Марат Мамадшоев**. — Хуже этого распространенный среди многих граждан стереотип о том, что нужно всячески защищать институт государственной собственности, прежде всего на средства производства, и не допускать приватизации».

Не состоялась в Таджикистане и земельная реформа: власть больше озабочена инвентаризацией земель и регулированием права их пожизненного наследуемого пользования гражданами республики. Наконец, первая таджикская долгосрочная стратегия развития НСР-2015, принятая в 2006 году, в исполнении провалилась из-за нехватки финансов. По некоторым прогнозам, та же участь ожидает и пришедшую ей на смену НСР-2030, где предлагаемый бюджет в размере более 100 млрд долларов, 50% из которых предполагается получить за счет привлечения частных инвестиций, не выглядит сколько-нибудь реалистичным инструментом достижения поставленных амбициозных целей. Тем более что, несмотря на некоторые довольно скромные успехи в проведении нало-

говых реформ, эксперты прогнозируют для Таджикистана сохранение низкого уровня притока прямых иностранных инвестиций и ускорение оттока капитала из страны, связывая эту тенденцию с сохранением неблагоприятной среды для ведения бизнеса в республике.

Под властью всепоглощающего Китая

Зато на внешнеполитическом уровне Таджикистану пришлось проявлять всю возможную гибкость. Этого требовали и разруха в стране, которая уже не могла существовать без внешней помощи, и проблемы региональной безопасности: основной и перманентной угрозой для Душанбе все годы независимости оставался Афганистан.

«Отсюда и разноразличность внешней и внутренней политики республики: с одной стороны, поиск внешних инвесторов и постоянное взаимодействие с международными финансовыми организациями, с другой — стремление взять под контроль всю экономическую и политическую жизнь страны, постоянные метания между авторитарными тенденциями и необходимостью согласовывать любое действие с влиятельными региональными элитами», — комментирует ситуацию историк **Леонид Бляхер**.

Ситуацией быстро воспользовался Китай, который в качестве крупного кредитора стал приобретать контроль над множеством таджикских месторождений и объектов инфраструктуры, по сути, за долги. К концу второго десятилетия XXI века внешний долг Душанбе Пекину почти достиг трех миллиардов долларов, или почти 60% всего внешнего долга. Причем инвесторы из КНР в основном спонсируют строительство объектов транспортно-логистической инфраструктуры, которые помогают ускорить транспортировку товаров из Китая в Таджикистан и дальше, практически не обеспечивая рабочие места для таджиков, привозя своих рабочих. В настоящее время в Таджикистане с населением девять миллионов человек зарегистрировано не менее 400 китайских компаний, значительная часть их персонала — выходцы из КНР.

«Китай добился впечатляющих результатов в освоении транспортно-логистических и природных ресурсов Таджикистана. Пекин превратился в практически безальтернативный источник финансовых и других ресурсов для руководства Таджикистана, пытающегося использовать их для решения социальных проблем и поддержания внутренней стабильности. В результате выросла экономическая, прежде все-

го долговая, зависимость Душанбе от КНР, однако правительство республики продолжает следовать прежним курсом, который может привести к утрате экономической независимости и даже части политического суверенитета», — предупреждает **Андрей Титаренко** из Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН.

Ловушка бедности

Таджикистан и по сей день не преодолел последствия гражданской войны. Страна застыла на аграрно-индустриальном переходе с крайне низким уровнем урбанизации, который с 1990-х годов не превышает 30%, так и не реализовав ресурсный потенциал, полученный после выхода из Советского Союза.

Несмотря на то что ограниченные реформы 2000–2015 годов все же позволили добиться семикратного роста душевого ВВП, который в 2015 году достиг 921 доллара и продвинул Таджикистан на 161-е место в мире, страна так и остается одной из беднейших на планете. Уровень бедности за эти годы снизился в два с половиной раза, но только если понимать бедность по методологии Всемирного банка — как жизнь менее чем на два доллара в день. При этом денежные перево-

ды работающих за рубежом трудовых мигрантов составляют 40–45% ВВП.

«Все это иллюстрирует специфику экономического роста в Таджикистане в начале XXI века, который можно определить как имеющий преимущественно потребительский характер, — отмечает **Манучехр Садридинов**, завкафедрой финансов и налогообложения Института предпринимательства и сервиса Республики Таджикистан. — Темпы роста конечного потребления намного опережали темпы роста внутреннего производства, тогда как инвестиции в основной капитал почти не росли. И в этом принципиальное отличие Таджикистана от его ближайших соседей (Кыргызстана, Казахстана) и тем более России, у которых темпы роста инвестиций превышали темпы роста ВВП».

Иннокентий Воротынский, Андрей Искоркин

Кыргызстан: катастрофа непродуманной демократии

Благие намерения создать из отсталой союзной республики процветающую либеральную демократию отбросили страну на годы назад в развитии

Д

жону Адамсу, второму президенту США, принадлежат такие на первый взгляд удивительные строки: «Запомните, что демократия продолжается недолго. Уже скоро она чахнет, изнемогает и умерщвляет сама себя. Не было еще такой демократии, которая не совершила самоубийства». Если перенести эти слова из американского политического контекста XVIII века в центральноазиатский контекст конца XX века, то они как нельзя лучше характеризуют проблемы, с которыми столкнулась Кыргызская Республика после выхода из СССР.

С самого начала республика метила в статус «центральноазиатской Швейцарии» и «островка демократии». С одной стороны, Бишкек поддерживал почти все региональные инициативы России, рассчитывая на военный патронаж со стороны Москвы: с момента столкновений киргизов с узбеками в Ошской области, а также ввиду угрозы со стороны «Талибана» проблема безопасности стала для новой республики приоритетной.

С другой стороны, с того момента, как первым президентом Кыргызстана был избран профессор **Аскар Акаев**,

руководство страны стало старательно выстраивать имидж самой демократической и прозападной республики в регионе. Это выразилось и в стремлении как можно быстрее провести либерализацию экономики.

Математическое планирование и открытость миру

К началу 2000-х годов в Кыргызстане были сформированы основы рыночной экономики: проведена массовая приватизация, обновлена, а в ряде случаев создана законодательная база, осуществлены земельная и денежная реформы, полностью модернизирована система государственного управления. В том числе была реализована одна из самых успешных на постсоветском пространстве реформ местного самоуправления. В то же время удалось привлечь значительные объемы иностранных инвестиций, с помощью которых в республике модернизировались советские и создавались новые предприятия. В конце 1990-х благодаря привлечению канадских инвестиций была запущена добыча золота и серебра на высокогорном руднике «Кумтор», открытом еще в 1978 году, но более десяти лет никак не развивавшемся вследствие

высокой стоимости проекта (более 1,5 млрд долларов по тогдашним оценкам). За последующие двадцать лет его работы было произведено почти 400 тонн золота. Было также модернизировано и вновь введено в строй крупнейшее предприятие — Токмакский стекольный завод.

Кыргызстан проявил открытость любым интеграционным структурам и международным многосторонним организациям: Бишкек вступил в СНГ, ОДКБ, Таможенный союз, ЕврАзЭС. А уже в 1998 году Кыргызстан (раньше Россия) вступил во Всемирную торговую организацию, тем самым получив возможность реэкспорта китайских товаров.

На международной арене страна добилась определенного признания как суверенное государство с более чем 2000-летней историей. По решению ООН 2003 год был объявлен Международным годом 2200-летия киргизской государственности, а 2002 год — Международным годом гор, который отмечался на Саммите горных стран в Бишкеке.

В 2001 году началась реализация первой и на сегодняшний день единственной в стране долгосрочной программы комплексного социально-экономического

Кыргызстан: от деиндустриализации к стабилизации

О восстановлении экономики после «лихих 90-х», о текущей макроэкономической ситуации и о главных проблемах и перспективах Кыргызстана мы беседуем с доктором экономических наук **Азой Мигранян**, ведущим научным сотрудником Института экономики РАН, заведующей отделом экономических исследований Института стран СНГ.

— **Аза Ашотовна, можно ли сказать, что переход к рыночной экономике оказался особенно болезненным для Кыргызстана?**

— За первые пять лет независимости страна претерпела стремительную деиндустриализацию. Если в самом начале 90-х на долю промышленного сектора приходилось до трети ВВП — это позволяло характеризовать страну как индустриально-аграрную экономику, — то уже в 1995 году, после разрыва экономических связей и проведения рыночных реформ, Кыргызстан превратился в аграрно-индустриальную республику. Развитие промышленного сегмента было направлено в основном на удовлетворение текущих потребностей местного населения. Это переработка сельхозпродукции, некоторые направления строительной отрасли, сервисные услуги. Конечно, предпринимались попытки поддержать промышленный сектор на базе бывших военных заводов, сохранившихся с советских времен, в том числе известного Бишкекского приборостроительного завода (преобразован в ОАО «Транснациональная корпорация "Дастан"» — «**Эксперт**»), но, увы, не очень успешно. Первые программы экономического развития независимого Кыргызста-

на предполагали, что он будет выполнять стратегию на базе энергетического потенциала. Однако сегодня мы видим, что удельный вес киргизской энергетики в ВВП резко снизился, уменьшилась ее роль в экспорте и изменился характер влияния на экономическую политику. Уже к середине-концу 2000-х республика превратилась из экспортера электроэнергии в ее импортера.

— **Как 2000-е отразились на экономике страны?**

— К этому времени уже укрепился тренд перехода к сервисной экономике. Бурное развитие получили мелкооптовая и розничная торговля, сфера услуг. На эти же годы пришелся туристический и гостиничный бум, прежде всего на озере Иссык-Куль. Доля торговли и сервисных услуг выросла, замесив потери промышленного производства. Расширился сектор посреднических услуг во внешней и внутренней торговле, драйвером экономического роста стал резкспорт готовой продукции. К 2010 году республика представляла собой своего рода распределительный хаб товаров народного потребления Центральной Азии, которые шли из Китая, Турции, Ирана, Пакистана, частично из Индии, главным образом на знаменитый киргизский рынок «Дордой». А оттуда направлялись дальше в страны СНГ. Если рассматривать поздний период, то для него более характерна модель, в которой промышленный сектор Кыргызстана формирует лишь одну пятую всего объема экономики, а его основу составляет горнодобывающее, точнее золоторудное, производство «Кумтор». Остальные направления — это вспомога-

тельные к ним отрасли, которые развиваются, и достаточно неплохо, но по удельному весу они невелики.

— **Можно ли сегодня говорить о тенденции устойчивого экономического роста экономики Кыргызстана?**

— Сервисная и посредническая деятельность в принципе не может быть основой для устойчивого роста, поэтому я бы пока не стала о нем говорить. Но можно отметить некоторую стабилизацию. При этом зависимость Кыргызстана от резкспорта и импорта (особенно после вступления страны в ЕАЭС) обусловила большую зависимость от волатильности мировых цен, конъюнктуры спроса, доступности внешних рынков, интенсивности конкуренции и так далее. В стране созданы предпосылки для формирования источников роста, но они имеют краткосрочный характер, когда основной капитал инвестируется только в те сферы, в которых реальные его скорая оборачиваемость и отдача, прямым результатом которых становится развитие предприятий с так называемым малым циклом жизненного процесса.

Стабилизация темпов роста обеспечивается в основном за счет золотодобывающей отрасли. Это важно. Изменения цен на мировых рынках, особенно по сырьевой продукции, которые довольно ощутимы, часты по Казахстану, Туркменистану, частично по Узбекистану, по большому счету мало затрагивают Кыргызстан, так как основой экспорта является золото.

Практически все соседи по региону добывают золото, но для Кыргызстана эта отрасль является бюджетообразующей. Во всяком случае, золото, как мы знаем, в ка-

из личного архива

честве специфического товара имеет «обратную реакцию» на мировых фондовых рынках: во время кризиса его цена только поднимается. Благодаря этому у страны складывается более или менее устойчивый приток валютной выручки, что, собственно, и позволяет поддерживать валютный курс — если не брать во внимание его резких падений, связанных с мировыми кризисами.

В то же время дает о себе знать растущий госдолг. За последние годы долговая зависимость только усугубилась. По итогам прошлого года внешний долг Кыргызстана составил 68 процентов ВВП, в связи с этим Евразийская комиссия даже была вынуждена делать свои замечания. Рост долгового бремени обусловлен тем, что с момента обретения независимости страна практически всегда считалась эталонным среднеазиатским островком демократии (и это без сарказма), любимцем (если не сказать бальваном) очень многих международных кредиторов, которые охотно брались инвестировать в ее проекты. Соответственно, объем вложений, исходя из целей этих кредитных организаций, в большей степени был направлен на создание институтов развития общества и демократии. Но куда в меньшей степени на реализацию экономических проектов.

■ Интервью взял Алексей Голяков

развития до 2010 года (КОР-2010). Она разрабатывалась при участии ряда влиятельных международных финансовых организаций, таких как Всемирный банк, Азиатский банк развития, МВФ и ЕБРР. В отличие от многих «стратегий», в изобилии плодившихся на постсоветском пространстве в те годы, киргизская программа была обеспечена финансовыми ресурсами и успешно выполнялась в 2001–2004 годах, благодаря чему средние темпы роста экономики составили 5,6% в год. В республике была сформирована действительно многопартийная поли-

тическая система, характеризующаяся наличием нескольких оппозиционных партий, а также независимых СМИ. Значительный объем прав имели органы местного самоуправления.

Таким образом, в начале XXI века Кыргызстан представлял собой весьма динамично развивавшееся государство, которое многие исследователи даже приводили в качестве примера того, насколько успешными могут быть рыночные реформы даже в довольно отсталых экономиках. Безусловно, значительная часть этих успехов была неразрывно

связана с личностью первого президента республики Аскара Акаева. Во власть он пришел с поста президента Академии наук Киргизской ССР, где успел утвердиться как незаурядный математик и талантливый управленец.

Либерализация споткнулась о клановость элит

Тем не менее столь стремительная внутривластная демократизация и либерализация вместе с открытостью едва ли не всем международным структурам не привели к ожидаемым

переменам. Сознание элит оставалось архаичным, основанным на восточных клановых представлениях о практиках государственного управления. В процессе реформ элиты сосредоточили в своих руках очень значительные финансовые и управленческие ресурсы, дававшие серьезные рычаги влияния на экономику.

Уже к концу 1996 года ввиду хронического бюджетного дефицита и нарастания бюджетной задолженности по выплатам зарплат, пенсий и пособий курс киргизского сома резко упал по отношению к доллару. Это тут же привело к обвалу реальных доходов населения, сокращению доли банковских сбережений и росту бедности. К середине 2000-х в черте бедности проживало от 35 до 40% жителей республики, ВВП на душу населения не превышал 65% от максимального докризисного уровня. Ситуация усугублялась экономическим расслоением киргизского общества, ростом доли бедного населения на фоне появления узкого слоя сверхбогатых.

Киргизская экономика, с одной стороны, смещалась к аграрно-сервисному полюсу, а с другой — погружалась в тень. Особенно сильно расцвели нелегальная внутренняя и трансграничная торговля и контрабанда: по разным подсчетам, в 1993–2010 годах объем скрытой экономики возрос с 1,4 млрд до 42 млрд сомов.

Наконец, внешнеторговый баланс, который хронически сводился с дефицитом, только усиливал зависимость страны от импорта любых товаров. Республика была обречена разыскивать любую возможную помощь извне. Неудивительно, что на фоне Таджикистана, пострадавшего от гражданской войны и потому получавшего значительную внешнюю помощь, которая колебалась в пределах 6–7% национального дохода, в Кыргызстане этот показатель стал переваливать уже за 20%.

Все эти факторы усиливали процессы маргинализации населения, которые особенно остро ударили по молодежи. Хлынувшие в города в поисках заработков «лишние» молодые люди из айылов зачастую не могли найти себе работу и втягивались в орбиту влияния религиозных, а то и криминальных группировок, исторически связанных с производством наркотиков и наркотрафиком. Люди, ощущая себя менее защищенными, тянулись к неформальным структурам, хоть как-то регулировавшим личную и общественную жизнь.

Безусловно, организованная преступность в условиях развала Советского Союза и последующих сложных и подчас противоречивых рыночных реформ в молодых постсоветских государствах поднимала голову практически повсе-

местно, и не только в Центральной Азии. Но если в некоторых странах удалось хотя бы не допустить прямого проникновения криминала в органы власти, то в Кыргызстане к началу 2000-х годов криминальные авторитеты даже заседали в парламенте, что давало им большое влияние как на законодательную, так и на исполнительную власть. И это стало одним из существенных факторов в развитии острого социально-политического кризиса.

Есть у революции начало...

Усиливающийся кризис стал катализатором для разжигания межэтнических противоречий, которые вывели на свет старый раскол на горный север страны (более русифицированный и вестернизированный) и равнинный юг (более исламизированный и менее русифицированный). Импортные с Запада демократические формы правления стали наполняться местным, специфическим содержанием.

«Торжество популизма и гомогенизация идейного многообразия лишь закрепили местнический, клановый характер существующих политических партий, построенных преимущественно на основе неформальных связей, с целью отставания узконаправленных групповых целей в ущерб общему делу», — считает историк **Григорий Лукьянов**.

В итоге реформы, которые провел первый президент, не только не превратили Кыргызстан в центральноазиатскую Швейцарию, но, напротив, отбросили ее развитие назад, а вместе с тем положили конец власти самого Акаева. В 2005 году его снесла первая, но отнюдь не последняя революция в республике, позже названная «тюльпановой».

На смену Акаеву пришел **Курбанбек Бакиев**, который не смог долго удержаться у власти. Хотя если 2005 год, когда был свергнут Акаев, страна закончила спадом ВВП на 0,6%, уже в 2006 году был зафиксирован прирост на уровне менее 3%, а еще год спустя рост экономики вышел на запланированные показатели. Однако в 2009–2010 годах на фоне мирового кризиса и очередного обострения вну-

триполитической ситуации экономика Кыргызстана снова пошла на спад. Через пять лет после первой грянула вторая — уже названная апрельской — революция, Бакиев был свергнут, а уровень жизни населения продолжил снижаться.

Очередная силовая смена власти в республике негативно повлияла на бизнес-среду, инвестиционный климат и отношения со странами-донорами. Экономика опять вошла в период высокой волатильности ключевых показателей, а уровень жизни населения продолжил снижаться, даже несмотря на растущую выручку от экспорта золота. Государственный бюджет в период после 2010 года становился все более дефицитным, а попытки ограничить «проедание» ресурсов оказались безуспешными, в том числе из-за разбушевавшейся коррупции.

И это еще не было концом: на фоне кризисной и сложной эпидемиологической обстановки в 2020 году страну потрясла третья за 15 лет революция, снова завершившаяся уходом президента. Поскольку каждая новая смена власти приводила к новому переделу собственности, что серьезно сказывалось на экономике, инвестиционном климате и благосостоянии граждан, к сожалению, каких-то улучшений в ближайшее время ожидать не стоит.

«Кыргызстан по-прежнему остается одной из беднейших стран мира с уровнем ВВП на душу населения около 1200 долларов: согласно данным Всемирного банка, по этому показателю мы занимаем 154-е место в мире из 185 стран, — с горечью отмечает экономист **Азамат Акенеев**, член Наблюдательного совета фонда «Сорос-Кыргызстан». — Самое печальное, что вот уже третий десяток лет экономическая политика Кыргызстана не только никак не сокращает этот отрыв от остального мира, а этого даже не планирует. По прогнозу социально-экономического развития Кыргызстана, средний темп роста экономики в следующие три года предполагается в диапазоне от трех до четырех процентов. Таким образом, государство в обозримой перспективе не планирует даже попыток вырваться из этого круга бедности». ■

Иннокентий Воротынский Энергетика отношений

Иван Тимофеев, программный директор Российского совета по международным делам (РСМД), на протяжении десяти лет руководит научной и исследовательской работой РСМД; доцент МГИМО МИД России, ранее занимал должность директора Аналитического центра МГИМО, автор более 80 научных публикаций, изданных в России и за рубежом

— С учетом интереса глобальных игроков к региону как вы оцениваете способность центральноазиатских государств находить баланс между ними?

Какими факторами эта способность определяется?

— Как мне кажется, наиболее сбалансированную политику в этом вопросе удастся проводить Казахстану. Здесь сложились сразу несколько благоприятных факторов. С одной стороны, это очень осторожная и вдумчивая политика, заложенная Первым Президентом, который проявил себя как сильный дипломат с острым политическим чутьем.

Плюс Казахстан сумел капитализировать свои ресурсные возможности, обеспечивая поставки нефти на внешние рынки, и проводит национально ориентированную политику, при этом не отталкивая от себя других игроков. В том числе и Китай, и США, и Европейский союз, и Россию.

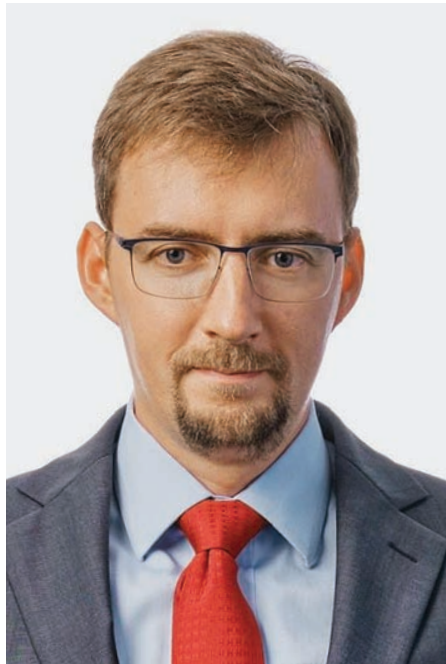
Я считаю, что это образцовый пример создания государства, которое добилось высочайшего уровня суверенитета, находясь в кольце крупных держав, используя энергетику каждой из них в собственных интересах.

Узбекистан тоже добился интересных результатов, проводя осторожную и сбалансированную политику. Например, Узбекистан поощряет обучение своих граждан в Европе и США. И в то же время сохраняет огромный сегмент русскоязычного образования и русских школ.

Для Таджикистана неизбежно более тесное сотрудничество с Россией в области безопасности. С учетом имеющихся ресурсов страна смогла сохраниться как самостоятельное государство, в том числе с опорой на институты ОДКБ.

Опыт Туркменистана весьма специфический, но он тоже смог сформироваться как суверенное государство и последовательно выдерживать нейтральный статус, избегая региональных конфликтов.

У Кыргызстана имеются очевидные проблемы со стабильностью политиче-

из личного архива

ской системы. Но страна нашла свою региональную нишу, она встроилась в ЕАЭС и другие форматы.

— Как вы оцениваете прогресс центральноазиатских стран в экономической модернизации?

— Опять-таки, наибольших успехов достиг Казахстан. В стране была и сохраняется политическая воля на проведение модернизации. Прилагаются усилия по диверсификации экономики, развивается внутренняя и транзитная инфраструктура, в том числе и в рамках инициативы «Один пояс — один путь». И инвесторы в Казахстан идут.

По другим странам опыт гораздо более противоречивый. Туркменистан просто за счет своего ресурсного обеспечения выглядит преуспевающей, но далеко не очевидно, что этот рост будет трансформирован в развитие. Модернизация в Узбекистане — более сложная задача в силу того, что население больше и общественная система сложнее. Таджикистану и Кыргызстану труднее по причине более ограниченных ресурсов.

— Какое влияние оказывают на страны региона ЕАЭС и «Один пояс — один путь», два крупных региональных интеграционных проекта?

— Для Казахстана и Кыргызстана ЕАЭС однозначно интересен, поскольку он предоставляет доступ на крупный российский рынок. И в частности, задачи Казахстана по диверсификации экономики невозможно решать, по крайней мере на начальном этапе, без российского рынка.

Что касается «Одного пояса — одного пути», то надо помнить, что главным его компонентом остается морская составляющая. Сухопутная составляющая является периферийной, но тем не менее позволяет развивать инфраструктурные проекты и Казахстану, и Узбекистану.

— Как вы видите состояние институтов экономического развития и модернизации в регионе?

— Для развития экономики определяющим фактором является эффективность государственных институтов, правовой системы, правоприменительной практики, просто потому что транзакции становятся дешевле. Нельзя не отметить успехи в этом отношении в Казахстане. Эксперимент с МФЦА достаточно смелый, потому что это попытка внедрить в тело экономики институт, который находится на другой ступени развития, чтобы к нему подтягивать имеющиеся в стране процессы. Будущее покажет, в какой степени такие попытки можно масштабировать.

— Как вы видите состояние дел с человеческим капиталом в странах региона?

— Каждая из стран идет своим путем, используя те ресурсы, которые имеются в ее распоряжении. Казахстан концентрирует достаточно большие силы в этом направлении и поэтому смог добиться значительных успехов. Помимо прочего, сам факт доступа молодежи из стран региона к российскому рынку труда и рынку образования представляет собой важный импульс для развития человеческого капитала.

Важно помнить, что народы Центральной Азии обладают тысячелетней историей и культурой. Поэтому нужно очень аккуратно давать оценки, внимательно слушать живущих там людей. И кое-чему учиться у них.

Филипп Громыко

Найти баланс в многополярном мире

Анжела Стент, почетный профессор, директор Центра евроазиатских, российских и восточноевропейских исследований Джорджтаунского университета, США; работала в Совете по разведке США, а также в отделе политического планирования Государственного департамента США

— **К** *аккие факторы определяли международную роль стран Центральной Азии в течение 30 лет после обретения ими независимости?*

— Первый вызов, с которым столкнулись все пять стран, — это обретение истинной независимости. Это означало создание собственных институтов государственной власти, включая вооруженные силы и органы правопорядка, а также работающей экономической системы, включая обеспечение контроля за системообразующими предприятиями и в особенности природными ресурсами. И некоторые страны, особенно Казахстан под руководством Первого Президента Нурсултана Назарбаева, очень рано осознали необходимость привлечения западных компаний, модернизации промышленности и строительства финансовых и экономических институтов, необходимых современному государству. Для других стран это оказалось более трудным.

Роль Центральной Азии стала еще более актуальной после 11 сентября, когда США и их союзники по НАТО вошли в Афганистан. И пока государства Центральной Азии продолжали развивать свои экономики и институты власти, им всем в разной степени пришлось столкнуться с угрозой радикализма и терроризма.

Теперь, когда силы НАТО покинули Афганистан и «Талибан» снова у власти, Центральная Азия вновь в фокусе внимания ввиду неопределенной ситуации в Афганистане и ввиду вовлеченности в регион России и Китая.

В то же время такие страны, как Казахстан, весьма интересны с экономической точки зрения для глобальных игроков вне зависимости от того, что происходит у их соседей. Эта страна привлекает их внимание благодаря имеющимся у нее значительным запасам нефти, газа и других полезных ископаемых, а также благодаря открывшемуся в 2018 году Международному финансовому центру «Астана». И наконец, часть центральноазиатских стран участвуют в ЕАЭС, что позволяет им тесно сотрудничать с

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Такие страны, как Казахстан, весьма интересны с экономической точки зрения для глобальных игроков вне зависимости от того, что происходит у их соседей. Эта страна привлекает их внимание благодаря имеющимся у нее значительным запасам нефти, газа и других полезных ископаемых, а также благодаря открывшемуся в 2018 году Международному финансовому центру «Астана»

Северо-Каспийский проект по освоению первого в Казахстане морского месторождения «Кашаган» объединил крупнейшие мировые нефтяные компании

Россией и при этом решать собственные экономические задачи.

— *Как вы думаете, будет меняться политика США в регионе после вывода войск из Афганистана?*

— Все сейчас пытаются понять, как решать возникшую там ситуацию. Афганистан все глубже погружается в бедность, поскольку он перестал получать международную помощь после прихода «Талибана» к власти. США и другим странам уже очень скоро придется принимать решение, возобновлять ли программы помощи этой стране, где многие люди уже находятся на грани голода.

США очень обеспокоены тем, чтобы Афганистан вновь не стал площадкой для подготовки террористических групп, которые попытаются атаковать Соединенные Штаты. Уже проходили переговоры между США и их центральноазиатскими партнерами, а также с Россией, по всем этим проблемам, включая определение наиболее адекватного формата присутствия США в регионе. Во время недавнего заседания Валдайского дискуссионного клуба президент Владимир Путин говорил о важности сотрудничества в деле борьбы с терроризмом. Сотрудничество между военными США и России уже идет, но оно может быть активизировано.

США осознают, что после 20 лет войны им так и не удалось оказать влияние на развитие афганского общества или институтов. При этом общество за 20 лет без «Талибана» значительно изменилось, и молодое поколение и женщины сейчас совсем по-другому видят свою роль

в этом обществе. Но определять свое будущее должны сами афганцы.

— *Насколько, по вашему мнению, успешно центральноазиатским странам удастся проводить независимую внешнюю политику, учитывая присутствие в регионе великих держав?*

— У стран Центральной Азии два больших соседа — Россия и Китай. Китай играет очень важную роль в большинстве этих стран, но с политической точки зрения в этих странах присутствует определенная настороженность. Отношение к России другое, поскольку центральноазиатские страны чувствуют себя более комфортно и лучше понимают партнера, имея дело с Россией, чем с Китаем. Дистанция в партнерских отношениях с США больше. Существует механизм «5 стран + 1», в рамках которого высокопоставленные представители США встречаются с лидерами пяти стран, и он имеет большое значение. Но присутствие США в регионе не такое активное, как у России или Китая.

Я считаю, что выход западной коалиции из Афганистана приведет к большей регионализации и в регионе важными игроками станут не только великие державы, но и другие страны будут играть значимую роль. То есть, кроме России и Китая, важными игроками в Центральной Азии будут Пакистан, Индия (особенно учитывая тесные отношения Пакистана с Афганистаном) и в какой-то степени Иран и Турция.

И поэтому центральноазиатским странам придется и дальше находить баланс между разными игроками в регионе, с

чем, по моему мнению, они весьма эффективно справляются.

— *Как вы оцениваете способность стран Центральной Азии развивать институты для проведения экономических реформ?*

— Из пяти стран региона Казахстан наиболее успешно развивал институты. Большое значение имеет роль лидера страны. Преимуществом Казахстана стала долговременная стабильность, и даже сейчас, когда Президентом стал Касым-Жомарт Токаев, Первый Президент Нурсултан Назарбаев продолжает играть важную роль, и переход власти от Первого ко Второму Президенту прошел успешно.

Очевидно, что Кыргызстану не хватало стабильности, учитывая имевшие место революции и смены правительства. Также эта страна гораздо более этнически неоднородная, чем Казахстан, и ей пришлось заниматься решением этнических конфликтов. В Таджикистане сходная ситуация, там была гражданская война в 1990-е годы, и институты еще не окрепли. Внешнему наблюдателю еще сложнее понять, что происходит в Туркменистане, поскольку это крайне закрытая страна, где клановые и семейные связи настолько важны, что сами по себе становятся институтами. В Узбекистане президент Шавкат Мирзиёев приступил к проведению экономических реформ, и в стране создаются некоторые институты. Но я считаю, что Узбекистану придется пройти еще долгий путь, прежде чем он сможет даже приблизиться к тому, что уже сделано в Казахстане. ■

Никита Мамлеев

«Все больше иностранных государств будут пытаться выстраивать отношения с регионом»

Нандан Унникришнан, ведущий научный сотрудник, возглавляет Программу евроазиатских исследований в Observer Research Foundation, одном из наиболее авторитетных исследовательских центров в Индии; ранее в течение 20 лет был международным корреспондентом и редактором, в частности возглавлял московский корпункт Press Trust of India

из личного архива

— Какие факторы определяют геоэкономическую значимость Центральной Азии для Индии? Как менялось восприятие Индией стран региона за прошедшие три десятилетия?

— Центральная Азия всегда была важна для Индии. Даже во времена Советского Союза в программу визитов премьер-министров Индии, начиная с Джавахарлала Неру, всегда входило посещение центральноазиатских республик. У Индии имеются исторические связи и духовное родство с этим регионом.

Сегодня регион находится в центре внимания всего мира из-за Афганистана. Но даже вне зависимости от этого

Центральная Азия жизненно важна для Индии. И если Индия желает развиваться и достичь своей цели войти в число трех крупнейших экономик мира к 2040 году, ей надо иметь очень крепкие и тесные отношения с Центральной Азией.

Среди центральноазиатских стран очевидным экономическим лидером является Казахстан. И да, в последнее время значительных успехов достиг Узбекистан. Поэтому Индии, конечно же, следует развивать отношения со всеми странами Центральной Азии, но наибольший потенциал сейчас и в ближайшие три-четыре года имеет партнерство с Казахстаном и Узбекистаном.

— *Страны Центральной Азии значительно различаются в плане проводимых реформ. Как вы в*

целом оцениваете политику реформ и модернизации в этих странах, достигнутые результаты и перспективы на будущее?

— Уровень развития в пяти странах Центральной Азии очень неравномерный. Казахстан первый приступил к реформам. На самом деле Казахстан это сделал даже раньше, чем Россия. И это несмотря на то, что Казахстан по сравнению с Россией находился даже в более трудной ситуации, причем не только с экономической точки зрения. Казахстану надо было достичь политической консолидации, сформировать новые элиты. И Казахстан с честью ответил на эти вызовы. Очевидное преимущество Казахстана — значительные запасы нефти и газа, не говоря о других ресурсах,

таких как металлы и уран. И конечно, у Казахстана был выдающийся лидер — Президент Назарбаев.

Итак, Казахстан опередил всех своих соседей по региону в плане экономического развития. Но в последние два-три года стали заметны значительные перемены и в Узбекистане. У этой страны есть свои сильные стороны. Во-первых, она граничит со всеми остальными странами Центральной Азии. И во-вторых, она обладает большим населением и достаточно крупным внутренним рынком. Но, поскольку Узбекистан приступил к реформам и либерализации экономики достаточно поздно, ему потребуется время, чтобы приблизиться к Казахстану.

— **Как вы видите роль центральноазиатских стран в качестве посредников в разрешении региональных конфликтов?**

— Мне кажется, ее трудно переоценить. Даже переговоры по Сирии проходили в Казахстане. Руководство Казахстана заработало достаточный кредит доверия на международной арене, чтобы предоставить нейтральную площадку, где вовлеченные стороны могли бы встречаться, не опасаясь того, что на них будет оказываться какое бы то ни было влияние или давление. Это значительное достижение.

Что касается Афганистана, то центральноазиатские страны, будучи ближайшими соседями, играют ключевую роль. Происходящее в этой стране может оказать влияние на каждую из них — положительное или отрицательное. Если ситуация стабилизируется, в регионе возникнет связанность. Позитивное развитие событий позволит развивать взаимодействие между Центральной и Южной Азией, и это принесет выгоду всем. И конечно же, все мы желаем стабильности в Афганистане.

И что очень важно, страны, непосредственно граничащие с Афганистаном, могут оказать определенное политическое влияние на его власти, а также помочь в формировании ответа международного сообщества на ситуацию в Афганистане. И страны Центральной Азии ведут активный диалог с «Талибаном». Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан могут сыграть значимую роль в формировании отношения в США, России, Китае или Индии к ситуации в Афганистане.

— **С какими внешнеполитическими вызовами сталкиваются страны Центральной Азии?**

— Странам Центральной Азии, в особенности Казахстану и Узбекистану как ведущим экономическим игрокам в регионе, следует быть готовыми к тому, что все больше иностранных государств

Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев и премьер-министр Индии Нарендра Моди во время совместной пресс-конференции

Индии, конечно же, сле-

дует развивать отноше-

ния со всеми странами

Центральной Азии, но

наибольший потенциал

сейчас и в ближайшие

три-четыре года имеет

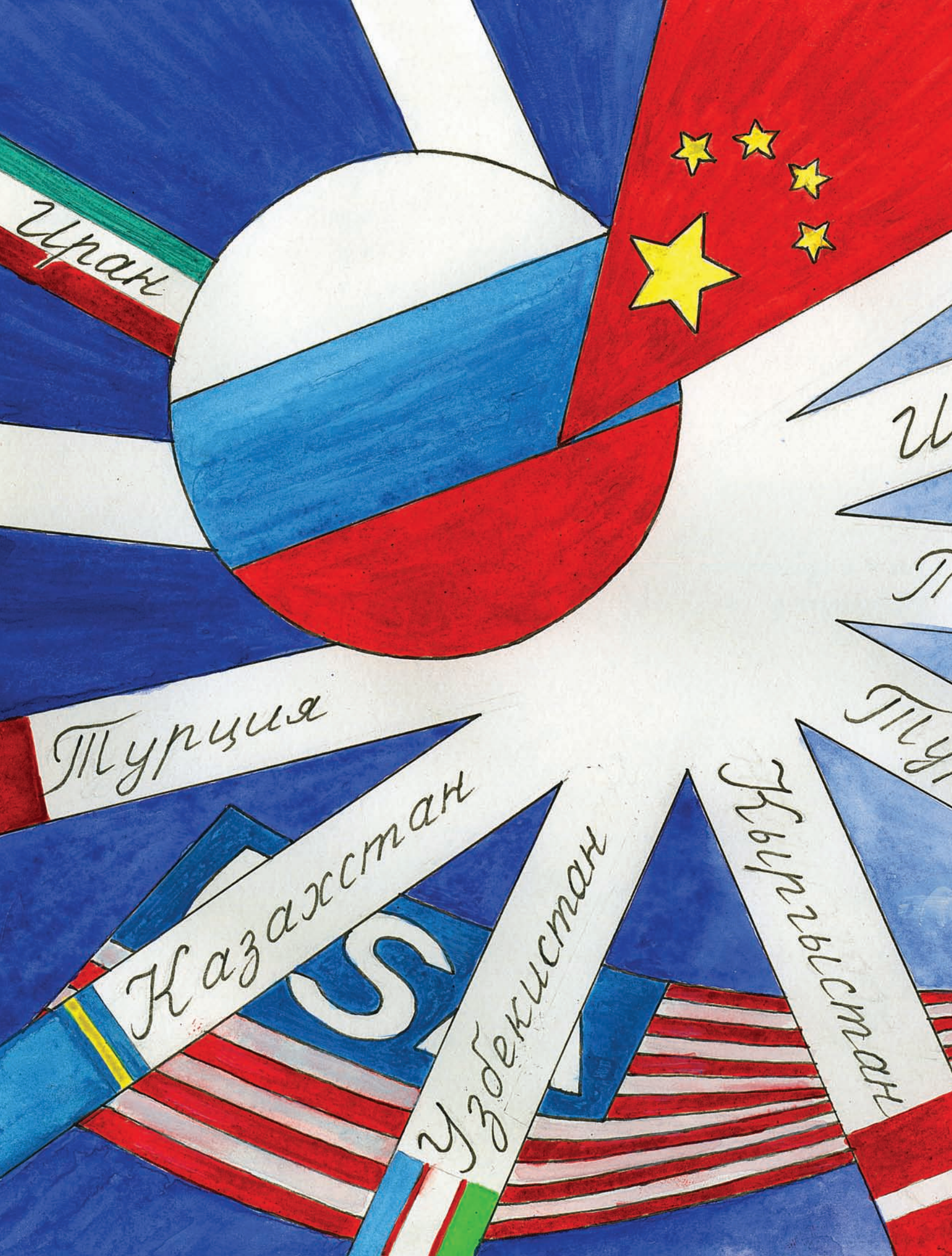
партнерство с Казахста-

ном и Узбекистаном

будут пытаться выстраивать отношения с регионом и оказывать на него влияние. Помимо мировых держав — России, США и Китая, — значимым игроком может стать Турция. После конфликта в Карабахе позиции Турции усилились — более активное присутствие на Кавказе дает ей выход в Центральную Азию. Турецкие деловые круги уже наладили отношения в Центральной Азии. Следует ожидать, что Турция будет использовать не только деловые связи, но и историческую близость, ведь большинство стран Центральной Азии имеют цивилизационную общность с Турцией с древних времен.

Что же касается независимой внешней политики, то наиболее успешны в этой области Казахстан и Узбекистан. У обеих стран имеются для этого экономические ресурсы. Остальные страны с экономической точки зрения менее развиты и в результате более экономически зависимы от иностранных государств. Казахстан очень успешно находит баланс между Россией, Китаем и США, а также менее крупными игроками, включая ЕС, Японию, Турцию (сейчас я не отношу Индию даже к этой второй категории, но она со временем будет к ней относиться). И Узбекистану тоже удастся достаточно умело выстраивать отношения с Россией и США, а также устанавливать связи с Китаем.

Из этих двух стран Узбекистан имеет меньше опыта в проведении такой открытой внешней политики, которой Казахстан следует многие годы. Ташкент обретет этот опыт, основа для этого есть. Но если в плане международных отношений Казахстан окончил школу и поступает в университет, то Узбекистану еще предстоит эту школу окончить. ■

В центре «Большой игры»

В полной мере понятие «колесо истории» применимо к событиям подлинно исторического масштаба и значения, которые в наши дни разворачиваются на огромном геополитическом пространстве Центральной Азии.

Вопреки надеждам оптимистов, нашедшим свое отражение в прогрессивном на весь мир эссе Фрэнсиса Фукуямы, 1990-е не стали «концом истории». Более того, не превратились они и в символ окончательной победы либерального проекта, хотя экономические реформы в странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве проводили именно «либералы». И даже глобализация, как теперь выясняется, утвердилась в качестве главного вектора общечеловеческого развития отнюдь не навсегда. Оказалось, ее тоже можно повернуть вспять по воле тех, кто вроде бы должен был стать главным бенефициаром данного процесса.

Короткое и романтическое «бескризисное десятилетие», по странному совпадению окончившееся ровно на рубеже веков, стало для человечества лишь небольшой передышкой между двумя великими промышленными революциями. А в геополитическом плане как раз на сломе эпох начал набирать силу новый конкурент победившему в холодной войне Западу. Китай, который закончил XX век в роли всего лишь «всемирной фабрики», уже в середине 2010-х предложил свой глобальный проект, альтернативный либеральному. «Один пояс — один путь» — это намного больше, чем просто масштабный план строительства дорожной инфраструктуры, призванной связать три части света. Это целая система новых ценностей для человека, государства и мира.

Страны Центральной Азии оказались в орбите «Пояса и пути» естественным образом, просто в силу географии. И теперь им снова предстоит решать, кем быть и с кем быть в XXI веке. ■

Андрей Нальгин

Глобальный перекресток

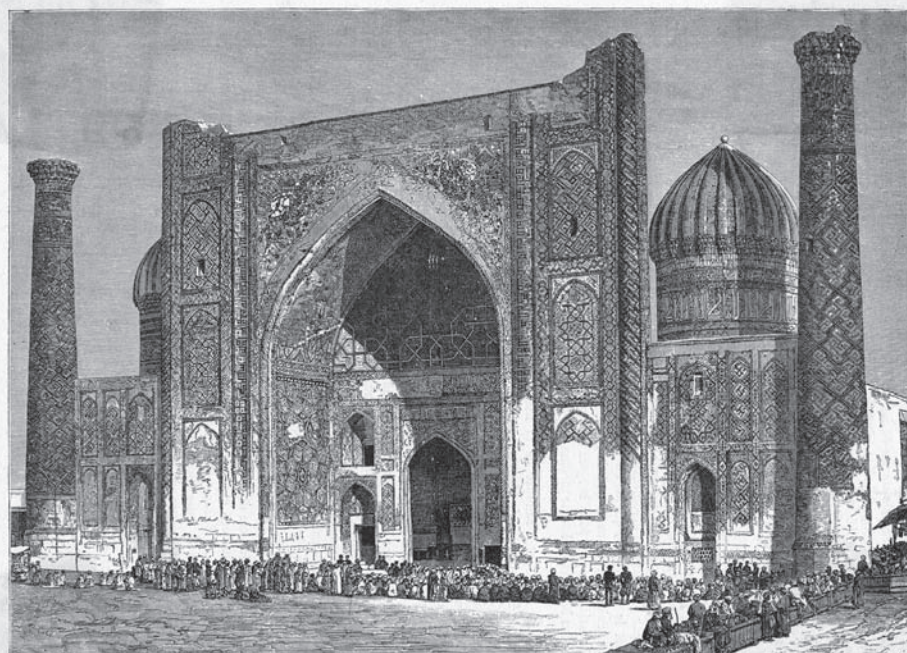
Как бывшая окраина СССР возвращает себе исторический статус торгового и логистического коридора между Востоком и Западом

Центральноазиатский регион исторически формировался на перекрестке международных торговых путей, главный из которых — Великий Шелковый путь — больше десяти веков служил основной торговой магистралью между Востоком и Западом. Но наряду с ним действовали такие торговые коридоры, как Путь специй, соединявший Индию со Средиземноморьем, и Оловянный путь, пролежавший от рудных месторождений нынешнего Казахстана к древним очагам металлообработки в Поволжье и на Днестре.

Под влиянием трансграничной торговли росли, крепились и развивались древние государства Центральной Азии. Согдиана и Бактрия, Хорезм и Фергана, Бухара и Самарканд — все они пользовались экономическими преимуществами евразийского транзита. Но со временем из-за войн, эпидемий, европейских географических открытий и развития морской торговли транзитное значение центральноазиатского региона упало. Он постепенно терял самостоятельное значение и в итоге слился с Россией, а впоследствии стал частью СССР. Это больше чем на столетие предопределило вектор социально-экономического развития региона как преимущественно аграрно-сырьевого придатка советской сверхдержавы.

В СССР транзитный потенциал центральноазиатского региона по целому ряду причин, в первую очередь политических, не развивался и не использовался. На протяжении десятилетий практически отсутствовали транспортные и торговые связи с Китаем из-за крайне обостренных отношений между

Москвой и Пекином. Еще в 1950-е годы рассматривался вариант строительства автомобильной дороги Москва—Пекин, которая должна была соединить столицы двух крупнейших социалистических стран мира, однако с формированием так называемого американского вектора китайской политики проект сам собой

В период развития Великого Шелкового пути некоторые из городов Центральной Азии могли бы поспорить за пальму первенства с Сианем в Китае, считавшемся крупнейшим городом на Земле в то время

Инициатива «Один пояс — один путь» призвана возродить древние торговые пути и поднять на новую историческую высоту сотрудничество стран Азии, Европы и Африки

конflikта в будущем», — напоминает **Саламат Алманов**, заведующий отделом географии Института геологии Национальной академии наук Кыргызстана.

Практически все вопросы экономической деятельности в годы советской власти решались через центр, даже когда они затрагивали интересы двух соседних республик. Союзный центр же являлся и основным потребителем продукции, производимой в среднеазиатском регионе СССР, а в ее составе преобладали сельхозтовары и продукция легкой и пищевой промышленности, а также минеральное сырье, руды черных и цветных металлов и другие полезные ископаемые. В частности, основу экономик Узбекистана и Туркмении составляло производство хлопка, который становился сырьем для легкой промышленности СССР. Узбекская ССР была основной хлопковой базой Союза (сбор хлопка-сырца достигал порядка пяти миллионов тонн в конце 1980-х). Кроме того, Туркменская ССР занимала в Союзе четвертое место по добыче нефти и третье — по добыче газа. Нефть, газ и каменный уголь наряду с медью, свинцом, цинком и алюминием играли видную роль в экономике Казахской ССР, но и там почти половину ВВП составляла продукция сельского хозяйства. Казахстан был одним из крупнейших зерновых районов СССР: на его долю в 1980-х приходилось 12% валового сбора и пятая часть общего объема государственных закупок зерновых культур в Союзе. По производству мяса крупного рогатого скота республика занимала третье место в СССР, а по баранине и шерсти — второе. Продукция овцеводства, включая тонкорунную шерсть, в большом количестве поставлялась из Киргизии; кроме того, Киргизская ССР была крупнейшим

поставщиком ртути и сурьмы, а благодаря каскаду ГЭС занимала пятое место в Союзе по производству электроэнергии и обеспечивала электричеством большую часть среднеазиатского региона. По генерации электричества в последнюю советскую пятилетку Таджикистан был на четвертом месте в Союзе. Тем не менее основу регионального продукта Таджикистана все же определяла его отраслевая специализация — сельское хозяйство, легкая и пищевая промышленность. В целом такое положение дел объективно закрепляло аграрно-сырьевой характер экономик союзных республик Средней Азии, тормозило их развитие и отчасти препятствовало становлению внутрирегиональной интеграции. Это существенным образом повлияло на социально-экономические процессы в регионе на рубеже веков.

После драматичного распада Советского Союза бывшие советские республики, а теперь новые независимые государства Центральной Азии, оказались лицом к лицу с целым ворохом проблем. Все они прошли непростой, а для некоторых еще и очень болезненный путь глубокой экономической и социальной трансформации, также именуемый «переходом к рынку». При этом практически все они, за исключением Казахстана, встраиваясь в систему международного разделения труда, по-прежнему практически не использовали и не развивали транзитный потенциал региона. Некоторые и вовсе предпочли обособиться от соседей, закрыться, огородиться пограничными столбами и торговыми барьерами. Лишь в последние годы на фоне реализации китайского геополитического проекта «Один пояс — один путь» и усиления интеграционных процессов на части постсоветского пространства бла-

заглох. В СССР на фоне роста советско-иранского торгового сотрудничества также прорабатывалась идея строительства железной дороги в Иран через Казахстан и Туркмению, но после начала Исламской революции в 1978 году и этот проект лег под сукно. Еще в царской России выдвигались предложения построить железную дорогу в Индию через Среднюю Азию, и в 1970-х на фоне растущего советско-индийского торгово-экономического сотрудничества даже появилось технико-экономическое обоснование этого проекта, но помешала Афганская война. В итоге к созданию торгового коридора от Балтики до Мумбаи заинтересованные страны приступили уже только в XXI веке.

Не лучше обстояло дело и внутри макрорегиона. Прямые хозяйственные связи между союзными республиками Средней Азии долгое время оставались слабыми, при этом споры о границах между ними шли на протяжении всего периода существования СССР. «Некоторые районы продолжали переходить из одной республики в другую, при этом изменялась линия границы; другие районы предоставлялись во временное пользование соседней республике, что было связано с попыткой урегулировать вопросы землепользования, но в результате привело лишь к обострению

«Один пояс — один путь» имеет революционное значение для Центральной Азии

Шахид Джавед Бурки, председатель Института общественной политики Бурки (Пакистан), известный экономист; ранее возглавлял департамент Китая во Всемирном банке.

— В чем, на ваш взгляд, состоит геоэкономическое значение Центральной Азии?

— Во-первых, географическое расположение делает Центральную Азию ключевым звеном в системе транспортной связанности в регионе. И во-вторых, эти страны обладают огромными запасами природных ресурсов, включая нефть и газ, а также минералы. В Афганистане находятся крупнейшие в мире запасы лития, и поэтому его даже иногда называют «Саудовской Аравией лития».

Центральноазиатские страны играют огромную роль в региональном экономическом, социальном и политическом развитии. Но для того чтобы полностью реализовать свой потенциал, им необходимо тесно взаимодействовать с соседними государствами, включая Афганистан, Китай, Россию и несколько более удаленный от них Пакистан. Без этого, не имея доступа к океанам, эти страны остаются изолированными от внешнего мира, и им будет крайне сложно интегрироваться в международную систему.

Континентальная связанность имеет не меньшее значение, чем морские пути. И для Центральной Азии континентальная связанность представляет собой единственный способ выхода на мировые рынки.

— С этой точки зрения как вы оцениваете инициативу «Один пояс — один путь»?

— Я ее считаю крайне важной. «Один пояс — один путь» имеет революционное значение для Пакистана, Афганистана и стран Центральной Азии. Эта инициатива позволяет им в гораздо большей степени интегрироваться в мировую экономику, что и является ее основной целью. Поэтому ее следует воспринимать очень серьезно, а странам активно работать над ее реализацией.

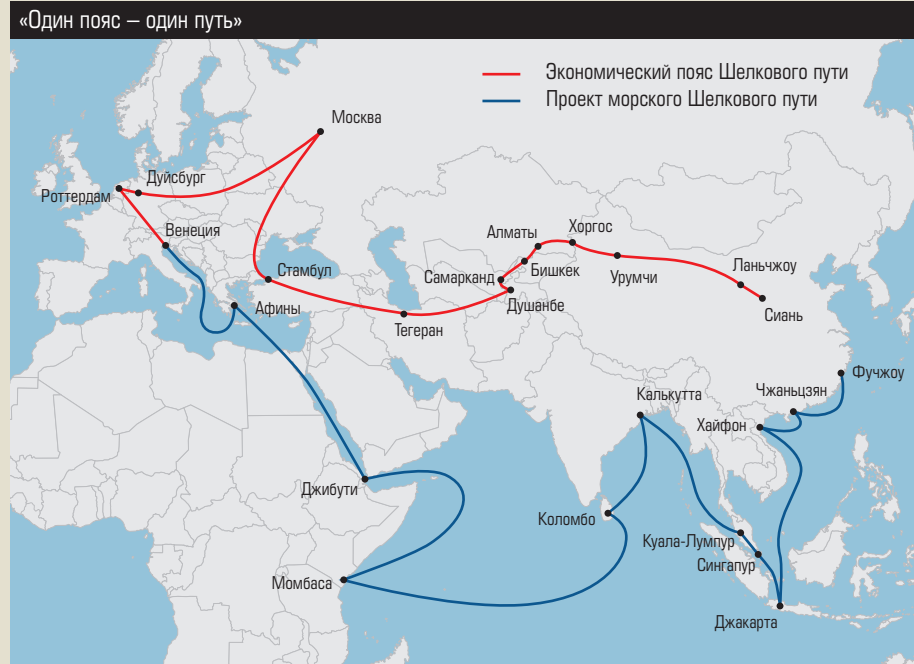
У этой инициативы есть конкуренты. Например, это Четырехсторонний диалог по безопасности (QUAD), объединяющий Японию, США, Австралию и Индию. Он стал приоритетным для администрации президента Байдена с точки зрения ограничения распространения влияния Китая в регионе. По моему мнению, Афганистану и странам Центральной Азии следует противостоять инициативе QUAD путем создания собственного QUAD с участием центральноазиатских стран, Афганистана, Китая и Пакистана.

■ Интервью взял Андрей Нальгин

из личного архива

«Один пояс — один путь» имеет революционное значение для Пакистана, Афганистана и стран Центральной Азии. Эта инициатива позволяет им в гораздо большей степени интегрироваться в мировую экономику, что и является ее основной целью

годаря становлению Евразийского экономического сообщества (ЕАЭС) регион обретает новую динамику, а составляющие его страны получают возможности для структурной трансформации.

«Для большинства стран Центральной Азии важны, прежде всего, транспортные проекты. В их числе автомагистраль Западная Европа — Западный Китай, железнодорожные проекты Север—Юг, центральный коридор

Трансазиатской железной дороги и Чуньцин—Дуйсбург, — считает завсектором Центра постсоветских исследований ИМЭМО имени Е. М. Примакова РАН Елена Кузьмина. — В этих транспортных коридорах задействованы все страны региона, участие в них поможет запустить новые производства, создать новые рабочие места, что немало важно для густонаселенного региона Центральной Азии. Мировая практика

показывает, что вдоль дорог всегда возникают новые производства и новые центры развития, а учитывая, что еще реализуется проект газопровода Китай — Центральная Азия, речь идет о плюсах для всего комплекса ТЭК — от разведки и добычи до транспортировки природного газа. Это позволит развиваться и сопутствующим отраслям: нефте- и газохимии, переработке природных материалов и так далее. ■

Андрей Искоркин «Роль Центральной Азии неизбежно возрастет»

Йоханнес Линн, старший научный сотрудник программы «Глобальная экономика и развитие» Института Брукингса, бывший вице-президент Всемирного банка по Европе и Центральной Азии

— Как в прошедшие 30 лет со времени обретения независимости странами Центральной Азии менялась их геоэкономическая роль?

— В период после окончания Второй мировой войны и до момента распада Советского Союза экономический рост и развитие базировались на расширении транскеантической торговли между США, Европой и Юго-Восточной Азией. Советская экономика не имела связей с мировой, за исключением экспорта природных ресурсов, а Китай начал открываться только в конце этого периода.

После распада Советского Союза это пространство, ранее единое, оказалось разделенным по линиям границ между странами. Это стало одной из причин глубокой рецессии 1990-х годов в этом регионе, и только со временем ситуация изменилась благодаря возобновлению интеграционных процессов на пространстве бывшего Советского Союза, а также интеграции стран региона в мировую экономику.

С начала 2000-х годов на евроазиатском мегаконтиненте начался новый интеграционный процесс, что создало значительный потенциал для экономического развития на пространстве от Китая и Индии до России и Центральной Азии.

Через несколько десятилетий внутренняя связанность в пределах евроазиатского мегаконтинента может достичь уровня Европы или Северной Америки. Мне представляется, что значение этой трансконтинентальной связанности по сравнению с традиционными морскими путями может значительно вырасти. И вместе с этим неизбежно возрастет роль Евразии и конкретно Центральной Азии как ее ключевого элемента.

— В каких из центральноазиатских стран, на ваш взгляд, государственная политика в наибольшей степени направлена на реформы и модернизацию, которые позволят реализовать этот потенциал?

— Казахстан достиг наибольшего прогресса по сравнению с другими странами — как в отношении модернизации своей экономики, системы управления

и отношений со своими соседями, так и в плане международных культурных и научных связей. А ситуация в Туркменистане во многом прямо противоположная: это наименее развитая, модернизированная и связанная с внешним миром страна региона.

Узбекистан — это большая надежда Центральной Азии. Это самая большая страна по количеству населения, она расположена в самом центре региона и обладает значительным экономическим потенциалом. Но она приступила к экономическим реформам и модернизации только в последние три-четыре года. У Кыргызстана, к сожалению, большие проблемы с политической стабильностью и экономикой, а Таджикистан значительно отстает от региональных лидеров ввиду своей удаленности и плохой системы управления.

— Какое влияние уровень развития институтов в странах региона оказывает на их экономическую политику и способность к проведению реформ?

— У этой проблемы есть несколько уровней. Первый — состояние дел на уровне центральных органов власти. Традиционно считается, что в Узбекистане государственный аппарат достаточно эффективен. В Казахстане представители высшего уровня власти обладают высокой квалификацией, но есть отставание на среднем и низшем уровне. Второй уровень — местные органы власти. Страны региона отличаются высокой централизацией, и требуется развитие потенциала местных администраций. И наконец, третий уровень — отношения между государством и частным бизнесом. Эта сфера в наибольшей степени нуждается в улучшениях в плане прозрачности и создания равных условий для участников рынка.

— Насколько важны диверсификация и снижение зависимости от одного сектора экономики в странах Центральной Азии?

— По моему мнению, связанность является ключевым условием не только эффективной модернизации, но и диверсификации. Вместо попыток поддержать те или иные конкретные отрасли правительствам этих стран следует развивать

из личного архива

общую инфраструктуру, которая служит основой связанности, способствует развитию эффективного человеческого капитала и позволяет предпринимателям успешно работать.

— Конкуренция налагает особые требования на качество развития человеческого капитала. Как вы оцениваете его уровень в странах Центральной Азии?

— К счастью, страны Центральной Азии унаследовали от Советского Союза достаточно сильную базу социальной поддержки, включая системы образования и здравоохранения. Что касается программ, реализуемых в этой сфере в настоящее время, то очевидным лидером среди стран региона является Казахстан. Например, мой бывший коллега по Всемирному банку Шигео Кatsu является президентом Назарбаев Университета, и благодаря работе его и его команды университет достиг впечатляющих успехов.

— Какое влияние геополитическая ситуация в регионе оказывает на его экономическое развитие? И конкретно недавние события в Афганистане?

— Конечно, Афганистан является значительным фактором, оказывающим влияние на страны Центральной Азии, и я надеюсь, что сохраняющаяся там нестабильность не подорвет благополучие и развитие государств региона. Ключевой вопрос: когда стабилизация власти в Афганистане позволит Центральной Азии установить связь с рынками южноазиатского региона?

Кроме того, не может не вызывать удовлетворения тот факт, что в августе состоялась уже третья встреча президентов стран Центральной Азии. Даже Туркменистан, похоже, открывается для сотрудничества со своими соседями. Есть надежда на расширение сотрудничества между пятью странами региона, и это принесет им всем огромную пользу. Стабильность и сотрудничество являются определяющими факторами для экономического развития. ■

Филипп Громыко

«Центральноазиатские страны проводят многовекторную внешнюю политику»

Ян Чэн, профессор и исполнительный президент Шанхайской академии глобального управления и международного регионоведения Шанхайского университета иностранных языков, Китай

— 4 ем, на ваш взгляд, определяется геоэкономическая значимость Центральной Азии?

— После распада Советского Союза стратегическое значение Центральной Азии постоянно росло. Регион стал объектом конкуренции и сотрудничества между такими крупными державами, как Китай, Соединенные Штаты, Россия, Европейский союз, а также менее крупными странами, как Турция, Япония и Южная Корея. Прежде всего это связано с его особым географическим положением. В мире есть три основных экономических центра — Западная Европа, Северная Америка и Восточная Азия. И с того момента, как Китай выдвинул инициативу «Один пояс — один путь», Центральная Азия оказалась между двумя из этих крупнейших центров: Европой и Восточной Азией. И страны региона, и прежде всего Казахстан, уже начали получать дивиденды от транзита товаров по трансконтинентальному транспортному коридору. Кроме этого, некоторые страны Центральной Азии обладают значительными запасами нефти, газа и других природных ресурсов. И с точки зрения геоэкономики страны, имеющие такие запасы, получают преимущество в международной конкуренции. В связи с этим строительство коридоров для экспорта ресурсов из Центральной Азии имеет большое стратегическое значение.

— Страны Центральной Азии проводят независимую внешнюю политику с учетом собственных национальных интересов и геополитических факторов. Как вы можете охарактеризовать векторы их внешней политики?

— Мы живем в мире, где все страны зависят друг от друга. Поэтому полная независимость, конечно, невозможна. Но страны Центральной Азии смогли за эти 30 лет укрепить свою самостоятельность, что дало им хорошую основу для сотрудничества с другими странами — и с США, и с Европейским союзом, и с Россией, и с Китаем, и с Турцией, Японией, Кореей и так далее.

из личного архива

Центральная Азия обладает уникальным географическим положением, и оно определяет стратегическое значение региона. За последние 30 лет независимости страны Центральной Азии смогли укрепить свою международно-правовую субъектность. Они больше не являются объектами, пассивно принимающими правила игры великих держав. А поскольку у многих международных игроков в регионе имеются серьезные интересы, центральноазиатские страны проводят многовекторную внешнюю политику, которая является очень мудрым и рациональным выбором для стран Центральной Азии. Ведь сам факт конкуренции между глобальными державами создает возможность и пространство для маневра менее крупным государствам. И Китай, и остальные державы стремятся выстраивать отношения с центральноазиатскими странами, но уверен, что ситуация, при которой какая-то одна страна станет гегемоном в регионе, просто невозможна.

— Как вы оцениваете роль двух основных интеграционных проектов в регионе — ЕАЭС и инициативы «Один пояс — один путь» — для центральноазиатских стран?

— ЕАЭС и инициатива «Один пояс — один путь» — это две программы регионального сотрудничества, которые

очень отличаются, но имеют равную и высокую стратегическую ценность для стран Центральной Азии. Суть ЕАЭС — это ориентированная на Россию реинтеграция бывших советских республик. На мой взгляд, ее геополитический аспект имеет приоритет над экономическим. Напротив, инициатива «Один пояс — один путь» имеет приоритетом укрепление всестороннего экономического сотрудничества благодаря интеграционным процессам в Азии и Европе, но это тоже неизбежно окажет огромное геополитическое влияние.

На мой взгляд, ЕАЭС и инициатива «Один пояс — один путь» незаменимы для стран Центральной Азии. Однако с экономической точки зрения «Один пояс — один путь» может дать больше дивидендов странам региона, поскольку в это сотрудничество на огромном экономическом пространстве от Западной Европы через Евразию до Восточной Азии вовлечены такие глобальные экономические центры, как Китай и Европейский союз. Несомненно, он содержит потенциал роста, который дает историческую возможность для быстрого развития странам Центральной Азии.

— И с точки зрения развития инициативы «Один пояс — один путь» какую роль, по вашему мнению, может играть Международный финансовый центр «Астана»?

— Безусловно, это очень важный проект, и он будет играть существенную роль и для Казахстана, и для инициативы «Один пояс — один путь». Свидетельством этого является участие в МФЦА Шанхайской биржи и Фонда «Шелковый путь». В МФЦА работают постоянные представители Шанхайской биржи. И, что очень важно для международных инвесторов, на территории МФЦА действует английское право, что повышает уровень комфорта для международных компаний, которые могут проявить интерес к проектам в рамках инициативы «Один пояс — один путь». И развитие на площадке МФЦА исламских финансов также позволяет расширить базу инвесторов и деловых партнеров, которые смогут работать в регионе. ■

Андрей Хасанов

«Проведение многовекторной внешней политики жизненно необходимо»

Самуэль Чарап, старший политолог RAND Corporation, США, глава программы исследований по внешней политике России и стран бывшего СССР; ранее был старшим научным сотрудником Международного института стратегических исследований и старшим советником по России и Евразии в Государственном департаменте США

— Какие, по вашему мнению, факторы определяли глобальную роль Центральной Азии в течение трех десятилетий после распада Советского Союза?

— Четыре фактора были определяющими в этот период. Во-первых, геополитические аспекты обретения странами региона независимости, а также связанные с этим вопросы региональной интеграции и отношений с мировыми державами, включая Россию, Китай и США. И 30 лет назад, и сейчас вопрос геополитической роли этих стран остается определяющим для международной политики в Центральной Азии.

Во-вторых, борьба с терроризмом, и шире, с угрозой экстремизма во всех его формах, исходящей из Центральной Азии, включая Афганистан, и с их последствиями для всего мира. Очевидно, в большой степени отношения США со странами Центральной Азии определялись целями операции в Афганистане.

В-третьих, геоэкономические аспекты поставок энергоресурсов, которые все эти годы определяли как события, происходящие внутри стран региона, так и интерес к нему внешних игроков. Центральная Азия остается важным поставщиком нефти и газа на глобальные рынки.

В-четвертых, продолжающаяся политическая и экономическая трансформация. Конечно, перемены шли более активно в 1990-е годы, но и сейчас идут значительные трансформационные процессы в Казахстане и Узбекистане.

— В продолжение темы вывода войск США из Афганистана, какое, по вашему мнению, влияние это окажет на регион?

— По сравнению с ситуацией в начале 2000-х годов сейчас в Афганистане нет Северного альянса, и поэтому нет и буфера между Афганистаном и его соседями, в особенности Узбекистаном и Таджикистаном. Войска «Талибана» весьма целенаправленно сохраняют контроль над северными провинциями страны, и это создает значительные

из личного архива

вызовы для соседних стран. Еще одной связанной с этим проблемой является обращение с этническими таджиками и узбеками в Афганистане, и эта проблема стала только глубже по причине недостаточной представленности этих групп в новом правительстве.

Кроме этого, Вашингтон вновь демонстрирует заинтересованность во взаимодействии со странами региона по причине озабоченности угрозами для Америки, которые формируются в Афганистане. Поэтому происходит гораздо больше контактов на высоком уровне, чем во все последние годы, особенно с Узбекистаном, но также и с Таджикистаном.

Важной географической реалией Афганистана является то, что это одна из самых изолированных стран мира, и даже для Вооруженных сил США, вполне привычных к экспедиционным операциям, эта изолированность представляет собой значительный логистический вызов. Поэтому отношения со странами региона вновь становятся приоритетными для Вашингтона.

— Учитывая заинтересованность в регионе со стороны мировых держав — России, Китая и США, как вы оцениваете способность центральноазиатских стран проводить суверенную и независимую внешнюю политику?

— В настоящее время влияние России в регионе уравнивается влиянием Китая, и этой ситуации в 1990-е годы просто не существовало. США далеко и поэтому не являются постоянными участниками происходящих в регионе событий. Поэтому для стран региона проведение многовекторной внешней политики является жизненно необходимым.

На странах Центральной Азии опосредованно отражается и обострившееся в последние годы противостояние между США и Россией и между США и Китаем. Государства региона находятся в непростом положении, поскольку им часто приходится выбирать между двумя крупными игроками. Этот выбор оказывается проще в ситуации, когда речь идет о Пекине и Москве, так как Китай и Россия в меньшей степени расположены к открытым конфликтам.

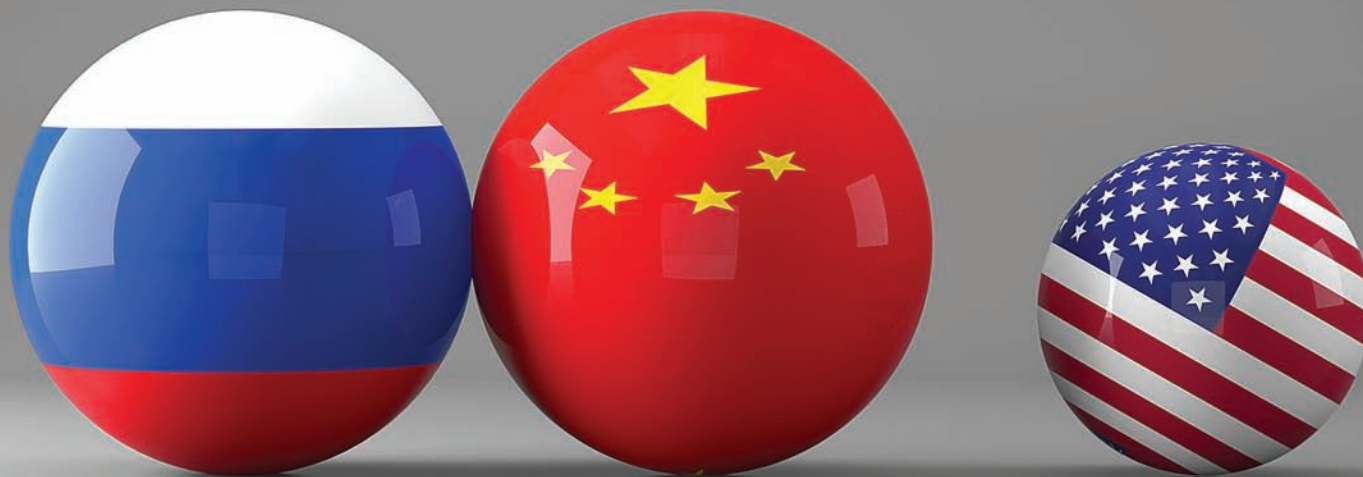
— Насколько, по вашему мнению, успешны страны Центральной Азии в проведении реформ и модернизации своих экономик?

— Поскольку раньше реформы в стране не проводились, Узбекистану сейчас приходится делать многое из того, что Казахстан сделал уже давно. Сегодня задачи реформ в Казахстане более сложные, поскольку очевидные и более простые шаги уже сделаны. Основным вызовом для Казахстана является глобальный энергопереход и связанная с этим необходимость переориентировать экономику от углеводородной зависимости. И Казахстану надо продолжать решать структурные задачи — в плане открытости экономики и обеспечения свободной конкуренции, особенно в некоторых секторах. Пандемия COVID представляет собой дополнительный вызов. Поэтому перечень задач для реформаторов в Казахстане весьма обширный. ■

Андрей Хасанов, Филипп Громыко

Меж трех центров притяжения

Как Центральная Азия на новом витке глобализации оказалась ареной противоборства и сотрудничества трех мировых центров силы — Китая, России и США

EAST NEWS

На рубеже веков страны Центральной Азии — кто более, а кто менее успешно — завершили период экономической и социальной трансформации, преодолев связанные с этим серьезные проблемы. Все они заложили у себя основы рыночной экономики с большей или меньшей степенью монополизма, участия государства в хозяйственной деятельности и интеграции в систему международного разделения труда. Однако за это время успел измениться и мир вокруг. Со всей остротой перед «центральноазиатской пятеркой» встали вызовы уже новейшего времени.

Начали проявляться новые тенденции в глобальном экономическом развитии. Одной из них стала «регионализация глобализации» как ответ на быстрый рост противоречий между более и менее развитыми государствами. В рамках этого процесса набирает силу тренд на ускоренное формирование из государств-соседей целых экономических макрорегионов — относительно самодостаточных, опирающихся на внутрирегиональные торговые, финансовые и хозяйственные связи и потому несколько обособляющихся от глобальных процессов через создание таможенных союзов и зон свободной торговли друг с другом.

Наряду с этим происходит переход от однополярного мира, возникшего после краха СССР и ознаменовавшегося двумя десятилетиями безусловного и полного экономического и политического доминирования США, к многополярному. Началось усиление конкуренции между старыми и новыми, еще только формирующимися центрами силы. Подобные процессы, бурно развивающиеся практически на наших глазах, оказывают непосредственное воздействие на Центральную Азию. Происходит быстрый рост экономической мощи Китая, в связи с чем существенно увеличивается транзитная значимость региона, бывшего некогда сухопутным мостом из Южной и Юго-Восточной Азии в Западную Европу. Со своей стороны Россия, возродившаяся экономически и политически после разрушительного трансформационного кризиса 1990-х, пожелала максимально восстановить свое влияние на постсоветском пространстве.

Подобное пробуждение различных центров силы позволяет Центральной Азии выходить из «спячки», дает ей исторический шанс на возвращение роли глобального перекрестка международных торговых путей. Сейчас почти все значимые экономические и инфраструктурные проекты в регионе так или иначе связаны с внешними акторами. Инициативы в области экономической

интеграции в рамках Центральной Азии, как правило, предусматривают развитие связей с крупной соседней экономикой, будь то Россия (ЕАЭС) или Китай («Один пояс — один путь»). Возрождение региона как транзитного коридора между Востоком и Западом, с одной стороны, сулит огромные возможности для развития стран региона, а с другой — таит в себе существенные риски нового попадания под зависимость от одного из трех мировых лидеров.

Центральная Азия и Запад: циклы сближения и отдаления
Первой точкой на карте Центральной Азии, где западные страны обозначили свои стратегические интересы сразу же после распада СССР, стал Казахстан, а точнее, его нефтяные месторождения на Каспии.

В конце советского периода развитие нефтяной индустрии в Казахской ССР пережило настоящую катастрофу: в июне 1985 года на Тенгизском месторождении начался чудовищный пожар, в результате которого в атмосферу было выброшено 3,4 млн тонн нефти. Из-за аварии, ликвидация которой продолжалась больше года, планы наращивания добычи нефти в Казахстане были сорваны, а затем союзное руководство на волне нормализации отношений с США задумало пригласить к работе в республике компанию

Chevron — одного из лидеров американской нефтяной индустрии.

Довести этот план до практической реализации уже после обретения Казахстаном независимости было суждено **Нурсултану Назарбаеву**, который был знаком с нефтяной отраслью не понаслышке: в ЦК Компартии Казахстана он занимал пост секретаря по промышленности. День 6 апреля 1993 года, когда была основана совместная казахско-американская компания «Тенгизшевройл», небезосновательно считается датой рождения современной нефтяной промышленности страны. Позже к работе в Казахстане удалось привлечь почти всех западных нефтяных мейджоров — американскую ExxonMobil, французскую Total, англо-нидерландскую Royal Dutch Shell, итальянскую Eni и т. д. Результат налицо: если в конце советского периода в Казахской ССР добывалось около 25 млн тонн нефти, то сейчас Казахстан приблизился к уровню 100 млн тонн нефти в год (его планируется достичь в 2023–2024 годах).

Аналогичным образом западные страны в 1990-е были заинтересованы и в другом сырье, которым богата Центральная Азия, — в туркменском газе, узбекском хлопке, киргизском золоте. Реализация конкретных проектов шла с переменным успехом. Хрестоматийным примером специфических центральноазиатских рисков для западных инвесторов давно стало крупнейшее в регионе высокогорное месторождение золота — Кумтор на востоке Кыргызстана. При советской власти его освоение так и не началось, а сразу же после обретения Кыргызстаном независимости к разработке была привлечена канадская компания Samesco.

Коммерческое производство золота началось уже в 1997 году, а в 2004-м Кумтор стал ключевым активом новой компании Centerra Gold со штаб-квартирой в канадском Торонто, одним из основных акционеров которой стала госкомпания «Кыргызалтын». Но затем из-за постоянной политической турбулентности в стране вокруг Кумтора развернулась борьба местных кланов. В итоге в мае этого года парламент Кыргызстана ввел на месторождении внешнее управление, обвинив Centerra Gold в грубых нарушениях экологических норм, а суд в Бишкеке обязал компанию выплатить государству три миллиарда долларов. В свою очередь, Centerra подала международные иски, настаивая на том, что правительство Кыргызстана осуществило захват рудника.

Ну а в качестве примера центральноазиатского мегапроекта, в котором были крайне заинтересованы западные державы, но который так и остался на бу-

маге, можно привести Транскаспийский газопровод из Туркменистана в Азербайджан и далее в Турцию с выходом на Евросоюз. С середины 1990-х тему строительства этой «трубы» время от времени поднимают США, в 2011 году в ходе визита председателя Еврокомиссии **Жозе Мануэла Баррозу** в Ашхабад даже было согласовано создание рабочей группы по проекту, но воз и ныне там. Туркменское руководство сделало однозначную ставку на экспорт газа в противоположном направлении — в Китай.

Все, чего удалось добиться американцам на газовом фронте отношений с Туркменистаном, — это согласование маршрута экспорта газа с гигантского месторождения Галкыныш через Афганистан вскоре после начала интервенции в эту страну в 2001 году. Но за два последующих десятилетия газопровод ТАПИ (Туркменистан—Афганистан—Пакистан—Индия) так и не был постро-

города Карши и в аэропорту «Манас» киргизской столицы Бишкека. Кроме того, военные центры США появились в Таджикистане — их задачами были объявлены охрана границы страны и борьба с наркотрафиком из Афганистана.

Но и здесь специфика региона быстро дала о себе знать: закрепиться на постсоветском пространстве Центральной Азии американцам оказалось весьма непросто. После начала операции «Непоколебимая свобода» в Афганистане в Америку зачастил президент Узбекистана **Ислам Каримов**, за пользование силами НАТО базой в Ханабаде страна получала миллионы долларов в год, не считая прочей американской помощи. Но расцвет отношений двух стран был внезапно прерван в 2005 году, когда силовые структуры Узбекистана жестоко подавили массовые беспорядки в Андижане. В логике действий узбекских властей это определенно были действия

В ходе встречи с президентом Курманбеком Бакиевым в рамках среднеазиатского турне в 2005 года госсекретарь США Кондолиза Райс охарактеризовала Кыргызстан как «ведущую страну» региона в сфере демократических преобразований

ен, а теперь, после ухода США из Афганистана, его судьба целиком зависит от доброй воли талибов.

В самом начале XXI века Центральная Азия обрела для Запада (прежде всего для США) новую — уже геополитическую — значимость. В рамках начатой после терактов 11 сентября 2001 года масштабной операции в Афганистане постсоветским странам Центральной Азии была отведена роль транспортно-логистического плацдарма. Так впервые в истории региона здесь появились американские военные базы — на аэродроме в Ханабаде неподалеку от узбекского

того же порядка, что и американская операция в Афганистане: борьба с радикальным исламом. Однако США потребовали обеспечить независимое расследование андижанских событий, а затем еще и отказались платить за аренду базы, и своенравный Каримов потребовал очистить помещение.

Руку помощи протянул соседний Кыргызстан, где незадолго до этого произошла первая постсоветская революция. Новый президент **Курманбек Бакиев**, приняв в октябре 2005 года госсекретаря США **Кондолизу Райс**, пригласил американцев полностью перебазироваться из

Узбекистана в Манас, что и было сделано. Но уже через несколько месяцев Бакиев потребовал увеличить арендную плату за использование аэропорта с 15 млн до 207 млн долларов. Начался затяжной торг, в результате которого стороны сошлись на сумме в 60 млн долларов плюс различные американские «бонусы» наподобие единовременной помощи в 150 млн долларов.

В 2009 году, после завершения активных боевых действий в Афганистане, база была перепрофилирована в Центр транзитных перевозок в международном аэропорту Манас, который американские военные покинули в 2014 году. К тому моменту очередной киргизский президент **Алмазбек Атамбаев** уже взял курс на сближение с Россией и вступление в ЕАЭС, и отношения с Америкой осложнились. В 2015 году МИД Кыргызстана прекратил действие договора о двустороннем сотрудничестве, подписанного еще в 1993-м. Поводом для этого стало решение Госдепартамента США присудить награду в области защиты прав человека журналисту и политическому активисту **Азимжану Аскаркову**, который за участие в убийстве милиционера во время этнических столкновений в Оше был приговорен к пожизненному заключению. Требования освободить его со стороны США и международных правозащитников киргизские власти так и не выполнили: в 2020 году Аскарков умер в колонии.

Казахстанско-американские отношения на протяжении трех постсоветских десятилетий развивались без резких изменений (кстати, США были первой страной, признавшей независимость Казахстана в декабре 1991 года). Помимо нефти США стали стратегическим союзником страны в области проведенного в первой половине 1990-х годов ядерного разоружения. После закрытия ядерного полигона в Семипалатинске Казахстан в 1995 году уничтожил последнюю ядерную боеголовку и при содействии США завершил герметизацию ядерных туннелей. В дальнейшем Казахстан стал ключевым поставщиком урана в США: например, в 2014 году на его долю пришлось почти четверть американских закупок этого металла.

Сотрудничество с США в сфере международной безопасности оставалось одним из важнейших аспектов отношений двух стран и в последние годы, однако Казахстан воздерживался от того, чтобы размещать на своей территории американские военные базы. «Строительство военной базы США в Казахстане не обсуждается и не стоит в повестке дня», — заверил Второй Президент страны **Касым-Жомарт Токаев** в интервью российской «Комсомольской правде» в июне 2020 года.

Кумтор — одно из крупнейших высокогорных золоторудных месторождений в мире. Объем производства в 2021 году должен составить порядка 470–510 тыс. унций или 14,62–15,86 тонн золота

В экономической сфере об уровне казахстанско-американских отношений свидетельствует как минимум тот факт, что в 2019 году на долю США в общем объеме прямых иностранных инвестиций в Казахстан пришлось 23% (5,5 млрд долларов) — второе место после Нидерландов. США полностью поддержали вступление Казахстана в ВТО в 2015 году, а с прошлого года начал работу американо-казахстанский Деловой совет.

Столь же активно развивались и экономические отношения Казахстана с Евросоюзом, который стал крупнейшим торговым партнером страны еще с первых лет нынешнего столетия. Правда, эта торговля весьма асимметрична: если в 2020 году на Евросоюз приходилось примерно 30% внешнеторгового оборота Казахстана, то в списке стран, с которыми торгует ЕС, Казахстан находился лишь на 33-м месте. При этом на страны Евросоюза приходилось более половины прямых иностранных инвестиций в Казахстан — помимо уже упомянутых Нидерландов, это Швейцария, Франция, Италия, Бельгия и Германия.

Однако в комплексе различных аспектов отношения между странами Центральной Азии и Евросоюзом являют собой пример «позднего зажигания». Первую отдельную стратегию для государств региона Брюссель принял только в 2007 году. Она предусматривала сотрудничество в самых разных областях, от экологии и энергетики до сферы безопасности и прав человека, но ее реализации почти сразу помешал глобальный экономический кризис.

Успех первой фазы сотрудничества оказался неоднородным, отмечают

Эмильбек Джурбаев и **Наргиза Мураталиева**, авторы доклада «Стратегия Евросоюза в Центральной Азии», подготовленного в прошлом году Bishkek Policy Group и немецким Фондом Фридриха Эберта. Более удачным, по их мнению, стало создание официальных рамок для диалога и сотрудничества, таких как ежегодные встречи ЕС и стран Центральной Азии на уровне министров и постоянный диалог ЕС — Центральная Азия по вопросам прав человека.

Усилия ЕС по содействию странам Центральной Азии в улучшении систем пограничного контроля также оказались достаточно успешными, утверждает в документе. Однако в таких существенных областях, как верховенство права и права человека, расширение регионального сотрудничества между государствами Центральной Азии и сотрудничество между ЕС и странами Центральной Азии в области энергетики, существенных успехов пока не достигнуто. Во второй половине прошлого десятилетия этому, несомненно, способствовало усиление политических и экономических связей Центральной Азии с Россией и Китаем, а также все большая ориентация Евросоюза на импорт энергоресурсов из США.

Тем не менее некая «работа над ошибками» уже идет. Принятая в 2019 году новая стратегия Евросоюза для Центральной Азии, в отличие от предыдущего документа, допускает многовекторность внешней политики стран региона и возможность сочетать углубленное партнерство с ЕС с членством в других региональных объединениях. Кроме того, она ставит во главу угла развитие транспортной инфраструктуры в рамках более широкой программы Connectivity

EU—Asia. «Новая стратегия ЕС намного радикальнее; она предусматривает более широкое сотрудничество с регионом, чем то, к которому, очевидно, готовы Соединенные Штаты», — указывают Эмильбек Джураев и Наргиза Мураталиева.

Со своей стороны, страны Центральной Азии также предпринимают усилия по сближению с Европой. Особо здесь стоит отметить работу, проделанную Узбекистаном после прихода к власти второго президента страны **Шавката Мирзиёева**, который в экономической политике сделал ставку на экспортную индустриализацию. Поскольку Евросоюз может стать как серьезным рынком сбыта продукции, так и регулярным источником инвестиций, узбекское руководство активизировало переговоры по Соглашению о расширенном партнерстве и сотрудничестве с ЕС, которое должно прийти на смену подписанному еще в 1999 году Соглашению о партнерстве и сотрудничестве между Узбекистаном и ЕС. В октябре первый заместитель министра иностранных дел Узбекистана **Фарход Арзиев** сообщил, что эти переговоры находятся на завершающей стадии. Еще в декабре 2020 года Еврокомиссия досрочно предоставила Узбекистану статус бенефициара Всеобщей системы преференций плюс (GSP+), благодаря которой товарооборот с Евросоюзом может вырасти до 10 млрд долларов в год.

Принципиальным направлением взаимодействия Евросоюза и Центральной Азии становится «зеленая» повестка, о чем можно судить опять-таки на примере Казахстана. После того как в 2013 году по инициативе Нурсултана Назарбаева была утверждена национальная Концепция по переходу к «зеленой» экономике, Казахстан начал с Евросоюзом совместную программу по переходу к этой экономической модели до 2050 года.

В декабре 2020 года Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев объявил о цели достижения Казахстаном углеродной нейтральности к 2060 году. Для ее реализации правительство завершает разработку стратегического документа, который предусматривает значительные реформы во всех секторах экономики с акцентом на энергетику, обрабатывающую промышленность, сельское и лесное хозяйство, транспорт, ЖКХ и утилизацию отходов.

В ходе Рамочной конвенции ООН по изменению климата (COP26) в шотландском городе Глазго Премьер-Министр Республики Казахстан **Аскар Мамин** отметил, что «страна увеличит объем энергии из возобновляемых источников в пять раз — с 3 до 15 процентов, выработку энергии из экологически чистых источников — в два раза, с 20 до 38 про-

центов. Будет повышен потенциал поглощения углерода за счет посадки свыше двух миллиардов деревьев к 2025 году. Планируется, что доля вырабатываемой из угля энергии снизится с 70 до 40 процентов».

Центральная Азия и Китай: диалектика ядра и периферии

Обращаясь к специфике отношений стран Центральной Азии и Китая на протяжении трех постсоветских десятилетий, следует изначально учитывать принципиально изменившуюся за этот период геополитическую и геоэкономическую позицию КНР. На рубеже 1980–1990-х годов Китай представлял собой типичную страну глобальной периферии, тогда как Центральная Азия была частью СССР — одной из двух сверхдержав после Второй мировой войны. Сегодня же ситуация принципиально изменилась: Китай оспаривает у США статус глобального экономического гегемона, а страны Центральной Азии, за исключением Казахстана и, возможно, Узбекистана, всерьез и надолго обосновались в «третьем мире». Эта разнонаправленная динамика и определяла логику взаимодействия КНР и центральноазиатских государств: в современных реалиях они в значительной степени превратились в периферию крупнейшей экономики Евразии.

Наиболее очевиден этот тезис на примере Туркменистана, сырьевая экономика которого фактически оказалась в ситуации монополии — зависимости от единственного покупателя.

Первоначально руководство Туркменистана шло по пути диверсификации поставок газа, которого в стране так много, что можно с легкостью одновременно развивать сразу несколько экспортных потоков помимо доставшегося от советских времен северного маршрута в российском направлении. Например, открывшийся в конце 1997 года газопровод между туркменским месторождением Корпедже и городом Курткуи в бедном энергоресурсами Северном Иране был рассчитан на внушительные 8 млрд кубометров газа в год. После запуска в 2010 году еще одного газопровода в Иран потенциал экспорта вырос до 14 млрд кубометров в год, а в дальнейшем его планировали нарастить до 20 млрд.

Однако газовый альянс с Исламской республикой не сложился: из-за накопления хронически страдающим от американских санкций Ираном крупных долгов Туркменистан стал постепенно снижать объем поставок, а в 2017 году и вовсе их прекратил. Отношения с Россией в прошлом десятилетии тоже испортились из-за того, что не удалось со-

гласовать цену, по которой туркменский газ покупал «Газпром» для реэкспорта в Европу. В итоге режим **Гурбангулы Бердымухамедова** остался один на один с Китаем, который приложил все усилия для того, чтобы получить газ из Туркменистана как можно быстрее.

Соглашение о строительстве магистрального газопровода Центральная Азия — Китай было подписано в апреле 2006 года, а уже в декабре 2009-го состоялась официальная церемония его открытия — уникальная скорость для международных газовых проектов. За первые семь лет по «трубе» в Китай было поставлено 153 млрд кубометров газа. Как и прежде, экспортные доходы Туркменистана практически полностью формировались углеводородами, но о былой зависимости от российских закупок руководство Туркменистана больше могло не думать, пусть даже цена газа для Китая определенно была ниже газпромовской.

Обратная сторона этого «поворота на Восток» не заставила себя ждать: Туркменистан оказался в долговой зависимости от своего нового благодетеля: по некоторым оценкам, незадолго до начала пандемии коронавируса ее объем составлял 12 млрд долларов. Такие вполне капиталистические отношения с сырьевыми экспортерами для социалистического Китая отнюдь не редкость: в качестве аналогичного примера можно привести Эквадор, который расплачивается с КНР нефтью в обмен на реализованные на своей территории китайские инфраструктурные проекты. В Туркменистане же Китай фактически контролирует значительную часть добычи газа. Например, еще в 2007 году национальная нефтегазовая корпорация КНР CNPC подписала с властями страны соглашение о разделе продукции на срок более 30 лет, став оператором проекта «Багтыярлык» с запасами газа порядка 1,3 трлн кубометров.

В апреле этого года вице-премьер Туркменистана **Шахым Абдрахманов** объявил, что китайские кредиты на строительство газопровода в КНР и освоения Галкынышского месторождения полностью погашены, но в ближайшие годы, если не десятилетия, Туркменистан, по сути, будет оставаться сырьевым придатком Китая. К 2030 году Туркменистан планировал увеличить объем экспорта газа до 180 млрд кубометров (против 45 млрд кубометров на середину прошлого десятилетия), и в качестве основного его покупателя по-прежнему рассматривался Китай.

Проблема значительной долговой зависимости от Китая характерна и для других стран Центральной Азии. Напри-

мер, Кыргызстан начал активно брать кредиты у Экспортно-импортного банка КНР сразу после глобального кризиса 2008 года, и за последующие десять лет их объем вырос более чем до 1,5 млрд долларов, что на конец 2019 года составляло почти половину внешнего долга страны.

Таджикистан, по данным на середину текущего года, должен был этому же китайскому финансовому институту 1,2 млрд долларов. Расплачиваться по кредитам Китая почти неплатежеспособной стране предсказуемо приходится своими природными ресурсами. В частности, в 2019 году правительство Таджикистана передало одной из китайских компаний право на разработку крупнейшего месторождения серебра Якджилва, предоставив инвестору щедрые налоговые и таможенные льготы. По имеющимся данным, в Таджикистане работает уже более 400 китайских компаний, которые охотно везут сюда собственных работников — парадоксальная ситуация для страны, известной чрезвычайно высоким уровнем трудовой миграции. Еще в начале 2018 года американская аналитическая компания Center for Global Development в своем докладе о рисках растущего китайского влияния включила Таджикистан и Кыргызстан в список государств, наиболее уязвимых для экономической экспансии КНР.

Значительно за последние несколько лет вырос долг перед Китаем и в Узбекистане. По данным минфина страны, на начало 2015 года он составлял чуть больше миллиарда долларов, к началу 2019-го подобрался к двум миллиардам, а на начало текущего года на кредиты Эксимбанка КНР, Государственного банка развития Китая и другие китайские источники приходилось уже четыре миллиарда долларов, или почти шестая часть госдолга Узбекистана.

Одновременно в рамках курса Шавката Мирзиёева на открытие экономики страны внешнему миру значительно увеличился торговый оборот с КНР. Еще два года назад Китай стал крупнейшим импортером в Узбекистан с долей более 20%, опередив Россию, а также основным покупателем узбекских товаров. В том же 2019 году Узбекистан и Китай подписали соглашение о создании совместного инвестиционного фонда с уставным фондом в один миллиард долларов для реализации высокотехнологичных проектов на предприятиях химической и нефтехимической отраслей и объектах нефтегазового сектора.

Для Казахстана роль Китая как финансового плеча также выросла после мирового кризиса 2008 года, который страна прошла очень непросто, причём один из главных ударов был нанесен по

ее банковскому сектору. Оценки нынешних масштабов обязательств Казахстана перед КНР варьируются. По данным Нацбанка Казахстана на 1 апреля 2021 года, общий долг перед Китаем составлял 9,7 млрд долларов, из них 1,3 млрд были гарантированы государством. В то же время источники долга Казахстана на данный момент хорошо диверсифицированы — в отличие от других стран Центральной Азии, которые де-факто оказались долговыми колониями Китая.

У казахов есть такое понятие, как «Богом данный сосед». Эта формулировка вполне применима и при взгляде на Центральную Азию из Пекина. Географическое положение региона обеспечило ему приоритетное место в глобальном проекте «Один пояс — один путь», который стал наглядным воплощением внешнеэкономической доктрины нынешнего Председателя КНР Си Цзиньпина. Начавшись с серии инициатив по развитию транспортно-логистической инфраструктуры, «Один пояс — один путь» превратился в комплекс взаимосвязанных проектов, направленных на формирование новых потоков товаров, инвестиций и человеческого капитала. Инициативы «Пояса и пути» для Центральной Азии уже охватывают такие отрасли, как горнодобывающая промышленность, металлургия, энергетика, строительство, финансы. Развитие транспортной инфраструктуры способствует росту внутренней и транзитной торговли: например, благодаря магистрали «Западная Европа — Западный Китай» выросли поставки узбекской сельскохозяйственной продукции в Казахстан и Россию.

Китайские мегапроекты, которые, несомненно, принципиально важны для ускорения модернизации Центральной Азии, лишь подчеркивают необходимость многовекторного развития стран региона. Пока эту модель полноценно реализует, пожалуй, только Казахстан, который еще в 2000-х годах создал понятную и прозрачную для международных инвесторов финансовую систему и институты защиты прав частной собственности. В результате Казахстан получил порядка 70% китайских инвестиций в Центральную Азию, но этим поток капиталов в страну, конечно же, не исчерпывается — об интересе американских и европейских компаний уже говорилось, а о российских инвестициях в Казахстан будет упомянуто ниже. Китайские проекты Казахстан пытался равномерно распределять по своей территории, создавая производства и рабочие места во всех регионах.

Для сравнения: Узбекистан концентрировал китайские инвестиции в основном в рамках созданной в 2013 году свобод-

ной экономической зоны «Джизак». В качестве примеров значимых китайских проектов на этой территории можно привести строительство цементного завода стоимостью 300 млн долларов компанией Huaxin Cement и стекольный завод компании Min Yuan Silu с инвестициями в 100 млн долларов, который стал крупнейшим предприятием Центральной Азии в своей отрасли с долей экспорта 40% от общего объема производства.

Очевидно, что Узбекистан очень хотел бы использовать опыт стремительной индустриализации Китая после запуска реформ Дэн Сяопина в 1980-х годах — как тут не вспомнить хрестоматийное высказывание Карла Маркса из предисловия к «Капиталу» о том, что всякая более развитая в промышленном отношении страна указывает менее развитой путь ее собственного развития. Но есть и немаловажные нюансы. В отличие от Китая Узбекистан не имеет выходов к морю, а следовательно, планы экспортной индустриализации его экономики будут всецело зависеть от формирования надежных транспортно-логистических коридоров, создание которых в сегодняшних реалиях Центральной Азии может профинансировать, пожалуй, только Китай.

Собственно, для Пекина в этом и заключается главный исторический вызов проекта «Один пояс — один путь» во внутренних территориях Евразии. Развал древнего Шелкового пути во многом был связан с тем, что европейцы открыли морские пути к вождленным для них рынкам Азии, которые оказались гораздо дешевле и безопаснее, чем сухопутные маршруты. Спустя несколько столетий эта проблема по-прежнему актуальна: Центральная Азия во многом остается логистически изолированным регионом. Будет ли эта проблема решена в ином ключе, нежели привычная капиталистическая логика многосторонней зависимости периферии от ядра глобальной или региональной экономики, — вопрос открытый. Однако именно здесь находится тот узел противоречий, на котором рассчитывают сыграть западные страны.

«В последнее время инициатива «Один пояс — один путь» и глобальная политика Китая стали терять популярность и доверие по мере того, как международное сообщество больше узнает о так называемой долговой дипломатии Пекина. Хотя инициативу «Один пояс — один путь» трудно игнорировать, страны Центральной Азии, находящиеся на путях предполагаемых взаимосвязей в рамках проекта, явно осознали возможные последствия более глубокого участия в нем и проявляют осторожность», — указывают авторы упомин-

Решения в ЕврАзЭС принимаются консенсусом, у каждого государства-участника де-факто есть право вето на любое решение наднациональных органов

нашегося выше доклада «Стратегия Евросоюза в Центральной Азии».

Центральная Азия и Россия: перезагрузка старой дружбы

Спустя три десятилетия после распада СССР вопрос о том, как должна выглядеть оптимальная формула партнерства между Россией и Центральной Азией, по-прежнему далек от окончательного решения. Стоит напомнить, что в начале 1990-х одним из ключевых драйверов дезинтеграции стали опасения части союзного и российского руководства по поводу постоянно растущих расходов на субсидирование экономик среднеазиатских республик и уже почти не контролируемых процессов роста их населения.

В то же время практически сразу после распада Союза возникли новые форматы взаимодействия и интеграции, которые позволили сохранить сформированные в советские годы хозяйственные, политические и человеческие связи. Четыре новых государства Центральной Азии в 1992–1993 годах стали полноценными участниками СНГ (Туркменистан с 2005 года имеет статус ассоциированного члена-наблюдателя). Одновременно Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан вместе с Россией и Арменией, а затем и Белоруссией сформировали Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), подписанного 15 мая 1992 года в Ташкенте. В июне 2001

года Россия и четыре государства Центральной Азии (кроме Туркменистана) создали еще один альянс, на сей раз с участием Китая: Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), к которой в 2017 году также присоединились Индия и Пакистан. ОДКБ и ШОС, не являясь военными блоками в чистом виде наподобие НАТО, ставят своей задачей обеспечение безопасности региона, включая борьбу с такими угрозами, как терроризм и наркотрафик.

Качественно новый этап экономической интеграции на постсоветском пространстве Центральной Азии начался в 2001 году с образования Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), в котором регион представляли Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и временно (в 2006–2008 годах) Узбекистан. Инициатива создания этого блока (как во многом и создания СНГ) принадлежала Президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву, который еще в марте 1994 года в ходе своего первого официального визита в Россию выступил в МГУ с речью, заложившей основы ЕврАзЭС и его производных — Таможенного союза и Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

«Назрела необходимость в переходе на качественно новый уровень взаимоотношений наших стран на основе нового межгосударственного объединения, сформированного на принципах добровольности и равноправия. Таким

объединением мог бы стать Евразийский союз. Он должен строиться на иных, чем СНГ, принципах, ибо основу нового объединения должны составить наднациональные органы, призванные решать две ключевых задачи: формирование единого экономического пространства и обеспечение совместной оборонной политики», — заявил тогда Первый Президент Казахстана.

Идея Таможенного союза (ТС) с участием Казахстана, России и Белоруссии также впервые была выдвинута в середине 1990-х годов, хотя соглашение о создании единой таможенной территории и формировании ТС было подписано этими странами в Душанбе лишь в 2007 году. После этого в связи с необходимостью быстрого преодоления последствий глобального экономического кризиса проект стал развиваться по принципу «долго запрягаем — быстро едем»: единое таможенное пространство трех государств начало функционировать с 1 января 2010 года. В конце того же года на саммите ЕврАзЭС в Москве было достигнуто соглашение о создании Евразийского экономического союза, который пришел на смену ЕврАзЭС уже в начале 2015 года.

Первоначально в состав ЕАЭС вошли Россия, Белоруссия, Казахстан и Армения, в августе 2015 года к ним присоединился Кыргызстан. На сегодняшний день список членов ЕАЭС по-прежнему ограничен этими пятью странами, однако формы ассоциированного и кос-

«Нужно институционализировать отношения России с центральноазиатскими партнерами»

Тему Умаров, китаист, эксперт по Центральной Азии, научный консультант Московского центра Карнеги:

— Не стоит забывать о том, что центральноазиатские страны — это не только объект чужой политики, но еще и субъекты, которые сами решают, в какую сторону двигаться.

Я думаю, эта субъектная позиция будет усиливаться со временем. И страны, которые не будут учитывать эту субъектность и умение центральноазиатских стран проводить политику в собственных интересах, будут все меньше влиять на то, что происходит в Центральной Азии.

Если продолжится развитие региональной повестки в друже-

ственной прагматичной политике в отношении друг друга, я думаю, мы будем видеть все меньше и меньше каких-то споров, конфликтов. И больше будем видеть сотрудничества и попыток решить вопросы, которые достались Центральной Азии отчасти с советским прошлым, а отчасти уже появились в первые годы независимости.

из личного архива

венного участия постоянно расширяются. В частности, в декабре 2020 года статус государства-наблюдателя в ЕАЭС получил Узбекистан — одновременно в таком же статусе к альянсу присоединилась Куба: потенциальные масштабы интеграции экономик уже выходят за рамки постсоветского пространства и даже Евразии.

О роли ЕАЭС в развитии экономических связей между Россией и странами Центральной Азии можно судить по статистике взаимной торговли. В 2017–2020 годах экспорт российских товаров в Казахстан вырос на 14%, до 14 млрд долларов, хотя торговля с Россией неизменно остается для Казахстана дефицитной — обратный поток за указанный период составлял порядка пяти миллиардов долларов в год. Тем не менее Казахстан смог значительно диверсифицировать свой экспорт в РФ: в прошлом году рост отмечался по таким статьям, как мясо, рыба, фрукты и другие продовольственные товары, продукция химической промышленности и фармации, одежда и синтетические текстильные материалы, силовые установки, детали локомотивов и легковых автомобилей.

В общем объеме внешней торговли Казахстана в 2020 году доля России составила 21,4%. Для Кыргызстана этот показатель был еще выше — 27,6%, причем именно торговля с Россией в прошлом году поддержала киргизскую внешнюю торговлю, рухнувшую из-за коронавируса. Если суммарный товарооборот снизился на 19% по сравнению с 2019 годом, то торговля с Россией сократилась лишь на 7,6%, до 1,56 млрд долларов. Дефицит этой торговли еще более существенный, чем в случае с Казахстаном, но все же продукция Кыргызстана в России пользуется определенным спросом: в прошлом году ее было вывезено на 240 млн долларов, или 12,3% от общего объема экспорта страны.

Для Кыргызстана преимущества участия в ЕАЭС несомненны: бедная, не имеющая выхода к морю страна получает доступ к российскому рынку,

упрощенные возможности для отправки трудовых мигрантов и потенциальные предпочтения в таком сложном вопросе российско-киргизских отношений, как цены на газ. В 2014 году, накануне вступления Кыргызии в ЕАЭС, «Газпром» пошел на широкий жест, приобретя активы компании «Кыргызгаз» за символический один доллар вместе с долгами порядка 60 млн долларов, которые вскоре были погашены. Более того, российская компания взяла на себя обязательства модернизировать газовую инфраструктуру страны, причем если первоначально вложения в нее оценивались в 20 млрд рублей на пять лет, то затем потенциальный объем инвестиций вырос до 100 млрд рублей, что позволит увеличить уровень газификации страны втрое, до 60%. Определенно выиграет бедный ископаемым топливом Кыргызстан и от подписания договора об общем рынке нефти в ЕАЭС, которое запланировано к 2023 году.

Похожие аргументы выдвигаются и в пользу вступления в ЕАЭС Таджикистана. Евразийский банк развития (ЕАБР) приводит такую статистику: в 2007–2019 годах объем денежных переводов из России от киргизских трудовых мигрантов вырос более чем втрое, причем этот процесс резко ускорился вместе с членством в ЕАЭС. В то же время переводы в Таджикистан из РФ за тот же период выросли лишь в полтора раза, начав резко снижаться с середины прошлого десятилетия.

«В случае присоединения республики к ЕАЭС, согласно оценкам ЕАБР, можно ожидать роста не только денежных переводов, но и заработной платы мигрантов в среднем на 10–30%. Все эти изменения в течение 5 лет после присоединения к союзу обеспечат дополнительный накопленный приток денежных поступлений в страну в размере 1,3–1,5 млрд долларов», — отмечали год назад аналитики ЕАБР. Тем не менее, пока Таджикистан вступать в ЕАЭС, похоже, не планирует, несмотря на продолжающиеся настоячивые уговоры. «Надо, чтобы другие

были здесь — наши соседи Узбекистан и Таджикистан, они должны быть», — заявил в августе этого года Нурсултан Назарбаев, ныне являющийся почетным председателем ЕАЭС.

Тем не менее присоединение к ЕАЭС Узбекистана, даже в качестве наблюдателя, уже можно считать большим успехом интеграционной политики России, обусловленным, несомненно, новым внешнеполитическим курсом узбекских властей. Если покойный Ислам Каримов участие в этом альянсе определенно не приветствовал, то его преемник Шавкат Мирзиёев практически сразу принял решение о сближении.

Первые результаты открытия страны для внешних веяний пришли очень быстро: если в 2016 году товарооборот между Россией и Узбекистаном составлял порядка 2,7 млрд долларов, то к концу 2018-го он приблизился к 4,4 млрд долларов, а экспорт из России в Узбекистан вырос почти в полтора раза, до 3,3 млрд долларов. В 2020 году, несмотря на пандемию, взаимный товарооборот вырос более чем на 15% — почти до шести миллиардов долларов, а за первые пять месяцев 2021 года рост превысил 15%. В июне во время заседания совместной комиссии на уровне глав правительств двух стран отмечалось, что опережающими темпами растут поставки сельхозпродукции из Узбекистана, во многом благодаря крупным совместным проектам в АПК. В перспективе нескольких лет планируется довести объем торговли до 10 млрд долларов.

Эти динамичные показатели отражают главный тренд последних лет: похоже, при Мирзиёеве удалось оставить в прошлом мрачные страницы истории отношений российских компаний с узбекским государством. Поэтому новому узбекскому лидеру было принципиально важно убедить российские компании в безопасности их инвестиций, и успехи на этом направлении уже есть. К середине 2020 года российские и узбекские компании создали порядка двух тысяч совместных предприятий, а российские

инвестиции в экономику Узбекистана превысили 10 млрд долларов.

Сейчас крупнейшие российские компании рассматриваются властями Узбекистана в качестве главных агентов модернизации страны. В 2022 году госкорпорация «Росатом» намерена начать строительство в Узбекистане АЭС первоначальной мощностью 2,4 ГВт (с возможным увеличением до 4,8 ГВт), которая станет крупнейшей в Центральной Азии. Планы развития атомной энергетики строились еще в Узбекской ССР, но после чернобыльской аварии они были свернуты. Теперь же для осуществления планов ускоренной индустриализации Узбекистану требуется много дешевой электроэнергии, и руководство страны решило сделать ставку на «мирный атом».

Российское участие предполагается и в давно назревшей реформе авиационной отрасли Узбекистана, которую задумал Шавкат Мирзиёев. Идея заключается в том, чтобы отделить национальную авиакомпанию от аэропортового бизнеса, поскольку эта монополия связка долгие годы держала тарифы на авиаперевозки на очень высоком уровне и мешала развитию внутренних связей страны и туризма. В России такая демополизация авиации уже давно проведена, и в мае 2019 года российский холдинг «Новопорт» подписал рамочное соглашение о модернизации аэропортов в Самарканде, Намангане и Ургенче, которые планировалось передать оператору в концессию на 40 лет.

Стоит упомянуть и о российских инвестициях в Туркменистане, которые предсказуемо связаны с нефтегазовым сектором. В частности, здесь вполне успешно работает компания «Татнефть», которая применяет свой опыт работы на зрелых месторождениях, полученный в Татарстане. В основном татарстанские нефтяники берут скважины, которые находятся в глубокой консервации или в стадии ликвидации, и фактически их реанимируют. С начала работы в Туркменистане «Татнефть» добыла более 300 тыс. тонн нефти и планировала удвоить этот объем. Кроме того, в 2019 году «Газпром» после трехлетнего перерыва все же возобновил закупки туркменского газа. Помимо топливно-энергетического комплекса перспективными для развития сотрудничества считаются транспортно-коммуникационная область, газохимическая индустрия, геология, строительство, финансово-банковский сектор — именно эти направления были названы при подписании программы экономического сотрудничества между правительствами Туркменистана и России на 2021–2023 годы. Вопрос об участии Туркменистана

в ЕАЭС может ставиться пока лишь в слабо теоретической плоскости, но, если эта страна решит стать более открытой, такие предложения ее руководству наверняка будут сделаны.

Сегодняшнее состояние отношений России и Казахстана следует признать наиболее гармоничным в центрально-азиатском регионе. Во всяком случае, российский бизнес чувствует себя в соседней стране очень комфортно, причем в самых разных секторах экономики — финансовом, торговом, ИТ и т. д. Немаловажно и то, что Казахстан не является крупным поставщиком в Россию трудовых мигрантов, а большие казахские землячества исторически проживают во многих российских регионах Поволжья, Урала и Сибири. Одним из таких примеров выступает Астраханская область, где «русские» казахи традиционно играют большую роль в бизнесе и государственном управлении.

В то же время нельзя замалчивать и те объективные проблемы, которые выступают постоянным фоном в отношениях между Россией и большинством государств Центральной Азии. Главная из них — миграционная политика. В массовом сознании россиян бывшие сограждане из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана воспринимаются прежде всего как гастарбайтеры, и периодически возникающая инициатива ввести с этими странами визовый режим имеет немалую поддержку. Российские власти, безусловно, реагируют на эти настроения, усиливая регулирование миграции, однако масштаб проблемы сохраняется, учитывая ее значительный нелегальный поток.

Очевидно, что никаких быстрых решений здесь в принципе быть не может, однако в долгосрочной перспективе можно ожидать, что помощь России в развитии экономик наиболее бедных стран региона принесет свои плоды в виде создания новых рабочих мест и роста доходов населения.

Затягивающийся узел интересов

Подводя итоги, следует прежде всего отметить, что внешнеполитический курс стран Центральной Азии будет определяться постоянным возрастанием экономического значения региона как международного транспортно-логистического хаба в XXI веке.

С одной стороны, это открывает странам Центральной Азии широкие возможности для социально-экономической модернизации и встраивания в глобальные производственные цепочки в качестве не только поставщиков сырья, рабочей силы или товаров низкого передела.

Опыт Казахстана демонстрирует, что в Центральной Азии возможно построение современных постиндустриальных экономик с развитым сектором услуг. Роль транспортно-логистических потоков здесь трудно переоценить: сформировавшаяся еще в XVIII–XIX веках экономическая отсталость Центральной Азии во многом была связана именно с тем, что регион оказался выключен из мирохозяйственных связей.

С другой стороны, не подлежат сомнению риски, связанные с нахождением на пересечении различных путей: рост социального неравенства, нерациональная эксплуатация окружающей среды, терроризм, наркотрафик и т. д. Кроме того, Центральная Азия расположена слишком близко к территориям непрекращающихся конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке, а богатые неосвоенные ресурсы делают регион потенциальным местом столкновения внешних сил.

Таким образом, появление в Евразии таких мощных игроков, как Иран, Индия, Пакистан и Турция, не говоря уже о Китае, активизация здесь интересов США и Евросоюза, стремление России сохранить свою историческую сферу влияния содержат как благоприятные возможности для развития, так и мощные вызовы. Пандемия коронавируса, нарушившая привычные хозяйственные связи, еще раз продемонстрировала всем этим игрокам высокую значимость диверсификации торговых путей. Поэтому можно ожидать, что инвестиции в это направление будут расти как минимум на протяжении ближайшего десятилетия, и страны Центральной Азии получат уникальный шанс вернуть себе ту историческую роль, которой они обладали на протяжении более чем тысячи лет, пока старинный Шелковый путь не стал достоянием истории.

Разумеется, пока это лишь потенциальный сценарий, подкрепленный наличием ряда географических, климатических, политических и прочих факторов, которые именно сейчас сошлись в одной точке. Такая конъюнктура действительно случается, возможно, раз в тысячу лет. Как свидетельствует история, на перекрестках торговых путей часто вырастали богатые города и создавались мощные государства — но многие из них быстро становились ареной жесточайших битв либо тихо угасали в случае изменения глобальных торговых потоков. Тем важнее для сегодняшних стран Центральной Азии выбрать правильную модель интеграции в глобальную экономику, сделав ставку на многовекторность и открытость модели собственного развития. ■

Андрей Хасанов

Баланс в собственных интересах

Пол Стронски, старший научный сотрудник Российской и Евроазиатской программы Фонда Карнеги за международный мир, бывший старший аналитик Бюро разведки и исследований Госдепартамента США, бывший директор по России и Центральной Азии в аппарате советника президента США по национальной безопасности

— Как вы оцениваете внешнюю политику стран Центральной Азии и их способность находить баланс между глобальными игроками в регионе? Насколько многовекторная политика позволяет им сохранять свой суверенитет?

— Пять центральноазиатских государств успешно отстаивали свой суверенитет все эти три десятилетия. Несмотря на некоторые вопросы с определением границ, их территориальная целостность обеспечена и всеми признается. Они обеспечили свой политический суверенитет, создав органы управления и инфраструктуру, необходимые для функционирования государства. Они в целом успешно находили баланс во внешней политике.

Конечно, Россия играет важную роль для стран Центральной Азии, учитывая как историческое советское наследие, так и ее нынешнее экономическое и политическое значение. Китай стал важным региональным игроком позднее и оказывает серьезное экономическое влияние на страны региона. Среди центральноазиатских государств Казахстан и Узбекистан смогли наиболее эффективно выстроить баланс между этими двумя игроками, в основном в интересах собственного экономического развития. Остальные три страны подвержены рискам, связанным с долговыми обязательствами перед Китаем и зависимостью от китайских займов. Поэтому, хотя их политический и территориальный суверенитет не подвергается сомнению, экономический суверенитет в ближайшей перспективе вызывает вопросы.

— Самым важным событием последнего времени в Центральной Азии стал вывод войск США из Афганистана. Какое влияние, по вашему мнению, это окажет на регион в дальнейшем?

— США играли важную роль в регионе в период активной фазы операций в Афганистане. Во многих отношениях их силовое присутствие в Афганистане дало время странам Центральной Азии на создание структур независимых государств и поддержало их политический суверенитет, поскольку это присутствие

из личного архива

позволило снять наиболее актуальные риски для безопасности в регионе. Теперь, когда США вышли из Афганистана, ситуация будет меняться. Другие страны, включая Индию, Пакистан, Турцию и даже Японию и Южную Корею, не говоря уже о России и Китае, будут играть более важную роль. Участие США в проблемах региона снизится, и это справедливо не только для Центральной Азии — активность США во многих местах сворачивается, поскольку американцы хотят, чтобы внимание их правительства было обращено на внутренние проблемы. И появление новых игроков в Центральной Азии также является отражением транзита к многополярному миру, и в этом регионе встречаются многие из этих полюсов.

— США традиционно являются сторонниками укрепления институтов реформ. Как вы оцениваете состояние этих институтов в Центральной Азии? Насколько они важны и результативны?

— Казахстан безусловно лидирует в плане создания таких институтов реформ. Очевидный пример — Международный финансовый центр «Астана», где действуют английское право и независимые органы управления и судопроизводства. Также страна приложила значительные усилия к улучшению качества образования и формированию новых профессиональных кадров, способных двигать вперед реформы внутри страны и представлять страну и ее деловые круги во внешнем мире.

Узбекистан приступил к реформам с приходом к власти президента Шавката Мирзиёева, но у страны впереди еще долгий путь. Обеим странам необходимо обеспечить более широкое распространение реформ. Сегодня реформы зачастую с успехом проводятся лишь в отдельных областях общественной и экономической жизни.

— Среди центральноазиатских стран Казахстан и Узбекистан продемонстрировали наибольший прогресс

Программа Южной Кореи «Новая северная политика» предполагает расширение экономического взаимодействия со странами Центральной Азии и Монголией. На Узбекистан сегодня приходится почти 50% товарооборота со странами региона

в международных инвестиционных рейтингах. Что думают об условиях для ведения бизнеса международные компании, уже работающие в этих странах?

— Действительно, обе страны смогли улучшить свои позиции в рейтингах. Прогресс Казахстана был неуклонным на протяжении многих лет, а Узбекистан, опять-таки, начал улучшать свои позиции только недавно. Обе страны весьма успешно следуют критериям, используемым в этих рейтингах. Но остаются вопросы с исполнением. Инвестиции малых и средних компаний в экономику обеспечивают долговременный устойчивый рост, а с их привлечением возникают проблемы в отношении универсального применения заявленных реформ. У таких компаний возникают сложности на операционном уровне и вдали от столиц, и обе страны смогут значительно усилить привлечение инвесторов, и шире, свои экономические показатели, если обеспечат инвестиционную привлекательность на местном уровне.

— Часть стран Центральной Азии в последнее время приступили к диверсификации и снижению зависимости от ресурсов. Как вы оцениваете эти программы и их эффективность?

— По моему мнению, центральноазиатские страны делают недостаточно в плане диверсификации. И опять-таки, реально реформы осуществляют только Казахстан и Узбекистан. Эти усилия крайне важны, поскольку крупные про-

мышленные страны двигаются в направлении борьбы с изменениями климата, снижения выбросов и перехода к возобновляемым источникам энергии. Время для диверсификации экономики в регионе пришло. Но даже в этих двух странах для диверсификации все еще требуется сделать многое в плане строительства институтов, борьбы с коррупцией, развития человеческого капитала и других системных изменений. Туркменистан по-прежнему полностью

Появление новых игроков

в Центральной Азии так-

же является отражением

транзита к многополярно-

му миру, и в этом регио-

не встречаются многие

из этих полюсов

закрыт, и по отношению к нему нет никакого смысла обсуждать какие бы то ни было содержательные вопросы, включая диверсификацию.

— В регионе осуществляются два интеграционных проекта — ЕАЭС и «Один пояс — один путь». Какое влияние они оказывают на экономическое развитие Центральной Азии?

— ЕАЭС и «Один пояс — один путь» — совершенно разные инициативы как по стратегическим задачам, так и по структуре. «Один пояс — один путь» в реальности представляет собой набор проектов, направленных на обеспечение доставки товаров из региона к международным транспортным коридорам и рынкам. Он является маркетинговым инструментом продвижения Китая в той же степени, что и реальным интеграционным проектом. ЕАЭС направлен на создание нормативного режима, нацеленного на поддержку торговли и в целом экономического взаимодействия между государствами-членами. С этой точки зрения эти две инициативы не конкурируют между собой, но при позитивном развитии событий могут дополнять друг друга. И что касается стран Центральной Азии, они могут получить выгоду от обеих при условии, что сами страны будут решать свои внутренние структурные задачи, включая создание институтов, повышение качества человеческого капитала, борьбу с коррупцией и другие. И должно прилагаться больше усилий для интеграции между самими государствами Центральной Азии. ■

Филипп Громыко

«Имеется значительный потенциал для роста торговли»

Штефан Майстер, руководитель программы по международным отношениям и развитию демократии
Германского совета по международным делам (DGAP)

— Какие геоэкономические факторы определяют значение Центральной Азии для Евросоюза? Изменились ли взгляды на регион со времени распада Советского Союза?

— Значимость Центральной Азии для ЕС растет, несмотря на то что она никогда не входила в число основных приоритетов для Брюсселя. Регион представляет собой мост к Китаю, Афганистану и Ближнему Востоку, и поэтому в фокусе центральноазиатской политики ЕС находятся вопросы транспортной связанности. Регион также является важным источником поставок энергоресурсов в Европу.

Ни одна из стран не имеет выхода к морю, и все они подвержены значительному влиянию своих больших соседей — России и Китая. Растущая роль Китая и более активное взаимодействие между Россией и Китаем привлекают внимание Евросоюза. В то же время Стратегия ЕС 2019 года и стратегия «Соединяя Европу и Азию» 2018 года показывают, что подход ЕС к региону становится все более прагматичным.

Несмотря на рост экономики в последние годы, уровень диверсификации в странах Центральной Азии остается невысоким. Товарооборот ЕС с Центральной Азией растет и составляет около трети объема внешней торговли региона, и сейчас Европа является основным торговым партнером региона. Тем не менее имеется значительный потенциал для роста двусторонней торговли. Евросоюз не может конкурировать с Китаем по объему торговли и инвестиций: с момента запуска инициативы «Один пояс — один путь» Китай инвестировал в страны региона 22,5 млрд евро, тогда как ЕС только 1 млрд.

И наконец, предметом повышенного внимания становится будущее Афганистана после вывода войск НАТО. Здесь ожидается более активное сотрудничество по вопросам управления миграционными потоками и укрепления границ.

— **Как вы оцениваете усилия центральноазиатских государств по**

из личного архива

модернизации экономики, их результативность и перспективы?

— Все страны Центральной Азии справились с задачей становления в качестве независимых государств после распада Советского Союза, и в последние пару лет наблюдается все более активная внутрирегиональная интеграция. В течение всех трех десятилетий Казахстан является лидером среди стран региона, но с политическими переменами в Узбекистане эта страна стала более активно продвигать реформы и поддерживать региональное сотрудничество. Это позволило странам начать обсуждение более сложных вопросов, включая управление водными ресурсами и демаркацию границ. Однако разрешение проблем демаркации границ продвигается трудно, а полномасштабное внутрирегиональное сотрудничество находится на явно недостаточном уровне. ЕС повысил уровень своих отношений с Узбекистаном благодаря заключению соглашения GSP+ по устойчивому развитию и внедрению современных практик управления. Подходы к экономическим реформам в регионе сильно различаются, и Казахстан в наибольшей степени либерализовал свою экономику. Вместе с тем в число общих вызовов для всех стран входят укрепление институтов, диверсификация экономики, борьба с коррупцией и обеспечение благосостояния населения.

— **Человеческий капитал считается основным фактором, определяющим долговременную конкурентоспособность национальных экономик. Каковы, на ваш взгляд, текущее состояние и перспективы развития человеческого капитала в Центральной Азии?**

— Действительно, человеческий капитал имеет ключевое значение для экономических реформ и диверсификации. В большинстве стран региона уровень инвестиций в образование и исследовательскую работу недостаточный, и некоторые из них скорее готовы терять молодежь вследствие трудовой эмиграции, чем способствовать развитию этих граждан в интересах собственной экономики. Для Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана денежные переводы трудовых мигрантов, работающих в России, все еще являются существенным вкладом в бюджет, обеспечивающим социальную стабильность. Учитывая быстрый рост населения Узбекистана, создание условий для молодежи жить и развиваться в собственной стране является вопросом социальной стабильности.

В число основных задач ЕС в сфере устойчивого развития и повышения качества человеческого капитала в регионе входят формирование условий для социальной стабильности, содействие в разработке работающих моделей образования и бизнес-деятельности, улучшение транспортной связанности. Для самих стран критически важной является разработка политики в сфере демографии.

Образование и урбанизация способствуют повышению качества жизни. В то же время в таких странах, как Таджикистан и Кыргызстан, большинство населения проживает в сельских районах, и там приоритетом должно стать повышение качества жизни вне столиц и крупных городов. Казахстан все больше инвестирует в образование, особенно в такие флагманские проекты, как Назарбаев Университет. А создание Международного финансового центра «Астана» позволяет проводить подготовку кадров в приоритетных областях. Эти значимые проекты способствуют подготовке будущих лидеров для современной экономики. ■

Филипп Громыко

Правила «Новой Большой игры»

Томохико Уяма, профессор Центра славянско-евразийских исследований Университета Хоккайдо; один из ведущих специалистов в Японии по истории, культуре и политическим системам Центральной Азии

— Как вам видится глобальный контекст для региона Центральной Азии в последние 30 лет с момента распада СССР? Какие факторы определяют и определяют роль Центральной Азии?

— Ситуацию после распада Советского Союза часто называют «Новая Большая игра». Это понятие появилось в XIX веке. Тогда британцы опасались, что Россия будет иметь слишком большое влияние на Британскую Индию, поэтому стремились уменьшить ее влияние на Центральную Азию. Сегодня же проблема не в том, что Запад оказывает слишком большое влияние на Центральную Азию, напротив, западные страны зачастую уделяют недостаточно внимания этому региону. Борьба между крупными державами за влияние в Центральной Азии — это, можно сказать, миф. США вдруг обратили очень большое внимание на регион после 11 сентября, и это было связано с Афганистаном. Но они не имели четкого видения, что делать с самой Центральной Азией.

Ситуация после распада Советского Союза существенно отличается. Проблема не в том, что Запад оказывает слишком большое влияние на Центральную Азию, а наоборот, западные страны обращают обычно довольно мало внимания на этот регион. Борьба между крупными странами за влияние на Центральную Азию — это, можно сказать, миф. США вдруг обратили очень большое внимание на Центральную Азию после 11 сентября, и это было связано с Афганистаном. Но США не имели четкого видения, что делать с самой Центральной Азией.

— Китай впервые стал столь значимым игроком в Центральной Азии. Как вы оцениваете его роль и отношения со странами региона?

— Действительно, появление Китая как важного игрока в Центральной Азии — это новое явление для этого региона в XXI веке. В первые годы независимости стран Центральной Азии китайцы довольно осторожно вели себя и считали, что Центральная Азия — это сфера влияния России и они не могут задеть интересы России. В последние 20 лет они стали более уверенными в своей

из личного архива

силе и реализуют свои проекты в регионе, уже не оглядываясь на Россию.

И страны Центральной Азии зависят от Китая, каждая по-своему. Особенно Таджикистан и Кыргызстан очень сильно зависят от инвестиций и помощи со стороны Китая. Более крупные страны — Казахстан и Узбекистан — тоже имеют очень тесные отношения с Китаем. И все страны региона вынуждены считаться с Китаем, это реальность современной Центральной Азии.

— Насколько центральноазиатским странам удастся вести сбалансированную многовекторную политику?

— В целом странам Центральной Азии удастся вести многовекторную политику. Отчасти потому, что позиции США в регионе ослабли и Запад уже не сильно требует изменить политическую систему стран Центральной Азии, в результате отношения между ними нормализовались. А Россия и Китай стремятся занять более сильную позицию в отношении Запада в глобальном плане, и иметь конфликтные отношения вокруг Центральной Азии в этом контексте обеим странам невыгодно. Поэтому страны Центральной Азии могут иметь хорошие отношения и с Россией, и с Китаем. Пока Китай признает ведущую позицию России в военно-политическом отношении, и Россия признает ведущую позицию Китая в инвестициях и торговле. Хотя путем создания Евразийского экономического союза Россия показала, что в институциональном плане Россия все же имеет большее влияние на страны Центральной Азии, чем Китай.

Еще один важный момент: Россия и Китай не препятствуют странам Цен-

тральной Азии иметь тесные экономические и культурные отношения с другими странами. Поэтому и западные страны, и другие страны, включая Японию, Корею, Турцию и Индию, могут свободно развивать отношения со странами Центральной Азии, если они не касаются проблем, имеющих особо важное стратегическое значение для России и Китая.

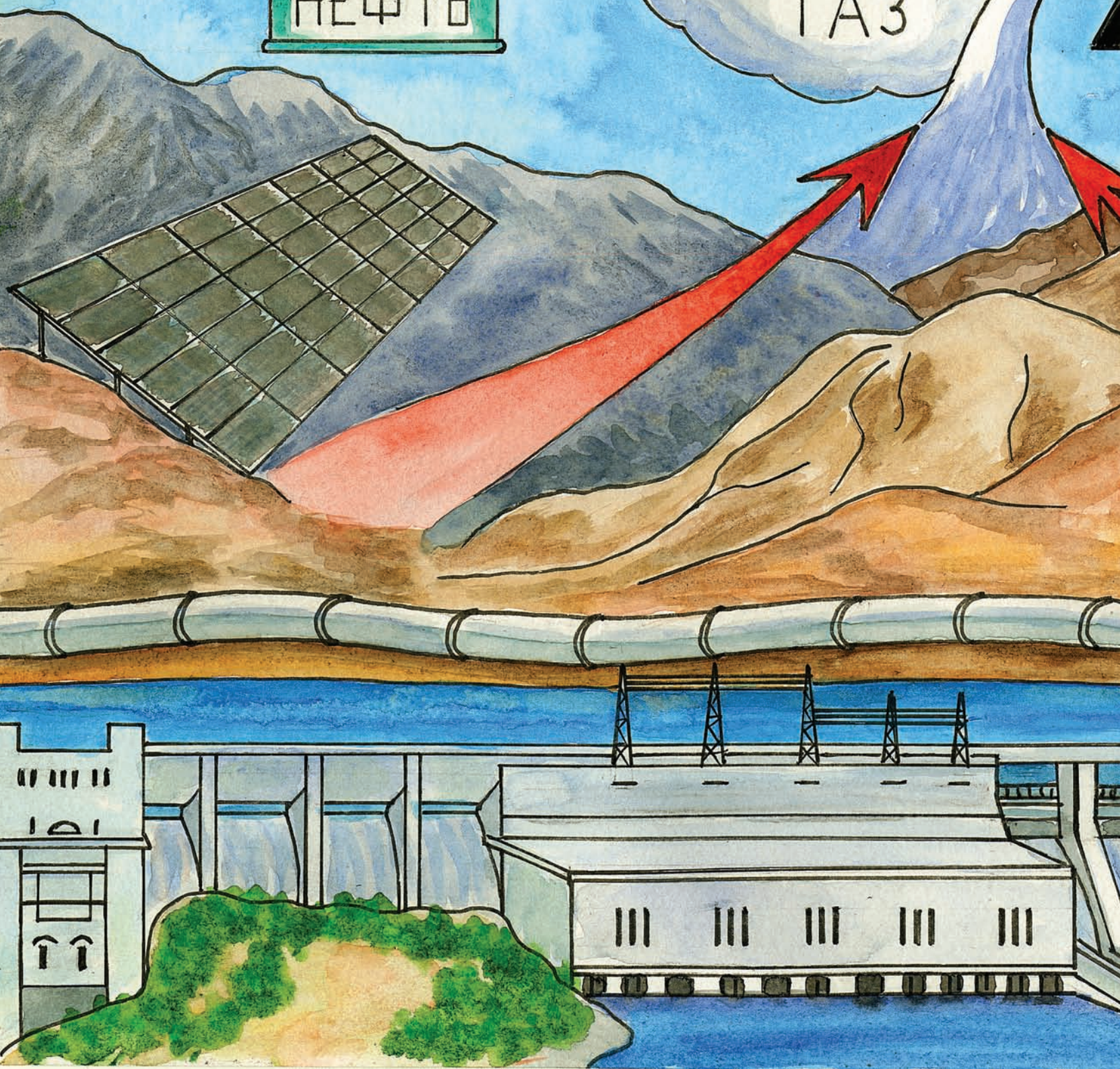
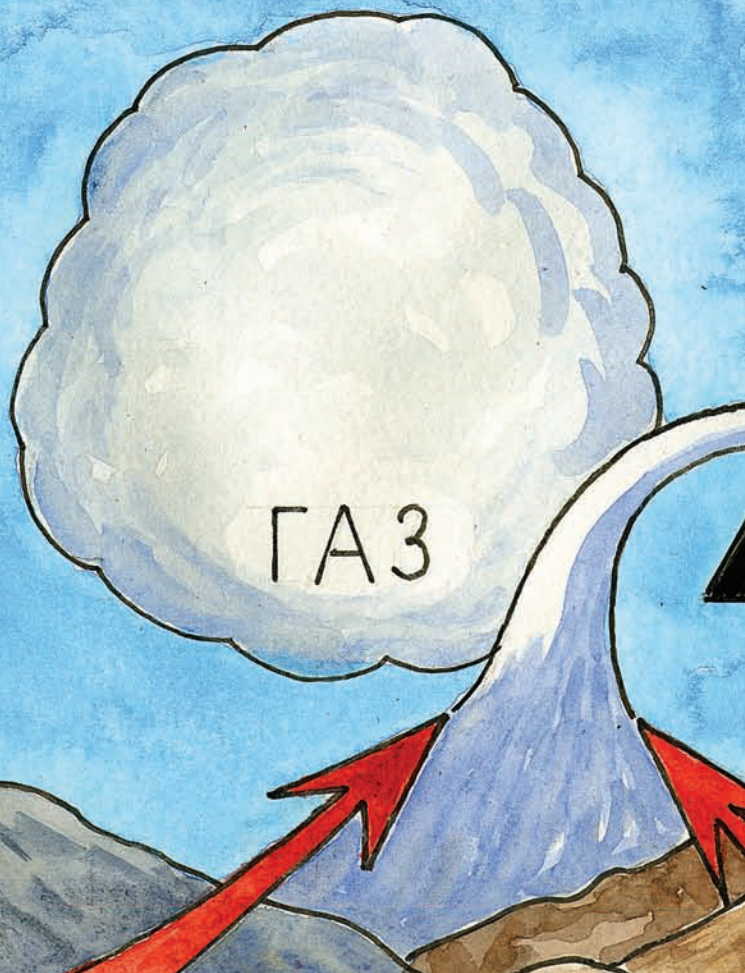
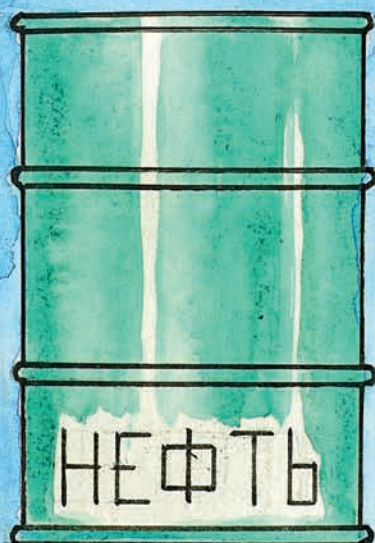
— Кроме «Одного пояса — одного пути» в регионе есть еще один интеграционный проект — ЕАЭС. Как вы видите совмещение этих двух проектов? Как вы оцениваете место Казахстана, инициатора процессов интеграции на постсоветском пространстве, в обоих проектах?

— Разговоры о сопряжении этих двух проектов идут уже давно. Каких-нибудь четких результатов мы не видим. Проект «Один пояс — один путь» еще остается практически единоличным проектом Китая. Китай в рамках этого проекта наращивает отношения с каждой страной. Хотя, возможно, транспортная инфраструктура, которую Китай строит, в перспективе будет содействовать интеграции стран Евразии.

Казахстан активно участвует в этих двух проектах. В каждом из них страна стремится сохранить свой интерес.

— Как вы видите изменение политического расклада и политики государств в регионе после вывода войск США из Афганистана?

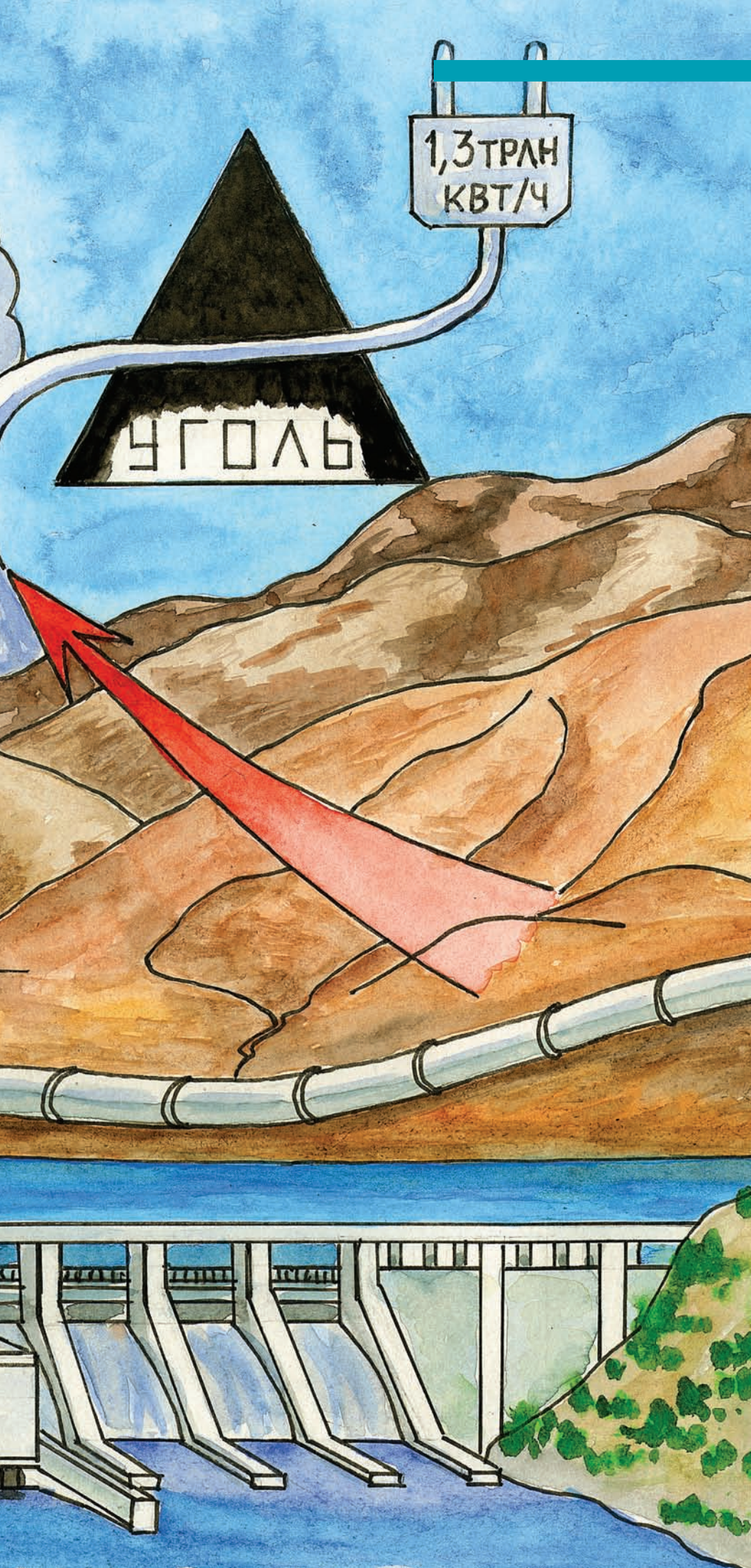
— То, что произошло в Афганистане в августе, шокировало весь мир. Но изменений в Центральной Азии очень мало. Таджикистан по-прежнему поддерживает таджиков в Афганистане. А Узбекистан и Туркменистан готовы работать с любым правительством в Афганистане, чтобы развивать свои экономические проекты. Это прежде всего газопровод ТАПИ для Туркменистана и железные дороги для Узбекистана. Казахстан не стремится активно вмешиваться в события в Афганистане. Но в то же время хочет показать, что Казахстан способен выступать в роли посредника и поэтому временно принял в Алматы миссию ООН в Афганистане. Кыргызстан интересуется судьбой этнических киргизов на северо-западе Афганистана, но тоже активности не проявляет. ■

Ресурсное благословение или сырьевое проклятие

В Европе усиливается тренд на «зеленую» энергетику, усугубляющий проблемы во взаимоотношениях с Россией, которая уже отчаялась двигать свои «Северные потоки» в сторону Старого Света. К чему в итоге вся эта борьба приведет, пока неизвестно, но, как считают отраслевые аналитики, принятый почти пятнадцать лет назад курс на диверсификацию поставок углеводородов в восточном направлении оказался довольно перспективным. По крайней мере, для Казахстана и Туркменистана — главных экспортеров углеводородного сырья в Центральноазиатском регионе.

При этом мотивация руководства стран-экспортеров изначально была проста: с одной стороны, попытаться снизить зависимость от России, а с другой — если Европа не идет к Азии, то Азия должна идти на Восток. К тому же под боком всегда был Китай с его практически неограниченными финансовыми ресурсами. Который до сих пор не торопится однозначно ответить на вопрос, стоит ли ему вообще ввязываться в эту игру с «зеленой» энергетикой. Отсюда и неоднократная корректировка сроков окончательного перехода Поднебесной к углеродной нейтральности. А потому Пекин готов принимать в свои объятия новых поставщиков и потенциальных союзников. ■

Сергей Куликов

Как грамотно закрутить потоки

Диверсификация поставок нефтегазового сырья центральноазиатскими странами-экспортерами оказалась для них выигрышной в стратегическом плане

EAST NEWS

Усиливающийся в последнее время тренд на декарбонизацию промышленного производства подтвердил правильность курса центральноазиатских республик на постепенный поворот экспортных поставок в восточном направлении. Большой плюс — наличие такого рынка, как Китай с его неограниченными финансами и желанием потреблять много и долго.

Что имеем и храним

Наибольшими запасами углеводородов в Центральной Азии — около четырех процентов мировых — обладает сегодня Казахстан. По последним данным, в стране к настоящему времени открыто около 200 нефтяных и газовых месторождений.

Если провести анализ данных из открытых источников, получится, что по

уровню доказанных запасов природного газа в Центральной Азии безусловными лидерами являются все тот же Казахстан, а также Туркменистан. По оценкам, совместный потенциал этих двух стран составляет 3,2% мировых запасов. Заметное место в регионе занимает Узбекистан — чуть более одного процента мировых запасов газа.

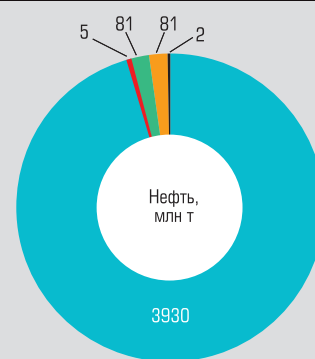
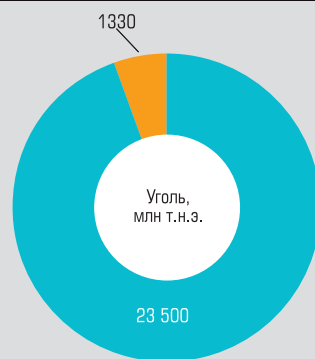
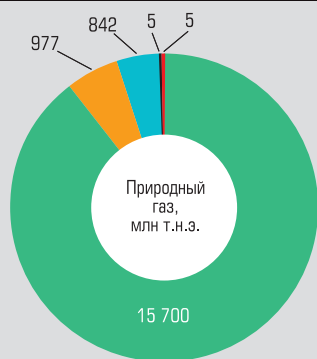
Эта страна обладает уникальными запасами топливно-энергетических ресурсов, и более 60% ее территории ориентированы на нефть и газ, где разведано более 160 перспективных месторождений углеводородов. Впрочем, последние события (снижение мировых цен, объемов добычи, санкции со стороны Соединенных Штатов, пандемия и проч.) ставят под удар многие перспективные проекты, в том числе рассчитанные на транзит углеводородов. В связи с этим многие эксперты оценивают экспортные

возможности Узбекистана как сомнительные или даже минимальные. Проблеме представляет и тот факт, что власти страны не всегда могут договариваться с потенциальными инвесторами, а без иностранной финансовой помощи вести разработку имеющихся углеводородных запасов довольно проблематично.

Разведанные запасы нефти Туркменистана составляют более 80 млн тонн. Крупнейшие из них (около 80%) сосредоточены на шельфе Каспийского моря. При этом добыча нефти и ее экспорт имеют тенденцию к росту.

Впрочем, аналитики предупреждают, что к официальной статистике, которая исходит из государственных органов, следует относиться с осторожностью. Дело в том, что некоторые из центральноазиатских стран в своих государственных отчетах показывают завышенные показатели по запасам энергоресурсов.

Доказанные запасы ископаемых видов топлива в Центральной Азии

■ Казахстан ■ Туркменистан ■ Узбекистан ■ Таджикистан ■ Кыргызстан

Источник: Специальная программа ООН для экономик Центральной Азии, Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО)

Впрочем, в лидерстве Казахстана в этом секторе мало кто сомневается. При этом главные перспективы увеличения объемов добычи нефти и газа в Казахстане связываются с принятой и реализуемой государственной программой освоения каспийского шельфа.

Тем не менее стоит отметить, что этот регион является довольно рискованным для инвестирования, поскольку на Каспии пересекаются интересы сразу нескольких стран: России, Ирана, Казахстана, Азербайджана и Туркменистана. Главная проблема в том, что интересы эти не всегда совпадают, но об этом чуть ниже.

Роль Кыргызстана и Таджикистана сводится к выполнению транзитных функций. Что, с другой стороны, повышает их роль на рынке энергоресурсов.

Куда везут три кита

В регионе уже реализованы некоторые стратегические транзитные проекты. Часть из них осуществляются при участии России. Например, Каспийский трубопроводный консорциум (КТК, соединяет западноказахстанские месторождения Тенгиз и Карачаганак с российским побережьем Черного моря), магистральный газопровод «Бухарский газодобывающий район» (Ташкент—Бишкек—Алматы), нефтепровод Омск—Павлодар—Шымкент—Чарджоу, региональный нефтепровод Баку—Новороссийск.

При этом есть маршруты, которые обходят Россию. Это, в частности, нефтепровод Баку—Тбилиси—Джейхан (БТД) и нефтепровод Баку—Супса (Грузия).

Среди основных действующих маршрутов можно отметить трубопроводы Средняя Азия — Центр (САЦ-1–4) через Россию в Европу; Прикаспийский газопровод в Россию (САЦ-3), который в перспективе будет расширен; Туркменистан—Иран (который тоже уже действует и даже расширяется); внутренний туркменский трубопровод «Восток—Запад».

Нужно упомянуть и трубопровод Туркменистан—Китай (через Узбекистан и Казахстан). Насчет этого маршрута стоит уточнить, что он включает в себя три параллельные очереди: А, В и С общей протяженностью свыше 1800 километров. Его годовая мощность — свыше 50 млрд кубометров.

Как отмечали местные аналитики, власти Узбекистана не планируют направлять свой газ исключительно в Россию, пытаясь соблюсти курс на диверсификацию поставок. Но вариантов сегодня не столь много — это или Россия, или Китай. Ранее, в 2020 году, Узбекистан продавал газ только Китаю, Кыргызстану и Таджикистану. Сейчас газ практически не идет на экспорт из-за износа оборудования, истощения разработанных месторождений и повышенного спроса на внутреннем рынке.

При этом многие эксперты полагают, что Китаю вряд ли нужны крупные объемы импорта центральноазиатского газа, так что все переговоры и меморандумы между заинтересованными сторонами заключаются скорее для создания «нужной атмосферы». Но

с помощью заявлений о грандиозных проектах по возможным поставкам КНР решает ряд взаимосвязанных политико-экономических задач. Во-первых, усиливает собственное экономическое и политическое присутствие в Центральной Азии. А во-вторых, может активнее использовать рост этих поставок в переговорах с Россией. Например, торгуясь по объемам импорта российского газа и по его ценам в КНР.

В сферах нефти и газа основная роль принадлежит трем «китам» — государственным корпорациям: Китайской национальной нефтяной корпорации (CNPC), Китайской нефтехимической корпорации (Sinopec) и Китайской офшорной нефтяной корпорации (CNOOC). Именно они и являются «тараном», продвигающим интересы Поднебесной в центральноазиатском регионе.

Ответная модернизация

В таких непростых геополитических условиях большая роль отводится руководству стран-экспортеров. И в данном случае, как отмечает большинство аналитиков, одним из ярких примеров дальновидности и прагматичности руководства является Казахстан вообще и его программа модернизации нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ), завершенная в 2018 году, в частности. Перед одним из мировых экономических кризисов власти страны успели крайне выгодно вложить накопленные ранее средства, а не просто потратить их на сомнительные проекты. Модернизация, вложения в которую оцениваются примерно в шесть миллиардов долларов, была проведена на трех основных нефтеперерабатывающих заводах — Атырауском, Павлодарском и Шымкентском. В итоге это позволило Казахстану снизить зависимость от импорта готовых нефтепродуктов из России, повысить качество собственного бензина и расширить нефтеперерабатывающие мощности.

EAST NEWS

В 2018 году совокупный объем переработки на НПЗ Казахстана вырос более чем на 10%, тогда как производство бензина увеличилось почти на 17,5%. Оптимизация ассортимента продукции НПЗ должна обеспечить покрытие внутреннего спроса.

Казахстан установил благоприятный инвестиционный климат для инвесторов, в том числе в нефтяную отрасль. Валовой приток прямых иностранных

инвестиций по состоянию на конец «доковидного» 2019 года составил 330 млрд долларов. Основные инвесторы: ЕС — 50%, США — 15%, Великобритания — 5%. Большая часть инвестиций шла в добывающую промышленность, где разрабатываются дорогостоящие проекты.

Благодаря привлечению иностранных инвестиций в Казахстане произошел рост добычи нефти до 90 млн тонн в год, которая осуществлялась на новой технологической основе. В частности, применялась технология обратной закачки газа для поддержания давления, были созданы заводы для обработки нефти и подготовки к экспорту, прекратилась практика сжигания попутного газа.

В 2020 году Казахстан сумел привлечь 17 млрд долларов прямых иностранных инвестиций в топливно-энергетическую сферу. Отметим, что у соседей аналогичные показатели оказались гораздо скромнее: в Узбекистане объемы прямых иностранных инвестиций составили 2,9 млрд, в Туркменистане — на уровне 2,2 млрд долларов.

Что и почему

Как пояснил «Эксперту» эксперт Фонда национальной энергетической безопасности (ФНЭБ), старший научный

сотрудник Финансового университета при правительстве РФ **Станислав Митрахович**, газовые запасы Туркменистана, хотя с высокой степенью вероятности они завышены местными властями, в перспективе могли бы стать объектом соперничества Китая и его конкурентов. «Пока КНР очень плотно держит под контролем газовый потенциал туркмен, но быть безоговорочным хозяином туркменских запасов у китайцев может не получиться в случае роста амбиций России, США, Турции, Ирана, — отмечает он. — Сам факт, что Россия согласилась возобновить закупки газа у Туркменистана, можно интерпретировать как способ показать Ашхабаду наличие у него потенциальной альтернативы безоговорочной зависимости от китайцев».

По мнению Станислава Митраховича, если возможности для Туркменистана целиком зависят от амбиций конкурентов Китая создать ему альтернативу как стратегическому игроку, то у Казахстана больше возможностей для самостоятельной игры. «Нур-Султан и раньше умел балансировать между Москвой, Вашингтоном и Пекином, делая постепенно все больший уклон в пользу последнего, но и не забывая проекты вроде ЕАЭС, — напоминает он. — Казахстан будет стараться искать и новых партнеров, из актуальных новостей на эту тему — сделка с инвестором из ОАЭ».

Казахстан уже начал выполнять масштабное соглашение с Объединенными Арабскими Эмиратами, которое было согласовано и подписано в ходе визита премьер-министра РК **Аскара Мамина** в ОАЭ в начале октября текущего года. По словам экспертов, на начальном этапе предполагается продать арабским инвесторам около половины (49%) акций крупнейшей энергетической компании Казахстана — «Самрук-Энерго». Впрочем, сделка по продаже пакета акций «Самрук-Энерго», принадлежащих Фонду национального благосостояния Казахстана, — это лишь один из пунктов межправительственного соглашения стоимостью свыше шести миллиардов долларов. Основным партнером Казахстана в реализации соглашения стал Суверенный фонд Абу-Даби. В рамках соглашения планируется реализовать ряд совместных проектов в области энергетики, в том числе по строительству в Казахстане солнечных, ветровых и гидроэлектростанций общей мощностью 5 ГВт.

От России же Казахстан на перспективу будет настоятельно требовать доступа к российским трубопроводным мощностям, апеллируя к задаче построения общего, и затем в потенциале еди-

ного рынка ЕАЭС, полагает **Станислав Митрахович**.

В свою очередь, директор по исследованиям компании VYGON Consulting (независимый отраслевой консультант по вопросам развития топливно-энергетического комплекса) **Мария Белова** отмечает, насколько дальновидно была выстроена политика властей главных стран-экспортеров.

«Если мы говорим о двух крупнейших рынках сбыта углеводородов — европейском и азиатском, — то главные поставщики, Казахстан и Туркменистан, сделали так называемый поворот на Восток задолго до всей этой «зеленой» истории, которая сегодня развивается в Европе, — пояснила она в беседе с «Экспертом». — Сделано это было еще лет пятнадцать назад, в рамках объявленной властями этих стран политики диверсификации экспортных потоков».

Между тем Китай, по ее словам, менее амбициозен в реализации своих планов по декарбонизации, чем ЕС. Он, например, заявил, что достигнет углеродной нейтральности не в 2050-м, а в 2060-м году. «Так что экспортерам, особенно из Центральной Азии, теперь понятно, куда стоит пустить потоки своей экспортной продукции», — говорит Мария Белова.

По ее словам, даже при самых апокалиптических сценариях снижения спроса мировой спрос на газ не упадет вплоть до 2040 года. «Европа — отдельная история, но до нуля и там показатель спроса не дойдет», — считает она.

Стоит отметить, что на протяжении как минимум последних двадцати лет центральноазиатские республики рассматривали собственные варианты транспортировки своего углеводородного сырья за рубеж. «Во-первых, у них появилась свобода действий. А во-вторых, согласитесь: азиатский рынок географически им гораздо ближе, нежели европейский», — поясняет Мария Белова. Кстати говоря, история последних десяти лет показывает, что, оказывается, выбранная ими стратегия оказалась правильной.

Идти по Каспию — вопрос рискованный и спорный, учитывая наличие разногласий между прибрежными странами. Вариант транспортировки через Иран тоже не идеален, учитывая неоднозначное отношение к этому государству и его властям в мире. «Так что, как говорится, при всем богатстве выбора другой альтернативы нет, — резюмирует Белова. — Тем более, что тут есть такой мощный партнер, как Китай, который помог построить газопровод Туркменистану, нефтепровод — Казахстану и т. д. И будет дальше помогать, в этом можно не сомневаться».

Сергей Куликов

Куда подует ветер

Для облегчения перехода к низкоуглеродной экономике у Центральной Азии есть избыточное количество возобновляемых источников энергии — остается только суметь ими воспользоваться

ВЛАДИСЛАВ ЯКУШКИН

При всех различиях в объеме энергоресурсов, страны Центральной Азии объединяет один мощный фактор — наличие огромного потенциала для создания объектов генерации на основе возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Большинство аналитиков и специалистов едины во мнении, что этот регион располагает всеми возможностями и условиями для создания устойчивой энергетической отрасли. Вопрос лишь в том, как наиболее грамотно и рационально ими распорядиться.

Видит око, да зуб неймет

Если говорить о возможностях, достаточно упомянуть тот факт, что 5,5%

мирового экономически эффективного гидроэнергетического потенциала сосредоточено всего в двух странах региона — Таджикистане и Кыргызстане. По оценкам экспертов Евразийского банка развития (ЕАБР), если этот огромный потенциал правильно использовать, то в течение лишь десяти лет можно ввести в строй около 10 ГВт мощности. Правда, на это потребуется около 15 млрд долларов без учета расходов на строительство ЛЭП большой пропускной способности и других сетевых объектов. Так что в совокупности потребуется уже 20–25 млрд долларов — понятно, что для большинства стран региона такие траты находятся за гранью реальности.

В постсоветский период Таджикистан и Кыргызстан пытались самостоятельно

решить проблему энергодефицита за счет масштабного строительства крупных гидроэнергетических объектов. Например, Кыргызстан намеревался построить новые ГЭС совокупной мощностью 5660 МВт стоимостью порядка 8 млрд долларов. Таджикистан не отставал, запланировав строительство ГЭС мощностью 5340 МВт за 9,5 млрд долларов. Впрочем, серьезного экономического обоснования эти наполеоновские планы не имели ни тогда, ни сейчас, поскольку собственных финансовых ресурсов, как и квалифицированных кадров, у этих стран нет. Вдобавок этими проектами не заинтересовались потенциальные иностранные инвесторы.

Помимо гидроэнергетики есть большой потенциал солнечной и ветровой

энергии. На территории трех стран — Казахстана, Узбекистана и Туркменистана — в среднем насчитывается 3000–3600 часов солнечной радиации в год. Если говорить о ветре, то энергетический потенциал только одних Джунгарских ворот (горного прохода в 50 километров между Джунгарским Алатау и хребтом Барлык на границе Казахстана и Китая), по предварительным оценкам, составляет около 1,3 трлн кВт·ч в год. Это чрезвычайно удобное, созданное самой природой место для использования ветровой энергии.

Несмотря на этот потенциал, ВИЭ составляют лишь малую долю ресурсов, используемых для производства электроэнергии в регионе. Как отмечают отраслевые специалисты, недостаточное внимание к развитию альтернативной энергетики как со стороны властей, так и со стороны частных структур, в первую очередь объясняется чрезмерной зависимостью от ископаемого топлива и лишь затем — техническими и финансовыми барьерами. Однако угроза окружающей среде и энергетической безопасности все же вынуждает центральноазиатские власти пересматривать свою энергетическую политику, хотя и с переменным успехом.

Как поделить воду?

По данным аналитиков, водный комплекс стран центральноазиатского региона обладает крупнейшим энергетическим потенциалом, составляющим примерно 430–460 млрд кВт·ч в год. Проблема

в том, что почти 85% водных ресурсов региона сосредоточено в Таджикистане и Кыргызстане, чьи интересы далеко не всегда совпадают с интересами соседей. Две эти страны, на территории которых расположена зона стока Амударьи и Сырдарьи, заинтересованы в энергетическом использовании водных ресурсов горных рек — основных притоков двух крупнейших рек, а сельскохозяйственное (ирригационное) использование для них второстепенно. В то же время для Казахстана, Узбекистана и Туркменистана приоритетна именно ирригация, так как эти страны активно развивают сельское хозяйство. Такой конфликт интересов неизбежно тормозит проекты строительства новых электростанций.

На сегодняшний день, согласно данным из различных источников, установленная мощность электростанций энергосистемы Центральной Азии составляет примерно 25 тыс. МВт, из них 36%, или 9000 МВт, приходится на гидроэнергетику и 64%, или 16 тыс. МВт, на теплоэнергетику. Однако реальная мощность не превышает и 20 тыс. МВт. Крупнейшие на сегодня гидроэлектростанции в системе — Нурекская ГЭС в Таджикистане и Токтогульская ГЭС в Кыргызстане — в совокупности дают всего 4200 МВт мощности.

В Советском Союзе развитие гидроэнергетики было централизованным, разделенным на производителей, потребителей и поставщиков гидроресурсов на всей территории единого государства. В республиках Средней Азии и южной

части Казахстана был создан единый интегрированный водно-энергетический комплекс, управляемый из единого центра в Узбекистане. Система позволяла удовлетворять сезонные колебания спроса на электроэнергию и потребности в воде. Так, зимой Кыргызская и Таджикская ССР накапливали воду в водохранилищах, взамен получая электроэнергию, уголь и природный газ из Казахстана, Туркмении и Узбекистана, а летом Киргизия и Таджикистан направляли воду в Узбекистан и Казахстан для ирригационного земледелия. Кроме того, Киргизия и Таджикистан поставляли соседям много сравнительно дешевой гидроэлектроэнергии.

Увы, сегодня в Центральной Азии не существует единого хозяйственного центра. Собственные интересы ныне независимые страны защищают самостоятельно, что иногда приводит к конфликтам. Например, отношения между Узбекистаном и Кыргызстаном из-за использования трех водохранилищ — Керкидана, Кемпир-Абада и Орто-Токая — давно являются источником напряженности. В частности, спор о доступе к последнему объекту неоднократно провоцировал конфликт на некоторых участках границы между двумя странами.

Кроме того, государства региона с 1990-х никак не могут найти точки соприкосновения вокруг идеи строительства Камбаратинской ГЭС-2 на реке Нарын в Кыргызстане и Рогунской ГЭС на Вахше в Таджикистане. Против строительства Камбаратинской ГЭС-2 возражал первый президент Узбекистана **Ислам Каримов**, который полагал, что эта электростанция может снизить урожай в стране. Станцию так и не построили, причем по другой причине — из-за сложностей с выкупом земли. Территорию, предназначенную для возведения плотины и затопления, скупил отдельные граждане, выставив за нее завышенную цену. Проект, стоимость которого оценивалась примерно в 730 млн долларов, изначально должны были реализовывать специалисты российских компаний «Русгидро» и «Интер РАО ЕЭС». Предполагалось, что новая ГЭС восполнит дефицит электроэнергии в Кыргызстане и позволит перестать импортировать ее из Казахстана и Таджикистана. Но на деле киргизские власти в качестве компенсации выплатили российским партнерам около 40 млн долларов, потраченных на ранее проведенные работы, и забыли про существование проекта.

Мощность другого крупного советского проекта, Рогунской ГЭС, должна была, по замыслу конструкторов, составить 3,6 ГВт в год. Эта ГЭС претендовала на то, чтобы стать не только крупнейшей в

По сообщениям министерства финансов Таджикистана, правительство намерено получить кредиты для достройки Рогуна в размере 340 млн евро от европейских банков — Credit Suisse (Швейцария) и Landesbank Baden-Wuerttemberg (Германия). На фото — президент Таджикистана Эмомали Рахмон

Водные ресурсы бассейна Аральского моря

Центральной Азии, но и самой высокой в мире: ее каменно-насыпная плотина в проекте достигала 335 метров. Но на данный момент проект находится в замороженном состоянии, так как нарушать баланс интересов в регионе не хочет ни Россия, ни любая другая из заинтересованных сторон.

Вода, солнце и ветер есть, были бы деньги

Интерес к проблеме внедрения ВИЭ в центральноазиатских странах проявляется на высшем уровне. Например, в мае 2017 года президент Узбекистана **Шавкат Мирзиёев** инициировал государственную программу развития возобновляемой энергетики и повышения энергоэффективности. По заверениям представителя компании «Узбекэнерго» **Музаффера Мухитдинова**, в результате выполнения программы доля ВИЭ в Узбекистане возрастет с 12,7 до 19,7% к 2025 году. По мнению аналитиков, Узбекистан имеет хорошие шансы в деле развития ВИЭ, особенно учитывая тот факт, что страна богата солнечной энергией, потенциал которой составляет 98,5% всех ВИЭ в стране.

В Кыргызстане сегодня уже 94% всей энергии вырабатывается за счет ГЭС. Кроме того, в стране принят закон о ВИЭ. В Туркменистане также ведется активная законодательная деятельность в сфере альтернативных источников энергии. Принята программа энергосбережения на 2018–2024 годы, которая предусматривает внедрение ВИЭ и подготовку соответствующего закона. Особый упор делается на солнечную энергетику и газ. К настоящему времени все основные объекты в стране перешли на газ. При этом туркменские власти все еще с опаской относятся к масштабному внедрению ВИЭ, считая это направление нерентабельным и допустимым только в маленьких масштабах в труднодоступных местах на уровне домохозяйств.

По мнению ассистент-профессора Университета имени шейха Заеда (ОАЭ) **Фархода Аминжонова**, основная проблема с развитием ВИЭ в странах Центральной Азии заключается, скорее, в отсутствии необходимых финансовых ресурсов, чем в нежелании этим заниматься. Кроме того, в Казахстане цена на уголь ниже цен на газ. «Таджикистан мог бы быть восьмым в мире по произ-

водству электроэнергии — его гидроэнергетический потенциал оценивается в 527 млрд кВт·ч в год, однако сейчас страна способна в среднем выработать не больше 16,5 млрд кВт·ч», — отмечает он в своем докладе о ВИЭ в Центральной Азии.

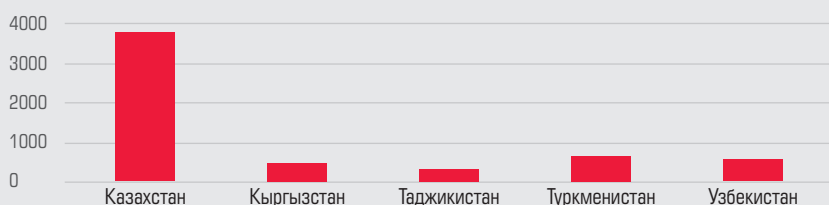
Проекты, несомненно, есть, но средств на их реализацию пока не хватает. Например, представители ОАЭ заявляли о готовности финансировать строительство солнечной электростанции мощностью 100 МВт в Навоийской области Узбекистана стоимостью около 100 млн долларов. Но пока сведений о том, насколько далеко продвинулась реализация проекта, нет. Узбекистан также планирует возобновить полноценную работу единого энергетического кольца в Центральной Азии за счет подключения к нему Таджикистана, а затем и Туркменистана. Но фактического подтверждения, что работы начаты или хотя бы запланированы, опять-таки нет.

Узбекистан декларирует готовность сотрудничества с инвесторами по проектам ВИЭ. Например, согласно официальным данным, власти страны планируют направить на развитие различных

Потенциал солнечной энергетики в Центральной Азии

Технический потенциал солнечной энергетики (ГВт)

Источник: Глобальный атлас солнечной энергии. Обзор возобновляемых источников энергии в Центральной Азии (ПРООН)

проектов в гидро-, солнечной и ветровой энергетике свыше 300 млрд сумов (более 80 млн долларов) собственных средств до 2025 года. Зато от зарубежных источников планируется привлечь свыше 20 трлн сумов (5,3 млрд долларов) — при таком соотношении собственного финансирования и средств, которые еще нужно привлечь, очередь инвесторов едва ли выстроится.

В Туркменистане проблема еще нагляднее — там нет острой необходимости в развитии ВИЭ из-за налаженной системы газовых электростанций. В Кыргызстане и Таджикистане приоритет пока отдается крупным ГЭС, которые обеспечивают 98% производимого электричества, а проекты малых ГЭС, имеющие огромный потенциал развития, пробуксовывают.

Казахстан на шаг впереди

За исключением Казахстана ни одна другая страна Центральной Азии не достигла заметного прогресса во внедрении возобновляемой энергии в свои энергетические системы. Прогнозы IHS Markit по потреблению первичных энергоресурсов в Казахстане до 2050 года предполагают снижение доли угля с 55,6% в 2020 году до 37% в 2050-м, тогда как доля газа вырастет с 23,8% в 2020 года до 30,6% в 2050-м. Государство стремится увеличить долю ВИЭ до 50% к 2050 году со следующей разбивкой: 39% — солнечная и ветровая энергия, 14% — атом-

При всех различиях в объеме энергоресурсов, страны Центральной Азии объединяет один мощный фактор — наличие огромного потенциала для создания объектов генерации на основе возобновляемых источников энергии (ВИЭ)

ная и гидроэнергетика, 16% — газовые ТЭЦ, 31% — угольные ТЭЦ. Разумеется, на это потребуются немалые ресурсы. В достижение поставленных целей правительство должно будет инвестировать не менее 1% ВВП, или 34 млрд долларов ежегодно.

«Декарбонизация несет с собой множество вызовов, но также предлагает и ряд возможностей для диверсификации экономики, — говорит Дена Шолк, директор по Казахстану IHS Markit. — Переход к низкоуглеродной экономике потребует увеличения использования некоторых критически важных минералов. В Казахстане имеются 70 из 99 элементов таблицы Менделеева, и страна может сыграть важную роль в поставках этих критически важных минералов».

В 2014–2020 годах в сектор ВИЭ уже было вложено 1,5 млрд долларов. Если в 2015 году мощность объектов ВИЭ составляла 240 МВт, то в 2020 году она увеличилась почти в семь раз — до 1635 МВт. На начало 2021 года в стране действовало 115 объектов ВИЭ: 43 солнечных и 29 ветряных электростанций, 38 ГЭС и пять объектов биогаза. В итоге в прошлом году в Казахстане доля ВИЭ в производстве электроэнергии достигла 3%.

Между тем финансовые трудности, вызванные мировой конъюнктурой, с которыми недавно начала сталкиваться страна, могут замедлить процесс перехода, предупреждают аналитики. Если властям не удастся привлечь все заинтересованные стороны, включая частный сектор и население, достижение поставленных целей будет весьма проблематичным.

«Казахстан очень богат на дешевое, но экологически грязное ископаемое топливо — уголь, запасы которого составляют 33,6 миллиарда тонн, или почти четыре процента от мировых, — отмечает Фарход Аминжонов. — При нынешнем уровне потребления угля стране хватит на 250 лет». В то же время, по словам эксперта, чрезмерная зависимость от угля делает энергетический сектор Казахстана экологически ущербным. Подписав Парижское климатическое соглашение одной из первых в мире, страна взяла на себя обязательство снизить выбросы CO₂ к 2030 году на 15% по сравнению с 1990 годом.

По мнению аналитиков компании «ВТБ Капитал-Инвестиции», дальнейшему развитию возобновляемой энергетики Казахстана может помочь ее сосед — Россия. За счет одной из самых низких цен на ВИЭ в мире Россия может и должна стать региональным экспортером новых технологий как в ветровом, так и в солнечном сегменте в Казахстан и другие страны Центральной Азии. ■

Сергей Куликов

«Лидер — Казахстан, Узбекистан идет следующим»

Сечкин Костем, доцент факультета международных отношений Университета Билкент, Турция

Недавно вы стали соавтором книги «Евразийский поворот Турции». Как сейчас строится взаимодействие Турции со странами Центральной Азии?

— Объем торгового и инвестиционного сотрудничества Турции со странами Центральной Азии остается небольшим, и вряд ли это в обозримой перспективе изменится. В торговой сфере исторически основным рынком для Турции является Европа, где потребители обладают высокой покупательной способностью. Что же касается прямых инвестиций в страны региона, то они прежде всего идут в строительный сектор.

Также в межправительственном формате действует Организация тюркских государств, в рамках которой обсуждаются практические вопросы сотрудничества, включая вопросы логистики, развития туризма и взаимодействия по дипломатическим каналам.

— *Насколько эффективно, по вашему мнению, проводились реформы в Центральной Азии?*

— Мне кажется, сейчас наступило понимание того, что модернизация в Центральной Азии будет проходить иначе, чем в других регионах мира. Любая программа реформ или модернизации должна проходить постепенно, а не как «шоковая терапия» в России 1990-х годов.

Что же касается реформ в отдельных странах, то очевидно, что лидер — Казахстан. Узбекистан идет следующим. Недавно в стране началась реализация программы экономической модернизации при активной поддержке Всемирного банка, Банка азиатского развития и банков Китая.

— *Учитывая текущую глобальную повестку дня, декарбонизация является важным элементом любой модернизационной повестки. Как вы оцениваете усилия Центральной Азии в этом отношении?*

— Казахстан реализует Рамочную стратегию по возобновляемым источникам энергии (KazREF и KazREF II), которая получает финансовую поддержку от ЕБРР. Она полностью соответствует

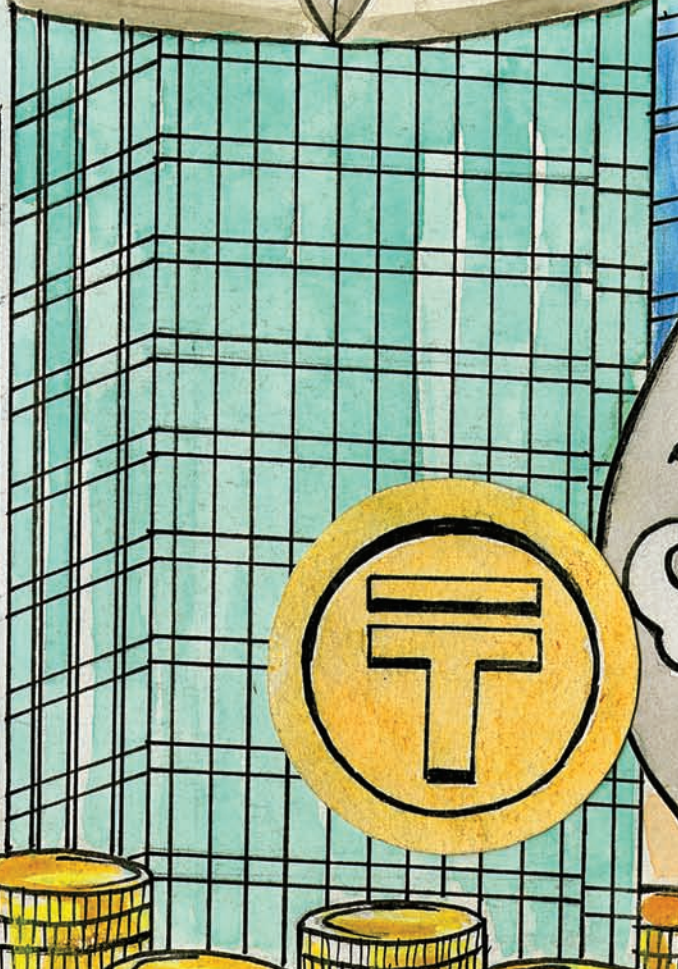
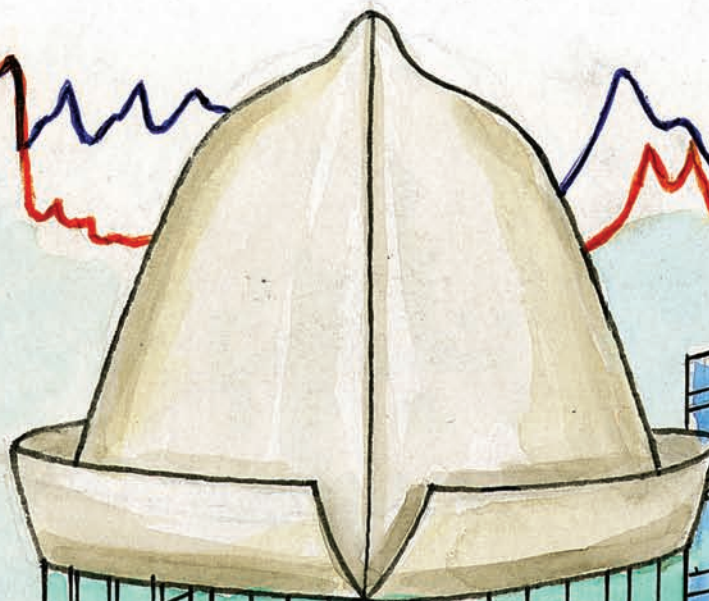
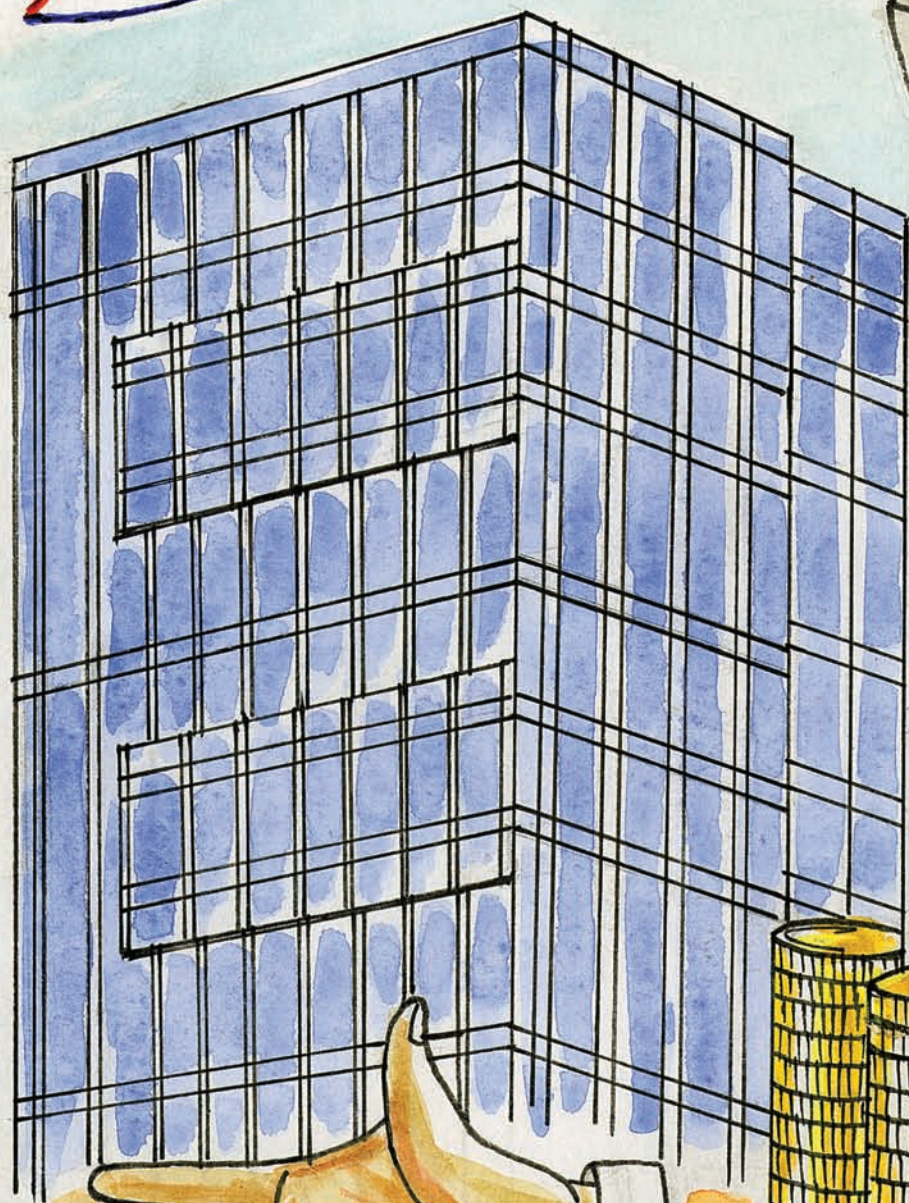
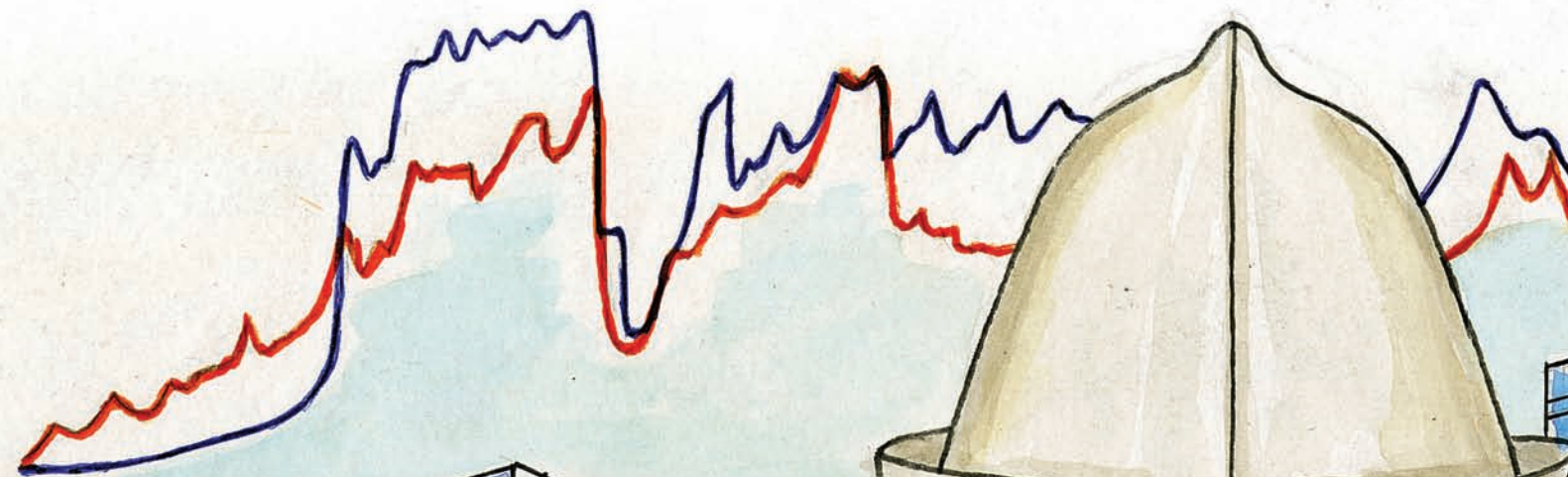

из личного архива

Модернизация в Центральной Азии будет проходить иначе, чем в других регионах мира. Любая программа реформ или модернизации должна проходить постепенно, а не как «шоковая терапия» в России 1990-х годов. Что же касается реформ в отдельных странах, то очевидно, что лидер — Казахстан. Узбекистан идет следующим

повестке Всемирного климатического саммита (COP26) и тем обязательствам, которые в этом контексте взяла на себя страна. Узбекистан принял Национальную стратегию низкоуглеродного развития. Также многие инвесторы, как за-

падные, так и китайские, теперь делают большой акцент на «зеленые» аспекты своих проектов. Так что все больше проектов в Центральной Азии будут реализовываться исходя из более жестких экологических требований.

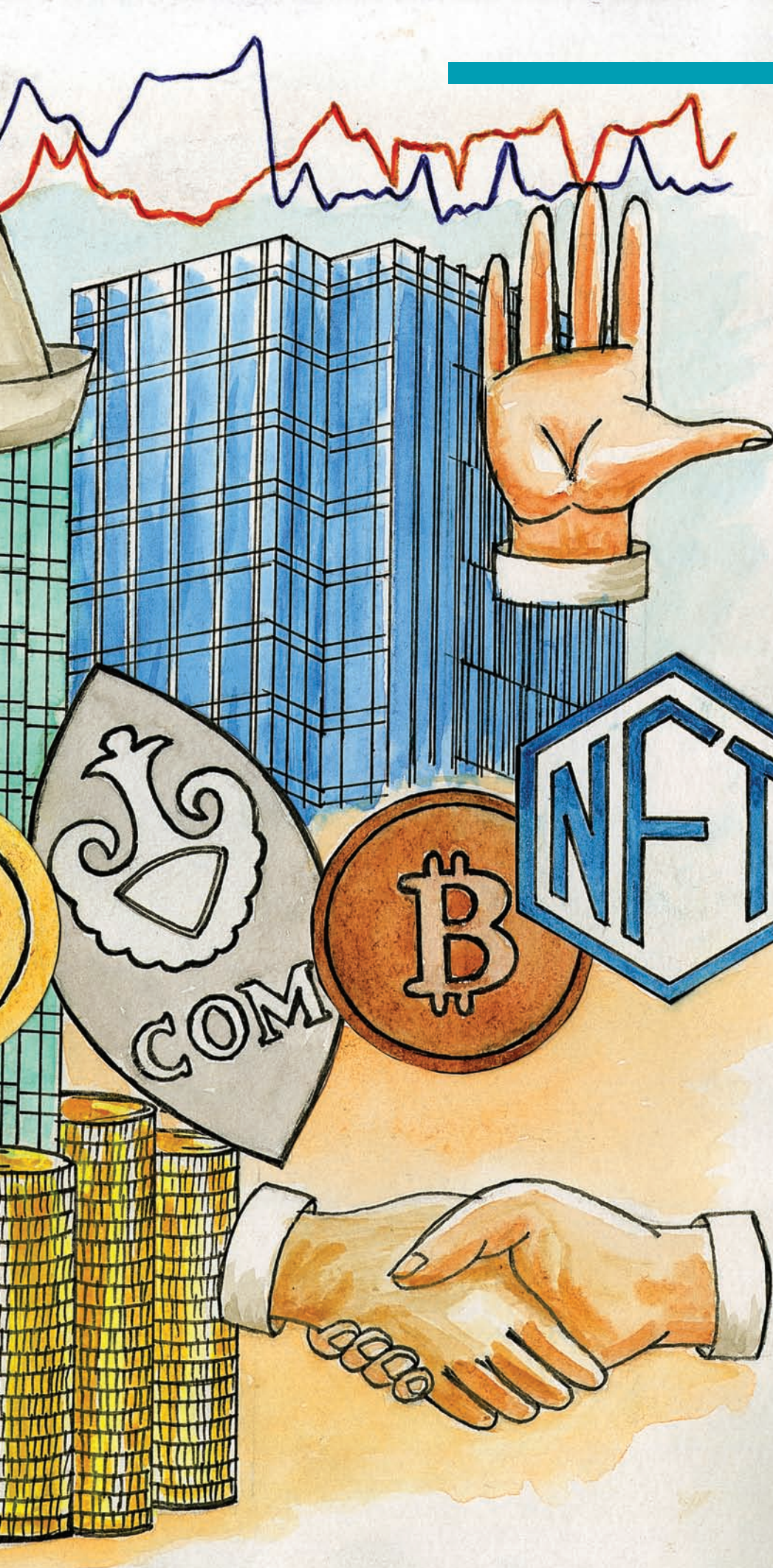
SO 'M

В поисках финансовой стабилизации

С точки зрения инвестора Центральная Азия — чрезвычайно неоднородный регион. Есть высококоразвитый Казахстан с современной финансовой и правовой системой, низким уровнем госдолга и отлаженной системой госуправления, позволившими инвесторам из разных стран уже давно и комфортно работать в стране. С недавних пор его привлекательность усилилась благодаря Международному финансовому центру «Астана».

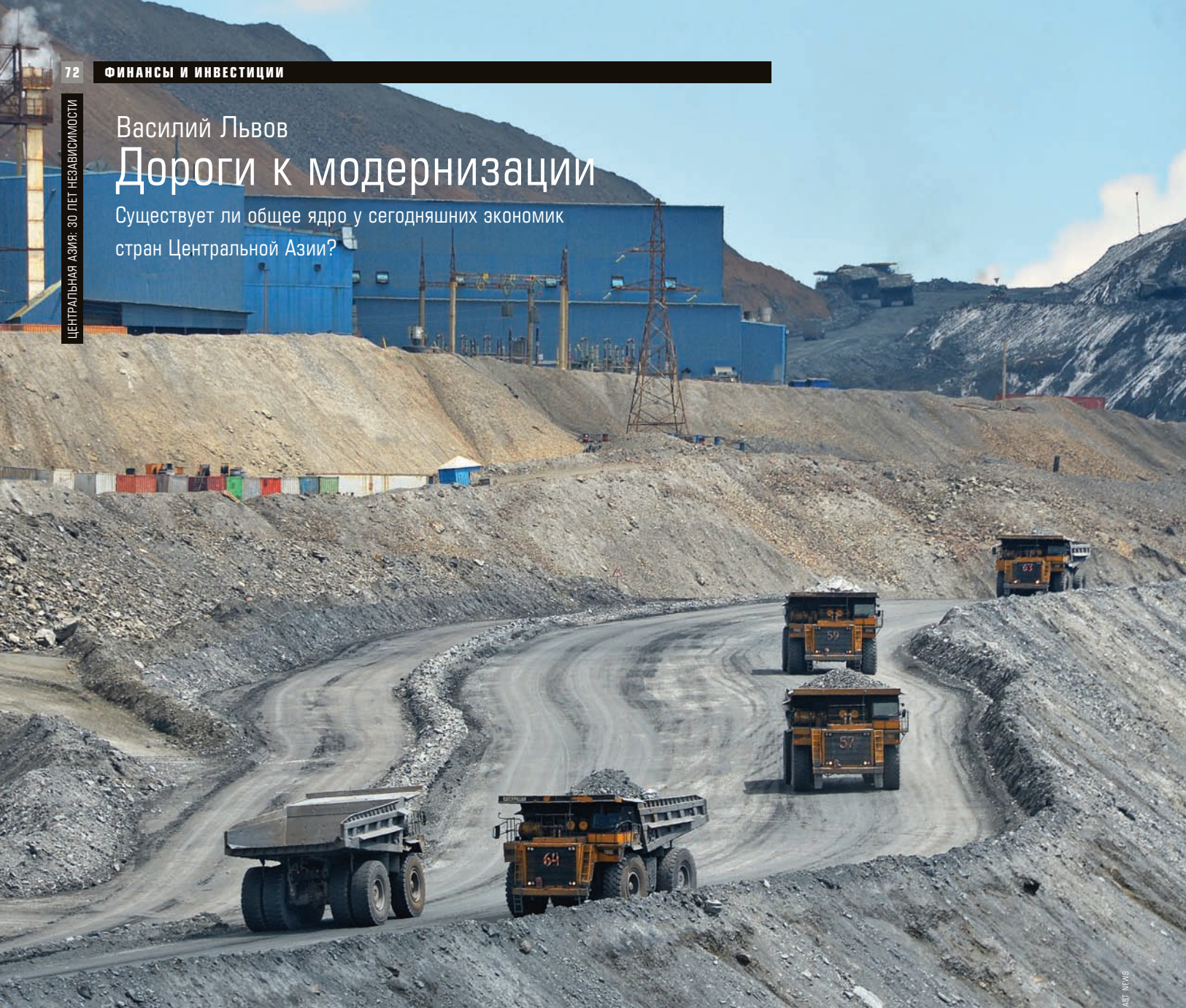
Впрочем, именно потому, что Казахстан издавна привлекателен для инвесторов, конкуренция на его рынке велика, а рабочая сила недешева — ведь уровень жизни там в несколько раз выше, чем у соседей. Есть Узбекистан — страна, начавшая проводить реформы с сильным опозданием, всего несколько лет назад, с быстро увеличивающимся населением и дешевой рабочей силой. Кыргызстан — бедная страна со слабым государством, чья репутация подорвана политической нестабильностью, а экономика базируется прежде всего на добыче золота. Таджикистан — самая бедная из стран региона, в чьей экономике доминируют аграрный сектор и малый бизнес, к тому же граничащая с нестабильным Афганистаном, но политически стабильная и быстроразвивающаяся. Таинственный, закрытый для внешнего мира Туркменистан, о котором часто нет достоверной информации и куда иностранные инвестиции возможны лишь на основе политических связей высокого уровня. Страны с совершенно разным уровнем развития финансовой и банковской системы. В Туркменистане и Таджикистане фактически нет работающих фондовых бирж, в Кыргызстане и Узбекистане они имеют локальный характер, а Казахстан уже завоевывает авторитет как международный финансовый центр, предоставляющий бизнесу условия мирового уровня для работы во всем Евразийском регионе. Очень разный регион, который сегодня пришел в движение и меняется на глазах. ■

Василий Львов

Дороги к модернизации

Существует ли общее ядро у современных экономик стран Центральной Азии?

EAST NEWS

Центральноазиатский регион нельзя назвать однородным в экономическом отношении. Пять образующих его стран прошли свой путь и сегодня находятся на довольно разных уровнях развития, однако между ними есть и общие черты. Например, обрабатывающая промышленность в том виде, как она досталась в наследство от Советского Союза, во всех пяти странах в значительной степени прекратила свое существование из-за отсутствия рынков сбыта и дефицита квалифицированных кадров. Такое развитие событий открывало для региона безрадостную перспективу возвращения к аграрной экономике — если бы не его богатые природные ресурсы. Правда, они распределены между пятью странами весьма неравномерно. С одной стороны, есть исключительно богатые топливными полезными ископаемыми Туркмени-

стан и Казахстан, с другой — ресурсно бедные Таджикистан и Кыргызстан, в чьих недрах, впрочем, скрывается чуть ли не вся таблица Менделеева, однако для извлечения этих богатств требуются огромные инвестиции. Узбекистан находится где-то посередине: страна отнюдь не обделена минеральной базой, но ее население слишком велико, чтобы добывающий сектор мог решить все задачи развития.

Тем не менее за последние два-три десятилетия большинству стран Центральной Азии удалось достаточно активно развивать добывающую промышленность и построить предприятия по переработке сырья, как ископаемого, так и сельскохозяйственного. Значительная часть новых промышленных проектов реализуется за счет иностранных инвестиций, которые вливаются в центральноазиатский регион в том числе и потому, что он выгодно расположен

между Россией и Китаем. Все пять стран Центральной Азии не имеют выхода к океану, поэтому их объединяет общее стремление участвовать в евразийских сухопутных маршрутах.

Расходящиеся пути региональной экономики

Разный уровень ресурсной обеспеченности во многом и предопределил экономические траектории стран Центральной Азии, хотя вторым значимым фактором, безусловно, оказалась готовность местных элит к прогрессивной экономической политике.

Казахстан, успешно осуществивший экономические реформы и рано открывшийся для зарубежных инвестиций, смог стать на путь ускоренного развития и как минимум частично снизить зависимость от «ресурсного проклятия», хотя нефть и газ по-прежнему остаются ядром экономики страны. Тем не менее

Оценка ситуации за год

Сергей Домнин, экономический обозреватель (Казахстан):

— В краткосрочной перспективе (ближайшие 12 месяцев) ситуация и в регионе в целом, и в Казахстане видится неплохой. Во всех странах Центральной Азии, если верить последнему прогнозу МВФ, ожидается восстановительный рост. Другое дело, что не во всех странах он перекроет спад ВВП по итогам 2020 года. Наиболее слабую динамику покажет Кыргызстан, экономика которого в 2021 году вырастет на 2,1% после спада на 8,6% годом ранее. В 2022 году экономика Кыргызстана ускорится до 5,6%. В Таджикистане, где также прогнозируется позитивная динамика ВВП, ожидается рост на 5,0% после роста на 4,5% годом ранее. В 2022-м Таджикистан покажет рост на 4,5%. В Узбекистане ВВП вырастет на 6,1% после роста на 1,7% в 2020 году. В следующем году ВВП страны вырастет на 5,4%.

В Казахстане по итогам 2021 года ожидается рост на 3,3%. Это значит, что в этом году рост полностью перекроет прошлогодний спад (на 2,6%). В 2022 году экономика РК вырастет на 3,9%. Экономика Казахстана будет расти на фоне улучшения ситуации в горнодобывающем секторе, который в первые месяцы осени-2021 вышел на позитивные темпы роста в годовом выражении (+3,8% в сентябре, притом что -0,8% за январь—сентябрь), если говорить о месячных показателях без накопления. Улучшение обстановки наблюдается и по темпам выпуска, и по динамике инвестиций в основной капитал, и показателям экспорта. Отчасти это эффект низкой базы минувшего года, но также и восстановления цен на углеводороды, уголь и металлы. Обрабатывающий сектор продолжает расширяться (+5,7% в январе—сентябре 2021 года) благодаря равномерному росту, который на фоне реализации государственных программ развития распространился на все секторы, кроме цветной

металлургии. Высокая динамика наблюдается в импортозамещающих отраслях — машиностроении (прежде всего автомобилестроении) и фармацевтической промышленности. Сохраняется рост в отраслях, где у РК есть сравнительные преимущества благодаря развитой сырьевой базе, — пищепроме и нефтепереработке. В строительстве также наблюдается близкий к двузначному рост (+9,7%), который обеспечивают государственные программы поддержки ипотеки и жилищного строительства. Если говорить о неторгуемых отраслях, то очень заметный рост идет в торговле (+9,3%) — она практически полностью восстановилась. Не до конца восстановился транспортный сектор, хотя показатели вышли в зону позитивных значений (+0,1%), при этом восстановление очень оживленно идет в железнодорожных перевозках и авиаперевозках. Очень высокую динамику демонстрирует сектор связи — 13,0%. Рост продолжится на фоне цифровой трансформации,

из личного архива

которую проходят казахстанские предприятия и домохозяйства. Сдерживающим фактором могут быть проблемы в энергосистеме, связанные с вводом значимых по меркам энергосистем мощностей майнеров криптовалют. Эта проблема будет актуальна для всей экономики, но наименее чувствительной она будет для металлургов, у которых есть собственная мощность (так называемая связанная генерация), а наиболее — для МСБ в производственном секторе и сферы услуг. Еще одна проблема — рост потребительских цен и возникновение дефицитов из-за разрыва цепочек поставок при растущем внутреннем спросе, который происходит на фоне увеличения реальных доходов населения. ■

среди стран СНГ Казахстан уже занимает второе место после России по уровню ВВП на душу населения, опередив Украину, которая на момент распада СССР находилась в куда более выгодном положении. С другой стороны, перед нами есть пример Туркменистана — одной из самых богатых природным газом стран мира. Однако доходы от экспорта газа так и не удалось направить на модернизационные проекты, которые способствовали бы как диверсификации экономики страны, так и повышению благосостояния ее граждан. За фасадом строительных мегапроектов в Ашхабаде и новых фешенебельных курортов на Каспии скрывается хроническая бедность основной массы населения.

Нынешнее экономическое положение Кыргызстана и Таджикистана, в общем, не удивляет — экономических чудес от этих стран ждать не приходилось. Таджикистан до сих пор во многом не преодолел последствия гражданской войны 1990-х годов, а его ресурсная бедность лишь усугубляется быстрым ростом населения. Кыргызстан же погряз в политической нестабильности — за последние полтора десятилетия в стране произошли три революции.

Уровень жизни Узбекистана тоже не самый высокий даже по меркам региона, однако с приходом к власти в 2016

году **Шавката Мирзиёева** в стране начались активные экономические реформы, которые либо забуксовали, либо вовсе не предпринимались в Туркменистане, Таджикистане и Кыргызстане. Сегодня Узбекистан пытается догнать по уровню жизни и развития экономики Казахстан, но при этом еще долго будут сохраняться и черты сходства с более бедными соседями — Таджикистаном и Кыргызстаном. Как и в этих двух странах, в Узбекистане идет быстрый рост населения, что порождает избыточные трудовые ресурсы и обильные миграционные потоки. По неофициальным данным, безработица достигает 30% от экономически активного населения Узбекистана.

Диверсификация с переменными успехами

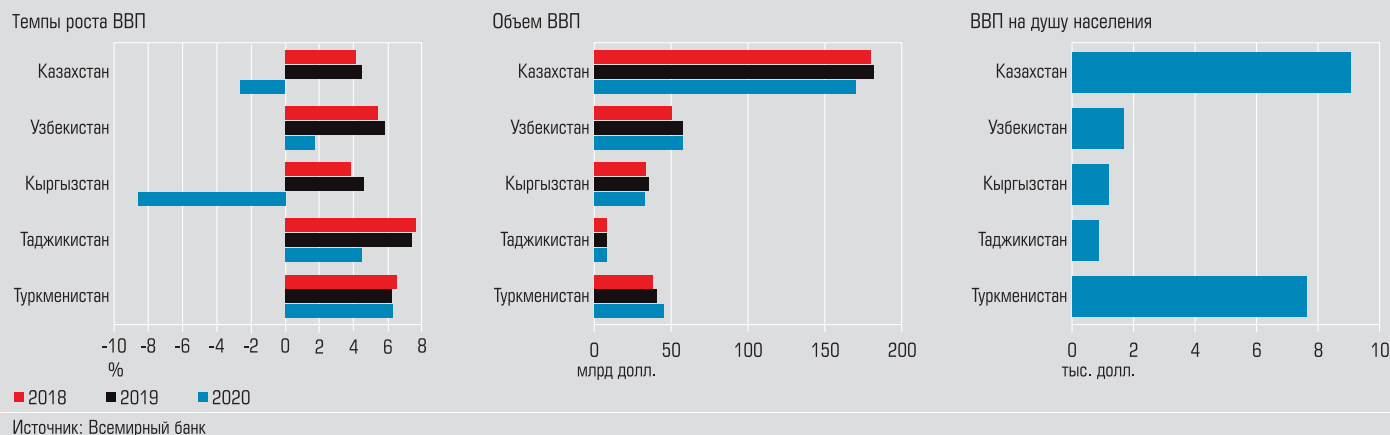
По данным Boston Consulting Group, совокупный потенциал привлечения прямых иностранных инвестиций в регион достигает 170 млрд долларов, из которых 100 млрд (59%) приходится на Казахстан. Это закономерное отражение того курса, который страна проводит с первых лет независимости, сделав ставку на международный капитал и развитие финансовых рынков.

Основная часть иностранных инвестиций в Казахстан по-прежнему

приходится на нефтяную индустрию. В этой отрасли страна изначально ориентировалась на привлечение ведущих международных компаний. Еще в 1993 году в рамках соглашения о создании Международного консорциума для проведения геологоразведочных работ на казахстанском шельфе Каспия в Казахстан были привлечены такие нефтяные гиганты, как британская компания BP, норвежская Statoil (ныне Equinor), французская Total, англо-нидерландская Shell и другие игроки. Кроме того, Казахстан целенаправленно стал развивать современный финансовый сектор. Уникальным по меркам региона экспериментом стало создание Международного финансового центра «Астана», обладающего особой юрисдикцией на основе английского права.

Узбекистан, вторая по размеру экономика региона, хотя и ощутило меньшая в сравнении с Казахстаном, сегодня также весьма интересуется иностранными инвесторами. Этому способствовало устранение таких барьеров, как отсутствие единого курса валюты, наличие выездных виз, бюрократическое давление, ощущаемое даже в быту, и неправомерные действия полиции в отношении иностранных туристов. «Макроэкономическое положение Узбекистана в целом я бы охарактеризовал

Основные макроэкономические показатели стран Центральной Азии

как стабильное. По различным оценкам, текущий прогноз роста экономики страны на 2021 год оценивается на уровне выше 6%. Впрочем, макроэкономические показатели нуждаются в улучшении», — считает старший менеджер практики консалтинга Ernst & Young в Узбекистане **Аскар Обидов**. В дополнение к своей традиционной отрасли — производству хлопка — Узбекистан в последние два-три десятилетия создал довольно мощную горнодобывающую промышленность на основе добычи природного газа, золота, урана и меди, добившись высоких темпов роста промышленного производства. Но самым быстроразвивающимся сектором узбекской экономики в последние несколько лет стало строительство. В 2020 году прирост в этой отрасли составил 9%, хотя подпитывающие бум девелопмента дешевые деньги от международных финансовых организаций, возможно, закладывают предпосылки для будущего экономического кризиса. При существующем уровне доходов населения в стране может просто не найтись достаточного количества кредитоспособных граждан и компаний, чтобы купить все уже построенное. «Несмотря на то что Узбекистан нередко называют «новым среднеазиатским тигром», существует ряд объективных проблем, препятствующих более динамичному развитию экономики. Одна из них — инфляция», — говорит управляющий директор по развитию бизнеса группы компаний Aravana Capital Management **Лана Аветисян**. В сентябре 2021 года, по данным узбекского госкомитета по статистике, уровень инфляции в потребительском секторе в годовом исчислении был зафиксирован на уровне 10,8%. Для сравнения: Нацбанк Казахстана ожидает инфляцию в 2021 году в коридоре 7,5–8,5%.

Кыргызстан являет собой типичный пример слабодиверсифицированной

экономики. Около половины ВВП страны приходится на промышленное производство, однако примерно на 60% вклад промышленности формирует всего одна отрасль — золотодобыча, которая прежде всего ведется на месторождении Кумтор. Это обстоятельство не только ставит экономику в зависимость от мировых цен на золото, но и подпитывает теневой сектор — нелегальная добыча золота давно стала распространенным народным промыслом. Кроме того, затяжной конфликт правительства Кыргызстана и иностранных акционеров Кумтора серьезно подорвал доверие инвесторов к стране. Начатые еще при первом президенте **Аскаре Акаеве** либеральные реформы возобновлялись при его преемниках, но так и не были доведены до конца, а в 2020 году экономика Кыргызстана сильнее, чем другие страны региона, пострадала от коронавируса.

Таджикистан — самая бедная из стран Центральной Азии, которая, тем не менее, сегодня демонстрирует высокие темпы роста. Благодаря российским инвестициям сооружаются новые электростанции — гидроэнергетический потенциал Таджикистана остается ключевым для его экономики. Правительство страны пытается проводить реформы, развивать туризм и промышленность. Но не стоит забывать, что экономика Таджикистана растет от очень низкой базы — в 1990-х годах страна была полностью разорена гражданской войной.

Наконец, Туркменистан с его четвертыми в мире запасами газа пытается диверсифицировать свою экономику в предсказуемом направлении, развивая переработку углеводородов. Например, в 2018 году госконцерном «Туркменгаз» при участии консорциума южнокорейских и японских компаний был запущен газохимический комплекс с объемом переработки 5 млрд кубометров газа в год, в его строительство было инвестировано 3,4 млрд долларов. Если верить

официальной статистике, то экономика Туркменистана не знает спадов и кризисов и в последние годы постоянно растет высокими темпами — более 6% в год, причем на них не влияет и пандемия (впрочем, никакой коронавирусной статистики по Туркменистану, как легко догадаться, нет). Туркменский экономист **Юрий Аронский** объясняет бескризисное развитие страны тем, что в экономике все последние десятилетия постоянно поддерживалась высокая доля инвестиций в валовом продукте. Это наряду с десятками тысяч новых рабочих мест позволяло существенно наращивать объемы выпускаемой продукции. Создавая современные высокотехнологичные производства, страна начала перерабатывать большую часть сырья (нефть, газ, хлопок и другие ресурсы) в конечные экспортные продукты, которые стоят на мировом рынке в разы дороже, чем само сырье, поясняет эксперт. Однако реальное положение дел в туркменской экономике, похоже, не столь оптимистично. Независимые СМИ сообщают, что коммунальные услуги в Туркменистане уже более двух лет как перестали быть бесплатными, а за базовыми продуктами питания в городах с раннего утра начинают скапливаться огромные очереди. Причиной этого называется снижение цен на газ в 2014–2020 годах и высокие долги страны перед Ираном и Китаем — главным покупателем туркменского голубого топлива.

Таким образом, страны Центральной Азии решают задачи модернизации своих экономик разными путями и на разных скоростях. Как показала практика Казахстана, в регионе вполне можно выстроить современную диверсифицированную экономику на сырьевой базе. Однако тем странам, которые не имеют значительных природных ресурсов или же эти ресурсы используются неэффективно, мечтать об экономическом чуде явно не приходится. ■

Иван Николаев

Центробанки против инфляции: неравная борьба

Монетарная политика пока приводит к желаемым результатам не во всех странах Центральной Азии

Р

азличные успехи центральных банков региона в таргетировании инфляции определяются такими факторами, как динамика платежного баланса, смелость в увеличении внешнего долга и склонность запускать печатный станок для поддержки бюджета. Однако ни одной из пяти стран, за исключением Туркменистана (по которому, как обычно, нет убедительных данных), не удалось избежать последовавшего за пандемией эко-

номического кризиса, который вызвал падение курсов национальных валют и всплеск инфляции. Главная ее причина — рост цен на продовольствие — является общей для всех стран Центральной Азии. Как и многие другие центробанки в период пандемии, финансовые регуляторы центральноазиатских республик столкнулись с проблемой стагфляции, то есть одновременно с увеличением инфляции падали темпы роста ВВП, что не позволяет им стимулировать экономику резким снижением учетных ставок.

Казахстан

Национальный банк Казахстана перешел к режиму инфляционного таргетирования в 2015 году, после того как полтора годами ранее тенге пережил очередную девальвацию из-за падения мировых цен на нефть. «Дедолларизация экономики и переход на инфляционное таргетирование должны стать составляющими новой экономической политики “Нурлы жол” [“Светлый путь”]», — заявил тогда **Нурсултан Назарбаев**.

«Разделение существовавшего в Казахстане мегарегулятора на два ведомства — Национальный банк и Агентство по регулированию и развитию финансового рынка — устранило существовавший конфликт интересов, позволив Нацбанку сосредоточиться на обеспечении стабильности цен, — считает советник департамента финансовой политики ЕЭК **Султан Бижанов**. — Заложенный в программных документах целевой ориентир инфляции с 2023 года обозначен на уровне 4–5%, а с 2025 года — 3–4%, что на момент составления этих документов согласовывалось с целевыми показателями инфляции стран — торговых партнеров и глобальным трендом на снижение инфляции».

Тем не менее пандемия усилила инфляционные риски, и к концу 2020 года уровень инфляции вышел за пределы коридора. Генеральный директор Центра исследований прикладной экономики (AERC Beta LLP) и автор телеграм-канала **Tengenomika Галымжан Айтказин** считает, что Казахстан столкнулся с феноменом импортируемой инфляции: в России, которая обеспечивает более 30% импорта страны, инфляция тоже растет, выходя за рамки таргета Центробанка. Кроме того, свою лепту вносит волатильность мировых цен на энергоносители.

«Экономика Казахстана ориентирована на сырьевой экспорт: как следствие, многие, порой базовые и технически несложные товары в страну импортируются, — констатирует Султан Бижанов. — Разумеется, экономика Казахстана чувствительна к внешним, глобальным шокам, поэтому срабатывает эффект их переноса на внутренние цены. Экономическая ситуация в ключевых странах-партнерах также оказывает влияние на инфляцию. В частности, динамика курса российского рубля воздействует на экономику Казахстана через торговый баланс, валютный рынок и инфляционные процессы. Когда тенге ослабевает по отношению к рублю, возникает дополнительное инфляционное давление на экономику Казахстана с учетом вероятности реализации геополитических рисков в отношении России. При обратной ситуации, то есть когда тенге укрепляется к рублю, растет импорт из России и, как следствие, биржевой и розничный спрос на российские рубли». При этом стоит отметить, что, хотя российская валюта, безусловно, оказывает влияние на тенге, поскольку Россия является одним из ключевых торговых партнеров Казахстана, однако прямой корреляции курса тенге с курсом рубля нет — по факту с начала 2021 года рубль ослаб на 21% по отношению к доллару США, а тенге на 11,4%. При этом курс

казахстанской валюты по отношению к российской варьировался от 5,3 до 6,2 тенге за рубль. То есть столь значительный разброс паритета указывает на то, что рубль не единственный фактор, влияющий на курс тенге.

Узбекистан

Инфляция в Узбекистане уже давно измеряется двузначными числами. В последние годы здесь отмечается самый высокий уровень инфляции не только в Центральной Азии, но и среди всех стран бывшего СССР. В целях борьбы с ней в 2019 году ЦБ объявил о планах полного перехода монетарной политики к инфляционному таргетированию. Принятые в том же году основные направления монетарной политики предполагали снижение инфляции до уровня ниже 10% к 2021 году и до 5% к 2023 году. Пока, однако, реализовывать эти цели не удается, одной из главных причин чего, конечно, стала пандемия.

«Темпы инфляции в стране по-прежнему велики, а высокие кредитные ставки для населения, и особенно предпринимателей, не позволяют бизнесу выйти на точку прибыльности, что делает проекты неустойчивыми», — говорит директор Центра исследовательских инициатив Ма'но Бахтиер Эрғашев. Действительно, базовая ставка ЦБ Узбекистана в последние годы колеблется на уровне 14–16%, что делает актуальные ставки кредитования неподъемными для значительной части граждан и бизнеса.

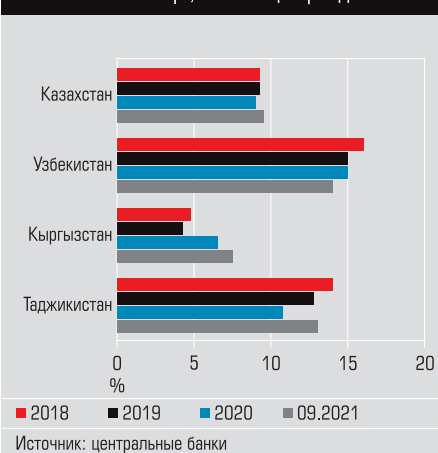
При этом Узбекистан еще и столкнулся с такой типичной для развивающихся стран проблемой, как инфляционно-девальвационная спираль: одной из причин ускорения роста цен является падение курса национальной валюты, которое началось после перехода к плавающему режиму в 2017 году. Но на деминацию власти пока не решаются: курс доллара сейчас составляет около 10 тыс. сумов, а цены в сотнях тысяч и миллионах сумов в Узбекистане обычное дело.

Ведущий научный сотрудник Центра экономических исследований и реформ **Халилulloх Хамидов**, говоря о причинах падения сума на фоне пандемии, указывает на ухудшение платежного баланса страны, снижение экспорта относительно импорта. Последний момент объясняется прежде всего тем, что пандемия негативно повлияла на главного торгового партнера Узбекистана — Китай, чья экономика замедлилась, так что спрос на узбекские товары резко упал.

Кыргызстан

Национальный банк Кыргызстана перешел на инфляционное таргетирование

Учетные ставки ЦБ, на конец периода

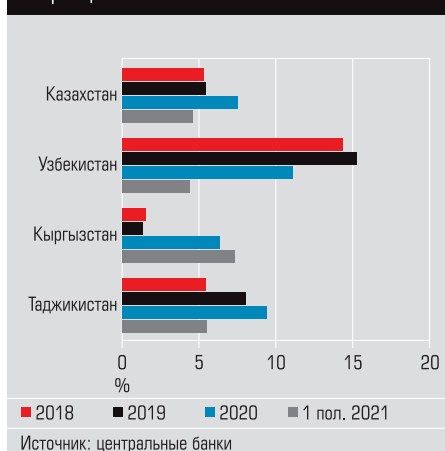
раньше других ЦБ региона. Решение об этом было объявлено еще в 2014 году, а в отчетах банка инфляционный таргет упоминается с 2016 года. На этом поприще Кыргызстан добился удивительных успехов: в течение нескольких лет, предшествовавших пандемии, официальный уровень инфляции был близок к нулевому, а курс сома стоял «как вкопанный», показывая совершенно удивительную стабильность. Отчасти сказались усилившиеся после вступления Кыргызстана в ЕАЭС интеграция с экономикой России, где после радикальных мер стабилизации, принятых ЦБ после двукратной девальвации рубля в 2014 году, инфляция также резко замедлилась.

Однако удар, нанесенный экономике Кыргызстана пандемией, был сильнее, чем в других странах региона, и все монетарные показатели резко ухудшились — тут республике не помогли даже крупные пакеты иностранной помощи. Если первоначально денежная база росла равномерно, то в 2020 году был включен печатный станок, и Нацбанк был вынужден признать наличие в экономике Кыргызстана избыточной ликвидности. Вполне вероятно, что по итогам 2021 года инфляция в стране достигнет двузначной величины.

По мнению киргизского экономиста **Акылбека Рыспекова**, рост цен был предсказуем: «Международные организации предупреждали об этом еще год назад, власти страны должны были готовиться к скачку инфляции, максимально поддерживая отечественных производителей и улучшая инвестиционный климат не на словах, а на деле, но этого не произошло».

Кроме того, на стабильность финансовой системы Кыргызстана воздействует высокий уровень государственного долга. В 2019 году соотношение долга и ВВП страны находилось на относительно комфортном уровне 48%, однако из-за пандемии внешние заимствования пришлось срочно наращивать. В совокупно-

Инфляция

сти с падением экономики это привело к тому, что на начало текущего года отношение долга к ВВП Кыргызстана превысило 68%, а это уже много для стран глобальной периферии.

Таджикистан

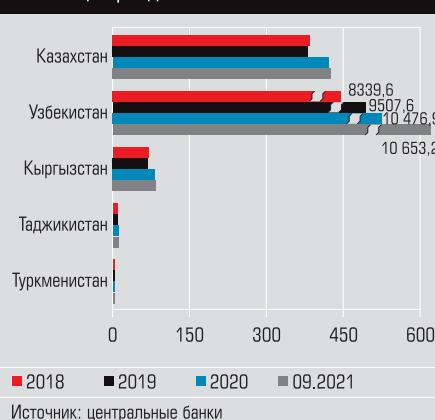
Национальный банк Таджикистана декларировал переход к инфляционному таргетированию в 2017 году. Цель по инфляции в 2018–2020 годах составляла $7 \pm 2\%$. В 2018 году ее удалось выполнить, однако после 2019 года рост цен продолжился большими темпами, не обращая внимания на установленные Центробанком коридоры. В результате уже три года подряд уровень инфляции оказывается выше, чем в предыдущий период.

В первую очередь происходящее вызвано ростом цен на продовольствие. Курс национальной валюты сомони подвергается коррекции в ручном режиме, однако, несмотря на это, он все равно постепенно снижается. Девальвацию сомони также ускоряет растущий национальный долг. В первом полугодии его отношение к ВВП подошло вплотную к уровню 40%, который нельзя превышать в соответствии с принятой в Таджикистане стратегией управления государственным долгом.

Туркменистан

Финансовая система Туркменистана, насколько о ней можно судить по открытым данным, воспроизводит ряд еще советских особенностей с добавлением специфики соседнего Ирана. Государство пытается бороться с инфляцией установлением твердых цен на некоторые базовые продукты. Результат этого предсказуем: судя по данным независимых источников, Туркменистан регулярно сталкивается с продовольственными кризисами, которые выражаются в огромных очередях за продуктами первой необходимости по фиксированным ценам (привет СССР). Власти реагируют

Курс национальной валюты к доллару США, на конец периода

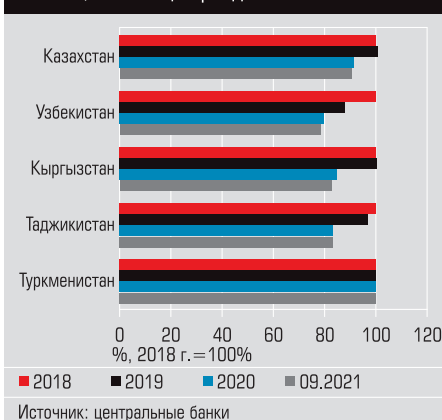

на это своеобразно: то посылают полицию арестовывать людей, толпящихся около магазинов, то обязывают директоров магазинов доставлять продукты по твердым ценам гражданам на дом.

Поскольку Туркменистан является типичной сырьевой экономикой, курс его валюты маната должен принципиально зависеть от конъюнктуры мировых рынков, которая в конце прошлого десятилетия складывалась явно не в пользу нефтегазовых держав. Однако официальный курс маната к доллару не меняется уже много лет (1 доллар = 3,5 маната) — другое дело, что свободного рынка конвертируемой валюты в стране нет, доступ к официальному курсу имеют только уполномоченные лица и структуры. Поэтому гражданам остается пользоваться услугами незаконного черного рынка валюты с совершенно иными котировками: весной «уличный» курс маната в Ашхабаде составлял около 35 манат. Точно такая же система действует в Иране, где государство в 2018 году после введения очередных американских санкций зафиксировало курс риала, что спровоцировало расцвет черного рынка валюты. Что касается темпов инфляции в Туркменистане, то независимые источники говорят о десятках процентов, а то и называют трехзначные цифры — такая же картина характерна и для Ирана.

Таким образом, политика инфляционного таргетирования пока реализуется в Центральной Азии с переменным успехом. На однозначном уровне инфляцию удается удерживать пока только в Казахстане, а в Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане ее высокие показатели во многом определяются структурной слабостью экономик и их уязвимостью для внешних рисков. Тем не менее даже в этих трех странах меры властей по борьбе с инфляцией куда более эффективны, чем в Туркменистане, где ни о какой современной монетарной политике говорить не приходится.

Динамика курса доллара к национальной валюте, на конец периода

Иван Николаев

Долги тяжкие

О проблемах бюджетной политики и госдолга стран Центральной Азии

Все страны Центральной Азии имеют дефицитные бюджеты и активно наращивают государственный долг, пытаясь с помощью заемных средств решать первоочередные социальные проблемы и реализовывать инфраструктурные проекты. При этом их финансовые потребности остаются довольно большими. Например, Казахстан планирует увеличить расходы госбюджета на 2022–2024 годы на 1,3 трлн тенге (около 3 млрд долларов), причем впервые более половины из них пойдут на социальные расходы. В Таджикистане давно ищут средства на строительство двух новых гидроэлектростанций и ЛЭП от Рогунской ГЭС, а Узбекистан активно тратит средства, по-

лученные от зарубежных кредиторов, на проекты модернизации сельского хозяйства, борьбу с пандемией, благоустройство наиболее бедных регионов. В частности, порядка 400 млн долларов из внешнего долга было потрачено на водопровод и канализацию в Бухарской области. Что касается Кыргызстана, то перед ним сегодня прежде всего стоит задача рефинансировать существующий долг и избежать дефолта.

Росту госдолга центральноазиатских стран, в особенности Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана, способствует тот факт, что многие займы им доступны на льготных условиях, в том числе от международных финансовых организаций, таких как Всемирный банк. Активными кредиторами также высту-

пают Китай и его Эксимбанк, арабские страны и связанные с ними исламские банки, а также Россия и связанные с ней финансовые институты — Евразийский банк развития (ЕАБР) и Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР). Большая часть государственного долга всех стран региона, кроме Казахстана, приходится на внешний долг, но вот уровень задолженности существенно разнится. Если у Казахстана госдолг сегодня составляет около 28% ВВП, то у Кыргызстана самый высокий уровень задолженности среди стран СНГ — 70%. По темпам увеличения госдолга лидирует Узбекистан, что, опять же, связано с благосклонным отношением к стране международных банков. Внешний госдолг Казахстана имеет более рыночный

характер — 60% приходится на еврооблигации, что, в частности, объясняется наилучшим положением в международных кредитных рейтингах среди всех стран Центральной Азии.

По прогнозу Азиатского банка развития, более низкие налоговые поступления, пакеты поддержки и расходы на здравоохранение в 2020 году сильно повлияют на государственные бюджеты, в конечном счете увеличивая существующий долг всех стран региона.

На безопасном уровне

В Казахстане важную роль в бюджетной политике играет Национальный фонд, созданный по норвежскому образцу, в нем аккумулируется значительная часть прибыли нефтяных компаний. За последние 20 лет его активы увеличились в 89 раз и составили 58,7 млрд долларов, при этом эти средства сегодня уже используются. По словам Президента **Касым-Жомарта Токаева**, Нацфонд перешел с работы в режиме пополнения в режим потребления. Дело в том, что расходы бюджета последние десять лет колеблются на уровне 20–25% ВВП, а доходы, формируемые в основном за счет налогов, в 2012–2020 годах снизились с 27 до 17% ВВП. Поэтому после 2018 года более трети доходной части бюджета было обеспечено трансфертами из Национального фонда, благодаря чему государству удалось нарастить траты на социальную сферу, которые в следующие три года будут только возрастать. В расходы госбюджета до 2024 года включены нужды на выполнение программы «Путь перемен: достойную жизнь каждому» и мероприятия по борьбе с COVID-19. Планируется увеличение зарплаты работникам здравоохранения и образования, увеличение финансирования программ обеспечения сельских населенных пунктов питьевой водой и жилищно-коммунальными услугами. Однако, по мнению советника департамента финансовой политики Европейской экономической комиссии **Султана Бижанова**, «стимулирующая фискальная политика с учетом трансфертов в бюджет из Нацфонда усиливает риски повышения инфляции, особенно в контексте мер, принятых для борьбы с пандемией в 2020 и 2021 годах».

Госдолг Казахстана сравнительно невелик — на 1 июля 2021 года он составил 22,2 трлн тенге (51,9 млрд долларов), при этом большая его часть приходится на внутренние займы. Стоит заметить, что общий объем активов Нацбанка превышает сумму госдолга, но нужно иметь в виду, что страна обладает также большой корпоративной внешней задолженностью. «В 2020 году мы были вынуждены увеличить дефицит бюдже-

Объем совокупного государственного долга

Источники: данные национальных СММ, Trading Economics

Планный дефицит бюджета на 2021 год

Источник: данные национальных СММ

Кредитные рейтинги стран Центральной Азии

Страна	Fitch Ratings		Moody's		S&P	
	Рейтинг	Прогноз	Рейтинг	Прогноз	Рейтинг	Прогноз
Казахстан	BBB	стабильный	Baa2	позитивный	BBB-	стабильный
Узбекистан	BB-	стабильный	B1	позитивный	BB-	стабильный
Кыргызстан			B2	негативный		
Таджикистан			B3	стабильный	B-	стабильный

Источник: Trading Economics

та и наращивать заимствование в целях финансирования антикризисных мер. В предстоящем периоде планируется поэтапное снижение дефицита бюджета. Это приведет к сокращению темпов новых заимствований», — заявил министр финансов **Ерулан Жамаубаев**. В июле глава государства поручил правительству разработать концепцию по управлению госдолгом. По его словам, «это вопрос долгосрочной стабильности государственного бюджета в будущем».

Развитие в долг

Новая эпоха в бюджетной политике Узбекистана началась после 2018 года, когда бюджет страны стал сводиться с дефицитом, а внешний долг быстро расти. Если в 2018 году он составлял 20% ВВП, то в 2020-м — уже 37%, а к осени 2021 года — 42% (более 26 млрд долларов). По-видимому, к 2023 году он достигнет уровня 44%. Но руководство страны не видит в этом проблемы. «Все говорят, что у нас растет внешний долг. Если бы мы не брали деньги из-за границы, то смогли бы мы развить нашу экономику до такого уровня?» — заявил в мае этого года президент Узбекистана **Шавкат Мирзиёев**. Крупнейшим кредитором страны является Азиатский банк развития, на него приходится 5 млрд долларов госдолга. Впрочем, с 2019 года Узбекистан также размещает еврооблигации. Как заметил бывший министр финансов **Рустам Азимов**, «нельзя решать накопившиеся проблемы только за счет ограниченных средств государства, по этой причине правительство и берет долг. Стоит признать, что государственный долг растет,

но и наравне с этим растет экономика. Рост экономики позволит своевременно оплачивать долги». Очевидно, с этим могли бы поспорить некоторые эксперты. Так, заместитель директора департамента по Ближнему Востоку и Центральной Азии МВФ **Рон ван Руден** считает, что «экономический рост должен быть стимулирован частным сектором, а не заимствованиями государства, поэтому важно ускорить реформы». А реформы в Узбекистане как раз вступают в самую опасную фазу, когда они несут значительный политический риск и риск того, что планы не сработают. По словам аналитиков международного рейтингового агентства Moody's Investors Service, открытие внутренней экономики для частной международной конкуренции может привести к экономическим потрясениям, социальная стабильность может оказаться под угрозой. Кроме того, в агентстве отмечают, что курс сума может создать риски для госдолга, более чем на 90% номинированного в иностранной валюте, тем более что банковский сектор Узбекистана остается сильно долларизированным.

Если много одолжил, попроси еще

Кыргызстан обладает самым высоким уровнем госдолга по отношению к ВВП на всем постсоветском пространстве. Его величина достигла 5 млрд долларов, что приравнивается к 70% ВВП, при этом на внешние займы приходится 85% долга. Сложное финансовое положение усугубляется резко отрицательным торговым балансом — импорт превышает экспорт

в три раза. Кыргызстан вынужден прибегать к различным инструментам поддержки, включая отсрочку выплаты и списание долгов. В видеопослании 76-й сессии Генассамблеи ООН президент **Садыр Жапаров** предложил обменять часть госдолга на проекты устойчивого развития в стране. Пандемия стала одной из причин того, что Кыргызстан не может реализовать Цели устойчивого развития (ЦУР), поэтому президент попросил кредиторов облегчить долговое бремя страны. Основной целью Национальной программы развития Кыргызстана до 2026 года стало сохранение размера государственного внешнего долга на уровне не более 60% к ВВП, однако этот параметр уже превышен. Ситуация с бюджетом столь серьезная, что правительство решило прибегнуть к помощи иностранных консультантов: для улучшения бюджетной политики Кыргызстан нанял французскую компанию Linpico SARL, которая должна обновить стратегию управления госдолгом. Впрочем, в макроэкономическом отчете Евразийского банка развития отмечается, что после того как по итогам 2020 года долг Кыргызстана превысил пороговое значение, возможности страны по увеличению госдолга сильно ограничились. Страна готова привлекать новые займы только на льготных условиях, и теперь Кыргызстан «рыщет» по миру в поисках льготных кредитов. В прошлом году Россия предоставила такой кредит Кыргызстану в размере 100 млн долларов, а в ближайшее время республика рассчитывает взять на льготных условиях 200 млн долларов у Индии. Большая часть кредитов была потрачена на инфраструктуру — модернизацию Бишкекской ТЭЦ, строительство альтернативной дороги «Север—Юг» и другие проекты, но, по мнению экономического эксперта **Эркина Абдразакова**, они не принесли пользы государству, а наоборот, открыли путь коррупционным махинациям. «Возьмем только один пример — в структуре внешнего госдолга 42,5% приходится на Экспортно-импортный банк Китая, которому должны 1 млрд 778 млн долларов. Нельзя было брать в долг такую сумму только у одной страны», — говорит Абдразаков. Однако, по мнению другого экономиста из Кыргызстана, колумниста портала Sputnik.kg **Нургуль Акимовой**, несмотря на сложную экономическую ситуацию, Кыргызстану не грозит банкротство, поскольку власти будут сокращать расходы на капитальный ремонт и прочие траты, например на проведение торжеств. Кроме того, на обслуживание госдолга направят резервы, остающиеся на внутреннем рынке страны. После того как власти Кыргыз-

стана фактически отняли у канадских инвесторов их актив — крупнейшее в стране месторождение золота Кумтор, канадская сторона активно лоббирует финансовый бойкот Кыргызстана, так что с рефинансированием госдолга за счет внешних источников у республики могут возникнуть большие проблемы.

Бедным прощают все

Таджикистан, самая бедная страна региона, также имеет хронически дефицитный бюджет. О таджикском торговом балансе можно сказать то же самое, что и о киргизском: импорт в три раза превышает экспорт, а уравновесить платежный баланс помогают внешние займы и денежные переводы мигрантов. Как бы парадоксально это ни звучало, но, возможно, именно бедность защищает страну от чрезмерного обременения долгами. Размер государственного долга колеблется в пределах 40–50% ВВП. В 2020 году его величина составляла 3 млрд долларов, а к осени 2021 года уже 4 млрд, или около 45% ВВП. Главным кредитором по внешнему долгу остается Китай (1,2 млрд долларов), который начал кредитовать проекты Таджикистана с 2007 года в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Благодаря китайским кредитам в Таджикистане реализованы многие инфраструктурные проекты, например высоковольтные линии электропередачи «Юг—Север» и «Лолазор—Хатлон». Именно благодаря китайским займам в Таджикистане появилась первая платная дорога в Центральной Азии. У Таджикистана велика задолженность перед международными финансовыми организациями, так как рыночные кредиторы вряд ли будут давать займы стране с «мусорным» кредитным рейтингом. Впрочем, начиная с 2016 года страна стала активно развивать рынок внутреннего долга. К этому правительство подтолкнул банковский кризис, для купирования последствий которого государство было вынуждено выпускать казначейские векселя. Сегодня правительство Таджикистана планирует профинансировать с помощью международных займов такие проекты, как строительство автомобильной дороги Обигарм—Нурабад, строительство Рогунской ГЭС и второй этап реконструкции Нурекской ГЭС. По мнению таджикского экономиста, соучредителя компании «Иршад Консалтинг» **Шухрата Мирзоева**, пандемия COVID-19 сильно ослабила позиции правительства. Доходная база бюджета сузилась, и теперь у Таджикистана появилась возможность реструктурировать внешний долг перед многосторонними

донорами по причине растущей бедности и уязвимости. Однако эта ситуация создает стимул для того, чтобы опять набрать кредитов. В Таджикистане, по словам эксперта, научились планировать на среднесрочную перспективу, но на 10–15 лет вперед практически никто не заглядывает по причине макроэкономической волатильности. «То, что кредиты нужно рано или поздно выплачивать, понимают все, но никто об этом всерьез не задумывается», — говорит Мирзоев.

Таинственные цифры

Всемирный банк и Международный валютный фонд сегодня не публикуют данные о внешнем долге Туркменистана. «Я не доверял бы любой информации о госдолге Туркменистана», — заявил директор департамента инвестиционного анализа и обучения «Универ Капитал» **Андрей Верников**. Тем не менее существуют официальные данные, согласно которым госдолг Туркменистана составляет 31% ВВП — это больше, чем в Казахстане, но меньше, чем в остальных странах Центральной Азии. Но недавно СМИ заметили несостыковку в официальных цифрах. В марте 2021 года президент страны **Гурбангулы Бердымухамедов** провел особое рабочее совещание на тему возврата иностранных кредитов и заявил о важности их своевременного погашения. Согласно опубликованной на совещании диаграмме, в 2021 году внешний долг страны приблизился к 1,35 млрд долларов, что составляет приемлемые 11% от ВВП страны. К 2022 году его планируется сократить до 1,11 млрд, а к 2024-му — до 0,86 млрд долларов. Исходя из того, что текущий госдолг равен 11% ВВП, можно подсчитать, что номинальный ВВП страны равен лишь 12,3 млрд долларов, то есть в четыре раза меньше, чем официально заявлялось в 2019 году. Поэтому доверять каким-либо данным, исходящим из Туркменистана, действительно не приходится.

После того как рано или поздно завершится пандемия, правительствам всех пяти стран, конечно, нужно будет восстанавливать фискальное пространство и сокращать долговую уязвимость своих финансовых систем. Однако без ликвидации структурных диспропорций в экономиках, в особенности слабейших стран Центральной Азии, они будут обречены на постоянный фискальный кризис и, как следствие, наращивание внешних долгов. Поэтому для того чтобы обеспечить сильное и устойчивое восстановление при участии частного сектора, правительствам необходимо будет подтвердить свою приверженность институциональным рыночным реформам. ■

Константин Фрумкин

Банки становятся современными

О становлении и модернизации банковской системы в странах региона

Собственные банковские системы начали создаваться в странах Центральной Азии с первых же дней независимости, а в последние годы они стали на путь модернизации, так что населению и бизнесу этих стран сегодня доступны все базовые финансовые технологии. Прежде всего это касается столиц, на которые приходится весомая доля выпущенных банковских карт и где тестируются наиболее продви-

нутые виды финтеха. Впрочем, наличие современных технологий еще само по себе не обеспечивает активное участие банков в финансировании экономики.

Ситуация на рынке кредитов

Эксперты отмечают, что развитие кредитования в разных странах региона происходит по разным сценариям. В Казахстане сегодня в первую очередь развивается потребительское кредитование. «Доля кредитов физлицам в сово-

купном портфеле кредитов к середине текущего года составила более 56%. При этом покрытие провизиями кредитов физических лиц с просроченной задолженностью свыше 90 дней составляет 71,7%», — комментирует ситуацию в стране советник департамента финансовой политики Европейской экономической комиссии (ЕЭК) **Султан Бижанов**. В Кыргызстане, чья банковская система обладает крайне незначительными масштабами, банки чаще креди-

Кризисный опыт и перспективы развития финансового сектора Казахстана

Чистка 1990-х, кризисы нулевых, вызовы десятых и «зеленые» перспективы последующих десятилетий: об истории и будущем финансового сектора Казахстана в интервью «Эксперту» рассказывала **Елена Бахмутова**, председатель Совета Ассоциации финансистов Казахстана.

— Как бы вы описали основные факторы становления и развития финансового сектора Казахстана, что придало устойчивость этому сектору?

— Мы находимся в преддверии 30-летия независимости Казахстана, вместе с которой началось зарождение рыночных отношений и становление финансового сектора страны. Он развивался как часть экономики, в каких-то случаях выступая локомотивом рыночных преобразований. Если разделить по векам, то, наверное, можно выделить становление сектора в 1990-е, когда началось накопление капитала, появилось множество кредитных организаций в лице коммерческих банков. К середине 1990-х годов стало понятно, что не все из них выживут и готовы функционировать в регулируемом пространстве, понадобилась масштабная чистка от несостоятельных игроков. Законодательство о банках, страховании, рынке ценных бумаг было уже принято, причем в его основе лежали международные стандарты. Отличие казахстанского финансового сектора в том, что с самого начала он базировался на частном капитале. Где-то к концу 1990-х финсектор в основном состоял в том виде, в котором мы его имеем сегодня. Финансовые организации в форме АО принадлежат частным собственникам, в государственной собственности находятся только институты развития и отдельные инфраструктурные организации.

Благодаря структурным преобразованиям, проведенным с середины 1990-х в том числе и в финансовом секторе, экономика страны начала бурно развиваться. Финсектор активно привлекал внешнее фондирование, частная накопительная система выступила катализатором развития долгового рынка капитала. В силу вовлеченности финансового рынка Казахстана на международные рынки капитала кризис 2007–2009 годов затронул и нашу экономику. Отечественные банки привлекали займы на внешних рынках, размещая средства не только внутри, но и за пределами Казахстана. По прошествии лет можно сказать, что из этого кризиса были извлечены хорошие уроки и сектор прошел кризисную закалку.

— Что это был за кризисный опыт?

— Финансовый сектор находился в эйфории непрерывного роста, когда внезапно наступил международный финансовый кризис. Ситуация для экономики Казахстана, банков и их заемщиков резко изменилась. Если раньше регуляторные требования и риск-менеджмент воспринимались с теоретических позиций, то впоследствии потери стали реальностью. Стресс-

из личного архива

тестирование, система управления рисками и корпоративное управление, а также наличие подушки безопасности стали заботой не только регуляторов, но также и собственников, и менеджмента финансовых организаций. Эти уроки оказались очень полезными для будущего.

Подушка безопасности в виде Национального фонда позволила достаточно быстро выйти из кризиса, поддержав банки, жилищное строительство и МСБ. Экономика вернулась к росту, но память о том, что кризис наступает внезапно, осталась.

И сегодняшние кризисные явления, которые начались не с экономических явлений, а с искусственных ограничений в связи с пандемией, наш финансовый сектор встретил гораздо более подготовленным. Еще и потому, что буквально перед наступлением пандемии в 2019 году была проведена внешняя оценка качества активов банковского сектора. Она была сделана по примеру Европейского центрального банка с привлечением международных консультантов и международных аудиторских компаний. Было получено независимое суждение, что в целом финансовый сектор и в первую очередь банки имеют достаточный запас прочности, чтобы преодолеть кризисные явления.

Эта оценка прямо подтвердилась в момент пандемии, когда банки оказались основными проводниками программ правительства по поддержке населения и заемщиков для того, чтобы они пережили сложные времена локдаунов, когда рабочие места потеряны, бизнес потерял свою выручку,

туют сельскохозяйственные и торговые предприятия. В Таджикистане, как это отмечается в отчете рейтингового агентства «Эксперт РА», кредитная активность стагнирует и растет доля безнадежных кредитов. Узбекистан вышел на рынок кредитования: в стране принята программа государственного кредитования для финансирования инвестиций, к тому же во время пандемии были введены антикризисные кредитные линии. Однако, по оценкам экспертов, вмешательство государства может исказить рыночную ситуацию. В отчете рейтингового агентства Fitch Ratings утверждается, что в банках Узбекистана высока доля необоснованных рисков из-за роста кредитования, а также моратория на взыскание кредитов,

введенного в прошлом году из-за пандемии. В агентстве ожидают дальнейшего ухудшения качества банковских активов в 2021–2022 годах, когда закончится мораторий и завершится большинство льготных периодов.

«Для Центрального банка Узбекистана актуальным вопросом является растущий уровень просроченных кредитов (6,2% на 1 октября текущего года — в отдельных госбанках более 20%), хотя годом ранее он составлял 2,1%, — рассказывает старший менеджер практики консалтинга ЕУ в Узбекистане **Аскар Обидов**. — Основной причиной видится то, что предоставление отсрочки по кредитам без пересмотра графика платежей привело к тому, что на дату окончания отсрочки заемщики столкнулись с труд-

ностями, поскольку приходится выплачивать накопившиеся платежи».

Казахстан — финансовый лидер региона

Сегодня самой развитой банковской системой в регионе обладает Казахстан. Суммарные активы банков на начало года почти в три раза превосходили аналогичный показатель для Узбекистана и в десятки раз — для Таджикистана и Кыргызстана (для Туркменистана, как всегда, достоверной статистики нет). При этом Казахстан отнюдь не первенствует по количеству банков, так как банковский сектор Казахстана прошел серьезный путь по консолидации. Зато казахстанские банки сегодня лучше других интегрированы в мировой финансо-

ему необходимы отсрочки по кредитам, дальнейшие формы реструктуризации займов. Все финансовые организации очень быстро мобилизовались, несмотря на то что работали удаленно, как и все остальные. Тем не менее они смогли в считанные дни переформатировать внутренние процессы и оказывать услуги практически в удаленном формате, онлайн. Такая подготовленность дала свои результаты.

И теперь, когда мы постепенно возвращаемся к нормальной жизнедеятельности, а бизнес начинает работать, здоровье банковского сектора не вызывает вопросов. В целом и доходность, и запас капитала, и сами андеррайтинговые практики наших финансовых организаций достаточно осмотрительны и не провоцируют каких-либо серьезных проблем, «пузырей» на рынке. Мне кажется, что на протяжении этого времени были извлечены правильные уроки, проведена работа над ошибками и осталась, как сейчас любят говорить, «клеточная память» в отношении кризиса.

— И протестированная платформа для инноваций?

— Безусловно, глобальные тренды, связанные с цифровизацией, онлайн, появлением новых продуктов, следованием за клиентом, — все это реализовано в Казахстане. Сейчас можно сказать, что ожидания в целом благоприятны. Конечно, мы надеемся, что никаких серьезных локдаунов уже не будет. Естественно, нас, как и всех, тревожит очень высокая инфляция, которая сейчас свойственна всем странам, и это уже стало международной проблемой. С этим нужно что-то делать, но это то, что нам всем следует преодолеть.

А в целом, учитывая достаточно благоприятные прогнозы роста экономики и набирающие скорость реформы, направленные на диверсификацию экономики, принятие десяти национальных проектов по наиболее важным направлениям развития Казахстана, — можно сказать, что все это способствует спросу на инвестиции и на кредиты. И наш финансовый рынок, и банки, и профучастники должны быть готовы обслужить этот спрос на инвестиции и на заемный капитал, который есть у компаний.

— Насколько серьезно пришлось чистить финансовый сектор? Была ли такая серьезная чистка, как в России?

— В 1990-х как раз был период активной чистки, и она была масштабной по тем временам. Затем сформировалось небольшое количество банков, несколько десятков. Но затем пошла либерализация, и у нас появились микрофинансовые организации, которые не регулировались. А потом, буквально в течение последних двух лет, этот микрофинансовый сектор снова попал под регулирование, сначала под учетную регистрацию, потом под лицензирование и ужался в три раза. У нас это тоже было.

Что касается банков, то там мы избавлялись от несостоятельных участников. К этому наши потребители привыкли. У нас некоторые банки уходили с рынка, потому что их покупали другие банки. Некоторые по причине того, что у них отзывалась лицензия и они шли на ликвидацию. Это случается время от времени. Целью внешней оценки качества активов было убедить и самих себя (поскольку надо получить независимое

суждение), и клиентов в том, что сегодня каких-либо подводных камней и скрытых проблемных активов на балансах наших банков уже нет. Если есть, то вот те, у кого они есть, и вот те меры, которые требуются от акционеров, чтобы войти в нормальное положение и продолжать устойчивую деятельность.

В значительной мере рынок избавился от слабых игроков, в 2019 году была проведена масштабная внешняя оценка активов банковского сектора по методике ЕЦБ с привлечением экспертов с международным опытом. Это позволило укрепить доверие к банкам, выявить отдельные слабости в банковской практике и регулировании. Основные инструменты поддержки бизнеса и населения в периоды пандемии были реализованы через частный банковский сектор. Как только пандемия несколько отступила, регулятор вместе с банками возобновил работу по устранению выявленных недочетов.

Банки, так же как и любой другой бизнес, могут обанкротиться. Важно минимизировать потери клиентов без необоснованных расходов денег налогоплательщиков. В первую очередь это система гарантирования депозитов физических лиц, а для клиентов из числа юридических лиц это осмотрительный выбор банка-партнера и, конечно, система регулирования и надзора.

— Идет дискуссия об эффектах для банковского сектора от входа Казахстана в ВТО. Некоторые говорят о рисках, некоторые говорят о возможностях. Вы как оцениваете?

— Я считаю, что это возможности. Конкуренция в конечном счете всегда выгодна клиентам. И если есть вероятность прихода филиалов крупных банков, страховых компаний, которые привнесут свои практики, новые технологии, инструменты, в конце концов, свои инвестиции, то это нужно только приветствовать. Наши участники рынка привыкли к жесткой конкуренции, тем более с запасом знаний о местных клиентах и их предпочтениях, в отличие от новых игроков, приходящих на рынок в условиях ВТО.

Правда, пока нельзя сказать, что много желающих. Вполне возможно, что, как только мир вернется в прежнее русло или научится жить в новой реальности, мы увидим приход новых игроков.

— Какие итоги работы МФЦА вы бы отметили на сегодняшний день?

— Развитие МФЦА, естественно, не было прямолинейным. Первоначальная идея появилась еще в 2015 году. Однако цены на нефть резко упали в 2015–2016 годах, что оказало негативное влияние на экономику Казахстана и потребовало определенного вмешательства со стороны государства. В какой-то мере это скорректировало планы развития МФЦА.

Также на МФЦА запущен ряд проектов в сфере цифровизации, финансовых технологий. Можно сказать, что МФЦА выступает регуляторной песочницей для инновационных продуктов. Реализовать такие начинания в рамках обычного законодательства теоретически возможно, но опыт показал, что в рамках МФЦА сделать это проще. ■

вый рынок и раньше других осваивают новинки финтех.

«Банковская система Казахстана претерпевает большие изменения, связанные со все более широким внедрением ИТ-технологий с использованием интернета и мобильных приложений для продвижения услуг и маркетинга, — говорит экономист, автор книги Energy of Human Action Саян Комбаров. — Массово используются карточки и безналичные платежи, онлайн-кредитование для покупок в интернет-магазинах. Несколько крупных банков республики, лидеров индустрии, таких как Kaspi.kz, успешно вывели свои акции на зарубежные фондовые рынки, где получили высокую оценку». Однако Kaspi.kz — это уже не столько банк, сколько

финтех-экосистема, работающая по самым современным международным стандартам.

По мнению Султана Бижанова, к основным проблемам банковского сектора Казахстана можно отнести условное нежелание банков кредитовать реальный сектор экономики при наличии более выгодных вариантов. Помимо потребительского кредитования такой опцией является безрисковое и не облагаемое налогами вложение в ноты регулятора, то есть Национального банка. Именно поэтому Казахстан развивает небанковский сектор и финтех.

«Банковская система Казахстана характеризуется немалой вовлеченностью государства в данную сферу, — отмечает Султан Бижанов. — В частности, значи-

тельную часть депозитов юридических лиц представляют собой вклады компаний квазигосударственного сектора (национальных компаний), которые размещаются для последующего кредитования бизнеса на льготных условиях».

Узбекский банкинг на пороге отделения от государства

Велика роль государства и в узбекском банкинге — на конец 2020 года она составляла 85%. Но эта ситуация начала постепенно меняться, в последние четыре года началась либерализация экономики, что также положительно повлияло на развитие банковского сектора, где происходит существенный рост активной базы банков второго уровня (БВУ), правда, в основном за

счет курсовой разницы. Но к концу 2025 года в Узбекистане планируется приватизация шести госбанков, что должно улучшить ситуацию.

«На текущий момент происходит трансформация сектора, разрабатываются новые стратегии, меняются модели риск-менеджмента, корпоративного управления и так далее, подразумевается приватизация госбанков с целью снизить долю государства до 40%. На рынке присутствуют два относительно новых зарубежных игрока — Тенге банк и ТВС. Заметен существенный интерес к сектору со стороны иностранных финансовых групп», — говорит директор группы по стратегическому и операционному консультированию KPMG в Центральной Азии **Болат Мынбаев**.

Банковская отрасль в Узбекистане находится еще в начале реформирования, так как только в 2020 году была принята стратегия реформирования банковской системы. Ключевым пунктом реформы служит то, что государственным органам запретили вмешиваться в деятельность банков.

Что поставлено на карту?

Сегодня банковские карточки являются достаточно рутинным платежным инструментом во всех крупных городах Центральной Азии, хотя еще несколько лет назад в Кыргызстане и Таджикистане они были скорее экзотикой. Казахстан вступил на путь массового внедрения банковского пластика первым, и сегодня в стране выпущено более 55 млн карточек, то есть четыре-пять карт на каждого взрослого жителя. Кроме 18 коммерческих банков карты в стране выпускает также и почта. В стране работают все ведущие международные системы, имеют распространение виртуальные и цифровые карты.

Узбекистан занимает по количеству выпущенных карт второе место: к осени 2021 года в стране их было выдано более 25 млн штук. Крупнейшим эмитентом, выпустившим каждую пятую карту, является преемник Сбербанка — Народный банк Узбекистана.

На третьем месте, конечно, если верить статистике, находится Туркменистан — 4,3 млн карт. На четвертом — Кыргызстан, который выдал 3,3 млн пластиковых карт, и сегодня в столице ими можно платить за проезд в общественном транспорте. В Кыргызстане наряду с картами международных платежных систем эмитируются также карты национальной системы «Элкарт» и российских систем «Сибирская корона» и «Мир».

В Таджикистане, находящемся на последнем месте (3 млн выпущенных карт), действует национальная платежная

система «Кортимилли», причем выпускаются также кобейджинговые карты «Кортимилли» и UnionPay, а кроме того, здесь эмитируются локальные платежные карты кредитных организаций, не относящиеся ни к каким системам, таких на рынке довольно много — более 8%. Это, несомненно, признак недостаточного развития рынка.

Осваивая финансовые инновации

Эксперты компании KPMG утверждают, что Казахстан лидирует в Центральной Азии в сфере финтеха (стоит вспомнить пример Kaspi.kz), чему способствует самый высокий в регионе уровень проникновения интернета, на фоне которого быстро развивается электронная коммерция. По данным компании, в 2020 году объем рынка электронной коммерции в Казахстане достиг 2,1 млрд долларов, например, в Узбекистане он был в 3,5 раза меньше (0,6 млрд долларов). К тому же в стране есть две нормативные песочницы: одна управляется Нацбанком и Финансовым агентством, вторая — площадкой Fintech Lab, запущенной Международным финансовым центром «Астана» (МФЦА).

В числе финтех-новинок, в освоении которых первенствует Казахстан, особенно заметна технология Visa Tap to Phone, позволяющая использовать мобильные телефоны в качестве терминалов для банковских карточек. «Мы наблюдаем живой интерес к Visa Tap to Phone в странах Центральной Азии, и самые высокие темпы внедрения данной технологии в Казахстане», — говорит вице-президент и региональный менеджер Visa в странах Центральной Азии и Азербайджане **Кристина Дорош**. Впрочем, в этом году этой технологией заинтересовались и соседи: в Узбекистане ее продвижением занялся стартап MayaSoft, в Кыргызстане — Халык банк Кыргызстан.

Как отмечается в исследовании финтеха в Центральной Азии, представленном МФЦА, финтех-экосистема Узбекистана включает сервисы обработки платежей Numo и Uzcard, более десятка платежных компаний, примерно 30 банковских мобильных приложений и один цифровой банк. В республике также была запущена своя система денежных переводов между картами узбекской платежной системы Uzcard и российской картой «Мир». В числе проблем, замедляющих развитие финансовых технологий в Узбекистане, эксперты называют недостаточное развитие электронной торговли, зачаточное состояние венчурной экосистемы, сравнительно низкий уровень проникновения интернета и недоверие населения к безличным формам расчетов.

Количество банков в странах Центральной Азии

Кыргызстан стремится догнать лидеров. Национальный банк Кыргызстана осознанно ставит перед собой задачу развития финтеха в стране. В частности, им принята Концепция развития цифровых платежных технологий на 2020–2022 годы. Регулятор также рассматривает создание для этих целей особой нормативной песочницы. Главным драйвером финтеха в Кыргызстане являются телекоммуникационные компании, которые адаптируют свои решения для предоставления финансовых сервисов. Специфической задачей, стоящей перед финтехом стран Центральной Азии, является обеспечение бесперебойного потока платежей от работающих за рубежом трудовых мигрантов: таджикский Спитамен банк запустил сервис быстрых переводов из России с карт Visa, MasterCard и «Мир», выпущенных российскими банками.

Туркменистан тоже активно осваивает современные банковские технологии. По словам экономического обозревателя портала CentralAsia.News **Валентина Трапезникова**, в последние несколько лет Туркменистан заметно активизировал развитие рыночных отношений, в том числе и в финансовой сфере. Туркменские банки осваивают новые виды цифровых услуг, включая круглосуточное управление финансовыми активами через интернет. Из публикаций туркменской прессы можно узнать, что на рынке имеются и семейные банковские карты, и карты с овердрафтом, и услуги cash back. Отдельно стоит отметить сближение Туркменистана и России в банковской сфере. В январе 2021 года центробанки двух стран подписали соглашение о совместном противодействии компьютерным атакам, обсуждаются вопросы увеличения доли национальных валют во внешнеторговых расчетах, развитие корреспондентских отношений и обеспечения приема карт «Мир» в Туркменистане.

Зеленый свет халяльным финансам

Важным направлением развития банковского бизнеса в регионе может стать исламский банкинг. Первенство здесь принадлежит Казахстану: еще в 2008 году **Нурсултан Назарбаев** издал указ, предусматривающий допуск исламских финансовых институтов на казахстанский рынок, после чего в стране появился филиал исламского банка Al-Hilal. МФЦА стал первой в Центральной Азии площадкой, предоставляющей системный доступ к данному сегменту. Сегодня индустрия исламских финансовых услуг в МФЦА включает участников из числа исламских банков, компаний по управлению активами, инвестиционных фондов, такафул- и ретакафул-компаний, а также ведущих международных институтов исламского финансирования.

«Казахстанская банковская система наиболее зрелая по сравнению с соседними странами в Центральной Азии, как в части адаптации лучших практик в регуляторной среде, инновационных продуктов и каналов предоставления небанковских продуктов, так и с точки зрения кадрового потенциала», — отмечает Болат Мынбаев из KPMG. И добавляет, что сегодня ввиду ограниченных возможностей на фондовом рынке и рынке прямых инвестиций банковский сектор является ключевой отраслью экономики страны, одним из основных источников фондирования для бизнеса.

В Таджикистане в 2018 году национальный банк Сохибкорбонк был преобразован в исламский Тавхидбанк. В Узбекистане сегодня пока только создана комиссия по внедрению принципов исламского банкинга.

«Перспективы исламского банкинга в Центральной Азии в целом и в Узбекистане в частности достаточно серьезные, — считает главный научный сотрудник Института проблем рынка Российской академии наук, главный редактор журнала «Экономика Центральной Азии» **Наби Зиядуллаев**. — Они помогут привлечь больше инвестиций, диверсифицировать экономику, увеличить формирование доходной части бюджета. Очень важно, что исламские банки инвестируют в реальный производственный сектор национальных экономик. И сделка, как правило, должна быть подкреплена реальным активом».

Банковские системы большинства стран Центральной Азии сегодня находятся в стадии догоняющей модернизации, но «догоняют» они довольно быстро, так как этим в регионе занимаются крайне серьезно. ■

Активы банковского сектора

Страна	В национальной валюте	Млрд долл.
Казахстан	31,2 трлн тенге	74,1
Узбекистан	272,7 трлн сумов	26,0
Кыргызстан	289,3 млрд сомов	4,1
Таджикистан	26,3 млрд сомони	2,3

Источник: статистика национальных банков на 01.01.2021

Выпущенные банковские карты

	Количество выпущенных банковских карт (млн штук)	Количество карт на душу населения
Казахстан	55,6	2,9
Узбекистан	25,8	0,7
Кыргызстан	3,3	0,5
Таджикистан	3	0,33
Туркменистан	4,7	0,8

Источник: статистика национальных банков, 2021 год

Иван Николаев

Молодость открыта инновациям

Рафал Трэпка, генеральный директор Mastercard в Центральной Азии

— Как вы оцениваете успешность экономических реформ в странах Центральной Азии? Каково ваше мнение об общем деловом и инвестиционном климате в регионе?

— Регион Центральной Азии, хотя и был когда-то частью одной страны 30 лет назад, после развала СССР развивался неравномерно.

Процессы разгосударствления и приватизации государственной собственности, либерализации экономической деятельности, формирования институтов рыночной экономики также шли совершенно по-разному, разными темпами и в разных масштабах.

Какие-то страны, например Казахстан, за 30 лет провели структурные экономические реформы, привлекли большой объем иностранных инвестиций, и по степени экономического развития и уровню жизни населения в крупных городах его можно сравнивать с некоторыми странами Восточной Европы. Другие только начинают более активно проводить реформы, привлекать инвестиции и открываться миру.

Но если оценивать в целом, то мы видим благоприятный инвестиционный и деловой климат, и самое главное, возможности для бизнеса. Как и многие постсоветские страны, регион Центральной Азии является одним из самых быстроразвивающихся рынков.

Более того, мы видим очень хорошее развитие финтех-индустрии, включая создание различных финтех- и тех-хабов. Например, в Казахстане это помогает развитию финтеха и стартапов внутри страны, способствует их «экспорту» — во вне, а также показывает Казахстан в качестве очень интересного рынка для финтех-решений из-за рубежа.

Поэтому мы считаем, что это очень интересный с точки зрения бизнеса Mastercard регион, так как здесь активное молодое население, которое открыто к обучению и инновациям, с большой готовностью принимает новые технологии и решения, которые мы предлагаем с нашими партнерами. Здесь быстро адаптируются к новому и активно осваивают технологии.

из личного архива

— Как вы оцениваете развитие платежных систем и сектора финансовых технологий в Центральной Азии? Насколько важны эти рынки для Mastercard? Какая политика в странах Центральной Азии способствовала развитию современных платежных и финансовых технологий?

— Как и во всем мире, в Центральной Азии мы делаем все возможное для того, чтобы электронный оборот вытеснил наличные из экономики стран и чтобы финансовые услуги были максимально доступны гражданам.

С точки зрения развития платежных систем и сектора финансовых технологий в каждой стране региона есть свои отличия, но все эти рынки и весь этот регион очень важен для нас.

Радует, что правительства принимают программы по цифровизации, быстрыми темпами растут безналичные платежи, появляется много интересных игроков — как местных, так и глобальных, активно внедряются современные платежные технологии и инструменты, быстро растет рынок электронной коммерции, активно развиваются мобильные кошельки, финтех-компании, ориентированные на малый и средний бизнес, проекты для повышения финансовой грамотности, кредитные платформы и др.

Например, в этом году совместно с Tech Hub МФЦА и российским Фондом развития интернет-инициатив мы запу-

стили первый финтех-акселератор Казахстана для стартапов, заинтересованных в выходе на динамично развивающийся рынок страны.

— Какие тенденции, на ваш взгляд, будут определять сегмент платежей и финансовых технологий в будущем? Насколько подготовлены рынки Центральной Азии к вызовам и возможностям, связанным с этими тенденциями?

— Сегодня существует несколько важных трендов в сфере платежной индустрии, которые будут определять ее будущее на ближайшие годы.

Самый выраженный тренд сегодня во всем мире — это цифровизация и ориентация на улучшение пользовательского опыта. Платежи становятся все более и более цифровыми: идет тенденция перехода от привычных пластиковых карт к цифровым картам, особенно на фоне пандемии коронавируса.

Бурно развивается электронная торговля: наши исследования показывают, как интенсивно за последнее время выросла онлайн-торговля во всем мире. Так, в прошлом году совокупные траты на онлайн-покупки во всем мире составили 900 млрд долларов США. Иными словами, примерно каждый пятый доллар в сфере торговли покупатели тратили онлайн, в то время как в 2019 году — только каждый седьмой.

Также надо принять во внимание и такие мощные глобальные тренды, как разработки в области 5G, дальнейшее распространение биометрии, использование Big Data и искусственного интеллекта — все они также улучшают пользовательский опыт.

Если говорить о подготовленности стран Центральной Азии в контексте трендов, то, опять же, ситуация несколько отличается от страны к стране.

Например, в Казахстане безналичные платежи выросли с 51% в 2020 году до 75% в 2021 году, а количество бесконтактных транзакций давно перешагнуло планку в 50%. Несколько лет назад запущены сервисы Apple Pay, Samsung Pay, другие поставщики цифровых кошельков также ищут возможности входа и расширения своих услуг на этом рынке.

Антонина Межуева, Константин Фрумкин

Как «голубая фишка» ляжет

Или что происходит на фондовом рынке Центральной Азии

«Н

икогда, — так отвечает известный ученый-экономист **Яков Миркин** на вопрос о том, когда же все-таки лопнет великий американский пузырь в акциях и похоронит вместе с собой экономику США. — Не ждите, не надейтесь, не кричите, пожалуйста, что это фиктивный капитал, что вот-вот его обломки поплывут по реке Гудзон». Импорт капиталов обеспечивал рост американской экономики в течение трех столетий. Сегодня на эту страну приходится более половины объема мирового фондового рынка; Нью-Йоркская фондовая биржа и NASDAQ с капитализацией 25,62 трлн и 19,51 трлн долларов соответственно (по состоянию на январь 2021 года) являются крупнейшими в мире, туда стекаются деньги инвесторов со всех концов света. Да, это самый настоящий финансовый пузырь, но такие «мыльные пузыри», оказывается, могут быть весьма

полезны. «Они обслуживают технологические революции, финансируют самые рискованные компании. И когда они сдуваются, остается рынок акций, который отряхивается, сжимает зубы и снова начинает набирать скорость. И этот рынок остается очень большим, полнокровным, приносящим денежные реки всем, кто желает инвестиций, роста, победы в конкуренции», — объясняет Яков Миркин. По сути, фондовый рынок является механизмом наращивания ресурсного потенциала за счет средств частных и институциональных инвесторов, он в том числе формирует так называемую индустрию управления активами и в конечном счете позволяет экономике функционировать более эффективно. В частности, страны, где банковские институты балансируются фондовыми рынками в соотношении 50 на 50, выходят из кризисов легче, чем те, где банковские институты доминируют, утверждают эксперты. То есть, ког-

да у банков начинаются проблемы, на авансцену выходит рынок ценных бумаг, и наоборот.

Американский фондовый рынок сегодня является наиболее развитым и ликвидным; за ним следуют азиатские рынки Японии и Китая, далее — Великобритания, Франции, Швейцарии и др. Все это крупнейшие финансовые центры мира, большинство — с многовековой историей. Именно они пользуются наибольшим авторитетом среди инвесторов, там проводятся крупнейшие IPO, формируются тренды и зарождаются технологии. История же центральноазиатского фондового рынка началась лишь в середине 1990-х годов, и пока он, пожалуй, относится к категории «экзотических». До недавнего времени, можно сказать, находился в состоянии спокойной дремоты, точнее — стагнировал, сказали бы финансисты. Однако не так давно на нем произошло одно весьма примечательное

событие. И оно может придать рынку совершенно иной вектор развития.

Случился прецедент

В 2018 году на базе Международного финансового центра «Астана» (МФЦА) в Казахстане заработала Astana International Exchange (AIX). Ее особенность заключается в том, что функционирует она в юрисдикции общего английского права, а это для постсоветского пространства явление уникальное, которое вкупе с современной инфраструктурой, если пользоваться терминологией управляющего МФЦА **Кайрата Келимбетова**, позволит перезапустить «ДНК фондового рынка», и, думается, не только местного, но и всей Центральной Азии, Кавказа и ЕАЭС. Этой правовой системе доверяет весь международный бизнес, поэтому инвесторы, в том числе из стран Евразийского региона, могут чувствовать себя более уверенно с точки зрения защиты их инвестиций. «В моем представлении английское право — один из самых больших дефицитов на постсоветском пространстве, у нас недостаточное доверие между партнерами. А в МФЦА оно гарантировано, и это есть и будет залогом того, что все тут получится», — отмечал директор Института экономики РАН **Руслан Гринберг**. Известно, что судебная система — одно из существенных направлений экспорта Великобритании, она воспринимается как справедливая и надежная. Недаром абсолютное большинство международных финансовых центров мира, включая Дубай, Абу-Даби, Сингапур, Гонконг выбрали именно английские принципы судопроизводства. Они основаны на прецедентном праве — это значит, что при рассмотрении дела судья будет неукоснительно придерживаться решений, вынесенных по схожим делам ранее. То есть суд МФЦА не является частью судебной системы Казахстана, основанной на континентальном праве. Любопытный факт: чаще всего (после самих англичан) в Лондонский суд обращаются граждане России и Казахстана. Что ж, теперь и ходить далеко не надо.

Давайте познакомимся

В сознании обывателя биржа — это такое большое открытое пространство, в котором с утра до ночи стоит шум-гам, разрываются телефоны, галдят «быки» и «медведи» — так на профессиональном сленге называют трейдеров в зависимости от выбранной ими тактики. В действительности это давно не так. Работа современной биржи опирается на высокотехнологичную инфраструктуру, процессы во многом автоматизированы и переведены в онлайн. В частности, AIX использует

торговую платформу NASDAQ (это наиболее известная электронная фондовая биржа), позволяющую заключать сделки удаленно из любой точки мира.

«Используя современные технологии, мы даем инвесторам со всего мира возможность инвестировать в привлекательные активы в регионе. Не только в казахстанские компании, но и в компании из других стран Центральной Азии, которые могут разместиться на бирже в МФЦА», — рассказывал **Кайрат Келимбетов**. AIX — платформа для всех стран макрорегиона, потому что инвесторы в равной степени могут быть заинтересованы и в компаниях, скажем, из Узбекистана (вторая по величине экономика в Центральной Азии).

К слову, привлечение зарубежных инвестиций, в том числе через приватизацию госсектора, там называют основным драйвером для следующего этапа роста экономики — в октябре прошлого года Узбекистан обнародовал обширную программу, куда вошли 620 предприятий, и с точки зрения эффективности (да и оптимизации расходов) было бы логично увидеть IPO узбекских компаний на AIX — сегодня это единственная площадка в регионе с максимально комфортным инвестиционным климатом и инфраструктурой. Еще в 2019 году тогдашний председатель правления AIX **Тим Беннетт** заявлял о готовности обеспечить доступ узбекским эмитентам к иностранному капиталу на выгодных условиях. Сегодня биржа находится в полномасштабной операционной фазе и готова к IPO любого масштаба. «Узбекские компании могут получить доступ ко всем видам услуг, которые предоставляют ведущие мировые биржи, без «потери» на крупных биржевых рынках, таких как Лондон», — говорит Беннетт.

Интересным примером для Узбекистана мог бы стать кейс казахстанской национальной атомной компании «Казатомпром». В 2018 году государство выставило на продажу всего 15% акций предприятия, но при этом получило рост акций в 25%. «Это образцовый пример того, как можно успешно продать часть национальной компании, по-настоящему вовлечь инвесторов и потом пожинать плоды в виде роста цены акций...» Первые и пока единственные в истории Узбекистана IPO компаний «Кварц» и «Жиззах пластмасса» были проведены на республиканской фондовой бирже «Тошкент» в 2018 и 2019 годах соответственно, однако IPO на AIX выглядит предпочтительнее с точки зрения признания компаний и ее акционеров международным бизнес-сообществом.

С другой стороны, увеличение регионального присутствия на AIX могло бы дать большой импульс для развития центральноазиатской экономики в целом, поскольку инвесторы больше заинтере-

Капитализация акций на фондовой бирже

сованы во всем регионе, а не в какой-то отдельной стране. «Чем шире выбор возможностей для инвестора, тем больше вероятность того, что он будет инвестировать в Центральную Азию. Поэтому МФЦА хотел бы предоставить участникам рынка максимум возможностей на благо всего региона», — поясняет Беннетт. Кроме того, пандемия задала тренд на регионализацию, давая возможность старым соседям перезапустить отношения, а в отдельных случаях — узнать друг друга заново.

Одна биржа хорошо, а две — лучше

Запуск AIX окончательно закрепил за Казахстаном статус лидера регионального фондового рынка. До этого, по сути, единственной полноценной структурой была только алматинская KASE. Ее капитализация и обороты измеряются десятками миллиардов долларов, и это на порядок больше масштабов узбекской фондовой биржи «Тошкент» (капитализация около 5 млрд долларов) и тем более Киргизской фондовой биржи (КФБ) с капитализацией всего несколько сотен миллионов долларов. И тем не менее почти за три десятилетия своего существования KASE не вывела Казахстан из группы так называемых фронтальных (пограничных) рынков, которые характеризуются скромными объемами, малой ликвидностью и слабой интеграцией в мировую экономику. К этому можно было бы добавить слабую инфраструктуру и чрезмерную зарегулированность.

Именно на AIX были выпущены первые в Казахстане «зеленые» облигации АО «ФРП «Даму» в рамках соглашения с ПРООН, а также проведены первые кросс-листинги исламских финансовых инструментов сукук Катарского международного исламского банка и Исламского банка развития — это, безусловно, знаковые события не только для местного, но и регионального фондового рынка. Многообещающе выглядит сектор юниорских горнорудных компаний с учетом

того, что регион, как и сам Казахстан, богат природными ресурсами. Некоторым проектам в силу специфики требуется время. «Не каждый день кто-то решает построить ветровую станцию стоимостью 500 млн долларов или инвестировать в строительство школы по канонам шариата», — объяснял Тим Беннетт. Да и пандемия сделала свое дело — например, многие компании, особенно в госсекторе и из отраслей, наиболее пострадавших от коронакризиса, изменили планы по выходу на IPO в ожидании более благоприятной и предсказуемой конъюнктуры рынка. При этом не нужно забывать, что AIX существует всего лишь три года, тогда как большинству площадок в мире 25, 50, 100 лет.

А что у соседей?

Сегодня на пять республик Центральной Азии приходится шесть фондовых бирж, и, если вынести за скобки казахстанские KASE и AIX, узбекская «Тошкент» представляется наиболее активной. Сегодня власти Узбекистана ставят задачу максимально нарастить емкость фондового рынка. В апреле президент Шавкат Мирзиёев издал указ «О мерах по дальнейшему развитию рынка капитала», в соответствии с которым рынок ценных бумаг к 2023 году должен достигнуть 5% ВВП. В указе перечислены предприятия, акции которых подлежат публичному размещению через фондовую биржу с 2021 по 2023 год. А с 2023 года узбекские эмитенты получают право размещать акции на зарубежных фондовых рынках при условии их предварительного размещения на «Тошкенте». Среди компаний, чьи акции в соответствии с указом могут появиться на бирже в ближайшие два года, есть несколько крупнейших металлургических и горно-металлургических предприятий.

«Эти размещения должны привлечь на Ташкентскую фондовую биржу значительный иностранный и местный капитал, повысив ликвидность и интерес к рынку», — считает инвестиционный управляющий фонда AFC Uzbekistan Скотт Ошерофф. Минфин Узбекистана также анонсировал запуск биржевых инвестиционных фондов (ETF), в том числе «золотых», выпуск ипотечных облигаций, исламских сукук и т. д. Впрочем, на фондовом рынке Узбекистана остается немало проблем. По мнению основателя компании BeTrader Акмаля Джалилова, к главным сложностям относятся нехватка нормативно-правовой базы, отсутствие представительств крупных брокеров и слишком укорененная бюрократия.

Почти «бумажные» проекты

Киргизская фондовая биржа, созданная в 1994 году, сейчас имеет 17 акционеров,

в числе которых казахстанская биржа KASE и стамбульская BORSA Istanbul. Сегодня на ней зарегистрировано 18 акций и девять облигаций, объем торгов не превышает 1 млн долларов в месяц. В 2020 году, спустя четверть века после основания, на ней провели такти первое IPO финансовой компании «Сенти».

Таджикская Центральнo-Азиатская фондовая биржа (CASE) сегодня фактически не работает, несмотря на то что в числе ее акционеров значится британская компания GMEX Group, которая занимается инновациями и технологиями в области финансовых рынков.

В Туркменистане несколько лет назад была создана Ашхабадская фондовая биржа, однако о какой-то ее систематической деятельности ничего не известно — у площадки даже нет своего сайта. Тем не менее туркменские СМИ сообщают, что представители биржи ведут переговоры о сотрудничестве с коллегами из России и Индии, а на бирже уже продавались акции двух акционированных государственных банков.

На пути к единому пространству

Сегодня наиболее развитые финансовые рынки среди стран Центральной Азии имеют Казахстан и Узбекистан, резюмирует главный экономист рейтингового агентства «Эксперт РА» Антон Табах: «В Казахстане мы отмечаем достаточно развитый, хотя и своеобразный фондовый рынок и развитую банковскую систему. В Узбекистане они развиты в меньшей степени, но государство сейчас активно над этим работает. Что касается остальных стран Центральной Азии, то их финансовые рынки находятся на ранних стадиях развития».

Основная дальнейшая траектория просматривается вполне отчетливо — интеграция фондовых рынков в рамках ЕАЭС. Казахстан и Кыргызстан уже являются членами этого альянса, Узбекистан с прошлого года имеет статус наблюдателя, а Таджикистан стал полноправным участником Евразийского банка развития. В 2019 году главы государств ЕАЭС одобрили Концепцию формирования общего финансового рынка ЕАЭС, годом позже — Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года.

Ключевыми элементами формирования общего финансового рынка Центральной Азии являются гармонизация законодательства, формирование общей рыночной инфраструктуры, общего биржевого и платежного пространства, развитие и внедрение перспективных финансовых технологий, обеспечение

Количество котирующихся акций

кибербезопасности и защита прав потребителей финансовых услуг. К 2025 году предполагается создание наднационального органа по регулированию общего финансового рынка. Евразийская экономическая комиссия уже предпринимает попытку развития трансграничного оборота капитала через Международный финансовый центр «Астана», с которым она подписала меморандум о сотрудничестве.

Конечно, возможны и другие пути развития фондового рынка Центральной Азии, например, если все страны региона попытаются развивать локальные фондовые биржи. Но в таком случае не совсем ясно, каковы могут быть функции небольших фондовых бирж в странах с неразвитым финансовым рынком. Потребности компаний всех государств Центральной Азии вполне могут удовлетворить главные биржи региона. В этой роли и так уже выступают биржи Казахстана, хотя массового выхода центральноазиатских эмитентов пока не видно — прежде всего потому, что этому препятствуют национальные законодательства. По мере их либерализации казахстанские биржи, несомненно, станут «перетягивать» ценные бумаги из соседних стран. А это рано или поздно произойдет: например, Узбекистан уже анонсировал разрешение своим эмитентам выходить на зарубежные рынки.

Хотя это не означает, что для локальных бирж не будет места, — всегда остается возможность «понизить планку» и вовлечь в рынок компании третьего эшелона. Однако параллельно будет развиваться глобализация мирового финансового пространства, а вместе с ним — формирование единого биржевого пространства ЕАЭС. Таким образом, разные контуры фондового рынка будут находиться в острой конкуренции между собой, и остается только надеяться, что это будет способствовать качеству инфраструктуры каждого из них. ■

Константин Фрумкин

Экономика становится частной

Приватизация должна помочь странам Центральной Азии привлечь необходимые компетенции и повысить уровень корпоративного управления

EAST NEWS

Приватизация является важной частью текущей экономической повестки Центральной Азии. Правительства всех пяти государств признали, что передача государственных активов частному сектору повышает эффективность экономики, в связи с чем в последние два года волна приватизации охватила все страны региона практически синхронно, однако ее темпы и глубина различны.

Отдать бразды правления капитализму

В Казахстане приватизация развернулась сразу после получения независимости и шла ровными, но уверенными темпами: большая часть жилого фонда передана гражданам, многие совхозы приватизированы трудовыми коллективами, а к горнорудной промышленности допущены иностранные инвесторы. В стране сформировался собственный класс капиталистов. При

этом существуют и государственные холдинги.

Самые важные активы сосредоточены под управлением государственного инвестиционного фонда «Самрук-Казына», но в сфере добычи полезных ископаемых государство активно сотрудничает с зарубежными партнерами. В то же время «Самрук-Казына» сегодня реализует программу трансформации с целью вывода крупных компаний на уровень лучших зарубежных аналогов по опе-

рационной эффективности. Стратегия фонда разработана по опыту ведущих суверенных фондов, таких как сингапурский Temasek, малазийский Khazanah и арабский Mubadala. После обновления в 2019 году программа сфокусировалась на преобразовании и совершенствовании управленческих и производственных процессов, а также на проектах в области ключевого бизнеса компаний, обучении кадров и усилении безопасности, в том числе информационной.

Сегодня реализуются 149 проектов и мероприятий в шести портфельных компаниях Казахстана, таких как «Казатомпром», «Казахстанские железные дороги» (КТЖ), «КазМунайГаз» (КМГ), «Казпочта», «Самрук-энерго» и компании по управлению электрическими сетями KEGOC. Планируется, что дополнительная прибыль от повышения эффективности управления госактивами к 2024 году составит 226 млрд тенге.

«В Казахстане государство имеет большое влияние на нефтяной сектор, но в нем доминируют разного рода соглашения о разделе продукции (СРП) и концессии. Также государство сильно представлено в банковском секторе, хотя после нормализации ситуации государство распродало все ценные активы, — говорит главный экономист рейтингового агентства “Эксперт РА” **Антон Табах**. — Сегодня Казахстан — это, пожалуй, наиболее частная экономика во всей Центральной Азии».

В 2018 году **Нурсултан Назарбаев** поставил стратегическую цель снизить долю госсектора в экономике до 15%, а уже через год министр национальной экономики **Руслан Даленов** отчитался о снижении до 16%. Однако многие эксперты признают, что измерить истинную долю госсектора трудно ввиду большого количества предприятий со смешанной собственностью или сложным юридическим статусом. Так или иначе, в 2020 году был утвержден новый комплексный план приватизации на 2021–2025 годы, который включает 675 объектов, почту, «Казахтелеком», государственную авиакомпанию, энергетический, нефтегазовый и горнорудный холдинг.

На повестке дня поиск стратегических инвесторов, способных привнести в экономику новые компетенции. При этом важнейшим каналом взаимодействия с казахстанскими предприятиями должны стать Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА) и его биржа AIX, которой предстоит стать ключевой площадкой для продажи наиболее значимых активов. Благодаря особому правовому режиму вхождение иностранных инвесторов через AIX будет облегчено, а

ценные бумаги приватизируемых предприятий окажутся в одном ряду с уже котирующимися на бирже казахстанскими и зарубежными активами, что будет способствовать их справедливой оценке.

Власти решили ослабить хватку

Аналогичные процессы происходят и в Узбекистане. Сегодня здесь на самом высоком уровне признают, что роль государства в экономике избыточна. Но, несмотря на то что в предшествующие 30 лет в стране было приватизировано более 33 тыс. государственных объектов и предприятий, эффективную либерализацию экономики так и не удалось осуществить. По последним данным, количество государственных предприятий в Узбекистане составляет более 2,5 тыс., доля госсектора в экономике остается высокой — 55% против стандартной 20%.

В 2020 году президент **Шавкат Мирзиёев** фактически дал старт новой масштабной приватизации, подписав указ, согласно которому 620 госактивов будут выставлены на публичные торги. Это значит, что в ближайшие годы количество предприятий с государственным участием должно быть сокращено в четыре раза. К этому процессу подключатся иностранные консультанты: побывавший в октябре 2021 года в Ташкенте представитель компании Rothschild & Co барон **Эрик де Ротшильд** выразил заинтересованность в сотрудничестве по прединвестиционной подготовке госпредприятий.

«Оценивать итоги приватизации пока рано, но сам процесс, полагаем, идет успешно, в соответствии с планами привлечены международные и иностранные экспертные организации. Процесс приватизации организован с акцентом на прозрачности, ясности и доступности» — констатирует **Ильхом Азизов**, старший партнер юридической фирмы «Азизов и партнеры». Тем не менее важной проблемой для будущих покупателей госактивов в Узбекистане является непредсказуемость государственной бюрократии, коррупция и еще не завершившиеся после смены президента процессы транзита власти.

В мае 2021 года о начале программы приватизации объявил президент Кыргызстана. В собственности государства сегодня находятся около 170 различных акционерных обществ и предприятий. Как заявила начальник управления политики государственной собственности министерства экономики и финансов республики **Эльдана Сатарова**, после реструктуризации госсобствен-

ности останутся два-три госхолдинга в топливно-энергетическом комплексе, горнодобывающей отрасли и в сфере управления прочими активами. Точный перечень предназначенных для приватизации объектов пока не сформирован, но, как заявил в начале октября председатель Фонда управления госимуществом **Мирлан Бакиров**, если будет принята программа приватизации, бюджет Кыргызстана в 2021 году может пополниться на 1 млрд сомов (860 млн рублей). Среди предприятий, которые могут быть выставлены на продажу, — доля в акционерном обществе «Альфа Телеком», несколько банков, золотодобывающая компания «Кыргызалтын», международный аэропорт и два телеканала.

Под полным контролем сверху

В Таджикистане каких-то особых программ приватизации не принималось. По данным Всемирного банка на май 2019 года, государственные предприятия и компании составляли основную часть промышленного сектора страны, производя более 70% от общего объема промышленного производства. По состоянию на 2016 год насчитывалось около 908 учреждений и предприятий с мажоритарным долевым участием государства. В большинстве своем они нерентабельны, не платят налоги, постоянно претендуют на льготы, подавляют конкуренцию и плохо обслуживают потребителя, отмечает главный редактор представительства Института по освещению войны и мира (IWPR) в Таджикистане **Марат Мамадшоев**. По его мнению, Таджикистан должен начать приватизацию, чтобы избавиться от этих неэффективных предприятий. Но на данный момент пока только формально озвучены планы приватизации таких крупнейших монополистов, как «Железная дорога», «Таджик Эйр», «Таджиктелеком», «Телерадиоком» и «Таджикхимпром». С недавнего времени реально разрешена приватизация только двух крупнейших предприятий страны — Рогунской ГЭС и Таджикской алюминиевой компании (ТАЛКО). Но для них еще нужно найти стратегических инвесторов.

Что происходит с приватизацией в Туркменистане, точно никто не знает, однако, по сообщениям экономического обозревателя редакции CentralAsia. News **Валентины Трапезниковой**, доля государственных предприятий с 2013 по 2020 год уменьшилась с 22,4 до 18,4%, было приватизировано более 500 объектов. Причем ключевыми субъектами рыночных отношений Туркменистана являются индивидуальные предприниматели. ■

Василий Львов

Прогноз благоприятный

Евгений Винокуров, главный экономист Евразийского фонда стабилизации и развития и Евразийского банка развития

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

— С точки зрения геоэкономики, какие факторы определяют значение Центральной Азии, как эти факторы менялись за вот эти последние 30 лет?

— Во-первых, за эти 30 лет страны Центральной Азии прошли серьезную трансформацию. Регион стал крупным, значимым и быстрорастущим. Эта трансформация еще не полностью осознана в мире. ВВП региона в 2021 году превысит 300 млрд долларов по сравнению с 42 млрд в 2000 году. То есть в среднем за последние 20 лет центральноазиатская экономика росла на 6,7% в год. И если в 2000 году совокупный ВВП стран Центральной Азии на душу населения по паритету покупательной способности был в шесть раз ниже показателя развитых стран, то в 2020-м разрыв в уровне благосостояния уменьшился до 2,6 раза. То есть экономический рост отражается на благосостоянии людей.

Во-вторых, у Центральной Азии благоприятные перспективы на ближайшие 20 лет.

В этот период в регионе крайне благоприятная для роста демографическая

ситуация. Это так называемая елочка по распределению возрастных категорий, при которой обеспечивать рост легче всего, потому что доля работоспособного населения оптимальна, относительная доля пенсионеров еще не начинает давить на экономические перспективы, на бюджет, сбережения и инвестиции.

Также появляются перспективы как минимум частичной победы над тем, что называется «континентальное проклятие». Четыре из пяти стран Центральной Азии не имеют выхода к морю, что, по нашим оценкам, стоит государствам региона до 1,5% ежегодного роста за счет транспортных издержек и за счет того, что многие ниши производственные просто не освоишь в силу того, что транспортная логистика не позволяет. И вот сейчас появились перспективы изменения ситуации. В первую очередь реально заработало транспортное направление «Восток—Запад». За десять лет объем перевалки контейнеров по оси «Китай—ЕАЭС—Западная Европа» и назад вырос с 7 тыс. до 600 тыс. ДФЭ (эквивалента 20-футового контейнера), и этот рост продолжается. Две трети потока идет через Казахстан, а одна треть — через рос-

сийский Транссиб. Сейчас открывается окно возможностей по похожему решению проблемы в России «Север—Юг», то есть из России, далее на юг, включая Казахстан, Туркменистан, дальше на Иран, Пакистан и Индию. Китай в этом заинтересован, и Россия готова к активизации поставок. И вот если это реализуется, то Центральная Азия превращается даже в какой-то степени в транспортный перекресток. По нашим расчетам, синергия направлений «Восток и Запад» и «Север и Юг» дает 40% дополнительного прироста за счет проявления новых возможностей для перевозок.

— Какое влияние на эту меняющуюся геоэкономическую роль оказывали программы модернизации в странах региона?

— Для Казахстана основная задача экономической политики заключается в том, чтобы перейти от стратегии роста, которая основана на экспорте нефти, металлов, к структурному реформированию, к расширению промышленного потенциала, повышению инвестиционной привлекательности бизнеса, улучшению условий ведения бизнеса. В Казахстане реализован ряд комплексных программ, включая программу «Нұрлы жол», целью которой является модернизация инфраструктуры. И запущен целый ряд государственных инициатив, таких как «Экономика простых вещей», «Дорожная карта бизнеса». Утверждены десять национальных проектов до 2025 года включительно с целью повысить эффективность реализации стратегии «Казахстан-2050». Финансирование проекта предполагает выделение 16 трлн тенге из бюджета и привлечение 33 трлн частных инвестиций в течение пяти лет. Эти средства пойдут на модернизацию как материальной инфраструктуры, так и нематериальной. Следует отметить большие успехи в выстраивании эффективной инфраструктуры финансового рынка в Казахстане. В последние годы усовершенствованы подходы к макропруденциальному надзору. Банковский сектор очищен от неработающих кредитов. Расчищена дорога к будущему устойчивому росту. В активную фазу вошла

работа Международного финансового центра «Астана». На его базе созданы благоприятные условия для привлечения международных участников и, в частности, для бурного развития «зеленых» и социальных инвестиций. Есть международное признание этих усилий в ESG-направлении.

Узбекистан открылся региону и миру с 2017 года. Проведенные преобразования заметно улучшили инвестиционный климат, повысили потенциал привлечения внешних инвестиций. Так, по оценкам в рамках проекта «Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР», за последние четыре года только российские вложения в Узбекистан выросли вдвое. Что особенно важно, политика экономической открытости Узбекистана выгодна всему региону, в том числе и государствам вне региона, в плане торгового, инвестиционного потенциала, транспортных коридоров, развития энергетики и водопользования.

— *Какую роль в экономике стран региона играют основные интеграционные проекты, ЕАЭС и «Один пояс — один путь»?*

— Прежде всего эти два проекта друг другу не противоречат, у них достаточно успешная синергия. Страны Евразийского союза объективно заинтересованы в том, чтобы развивать свой транспортный потенциал. А история успеха контейнерного транзита из Китая в Европу стала возможной потому, что Китай дал достаточно существенные субсидии контейнерным перевозкам, на уровне провинции фактически обнулив стоимость транзита до своих западных границ.

Сам же ЕАЭС дает странам-участницам прежде всего обнуление внутренних таможенных пошлин, то есть единое таможенное пространство. Общий рынок труда Евразийского союза второй по глубине и эффективности в мире после европейского. Этот элемент часто недо-

оценивается, но именно он больше всего виден конкретным людям, миллионам мигрантов из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, которые работают в России и в Казахстане. А мигранты сегодня производят порядка 6% российского ВВП. В Кыргызстане и Таджикистане денежные переводы трудовых мигрантов — это порядка 30% ВВП.

— *ЕАБР является акционером Центра «зеленых» финансов Международного финансового центра «Астана». Как вы видите роль МФЦА в продвижении «зеленой» повестки дня в Казахстане и в регионе?*

— Исходя из того, что мы видим в течение последнего года, МФЦА становится пионером, лидером по структурированию и продвижению «зеленого» и социального финансирования. А это под собой несет не только объемы размещенных облигаций, но и развитие центра экспертизы, который нужен всему центральноазиатскому региону и Евразийскому союзу.

С 1 июля на территории ЕАЭС функционирует сервис «Работа без границ» — первый шаг к созданию полноценной цифровой экосистемы в сфере занятости

Общий рынок труда Евразийского союза второй по глубине и эффективности в мире после европейского. Этот элемент часто недооценивается, но именно он больше всего виден конкретным людям, миллионам мигрантов из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, которые работают в России и Казахстане

Василий Львов

Пять дверей для иностранных инвесторов

Какова специфика инвестиционного климата с центральноазиатским колоритом

EAST NEWS

Центральная Азия в последние годы привлекает пристальное внимание международных инвесторов. Этому способствуют богатые природные ресурсы региона, быстрорастущая в численности рабочая сила, меры по улучшению делового климата, синхронно принимаемые правительствами нескольких стран региона, и, наконец, ранний этап развития несырьевых отраслей экономики, обещающий высокие темпы роста вследствие эффекта низкой базы. По данным экспертов, потенциал по привлечению прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в несырьевые от-

расли региона составляет 40–70 млрд долларов. Приоритетными являются переработка сельхозпродукции, нефтехимия и туризм. Также в качестве недоинвестированных вполне можно рассматривать секторы информационных технологий, финансовых услуг, строительство, машиностроение и химическую промышленность.

Две трети инвестиций за Казахстаном

История взаимодействия пяти стран Центральной Азии с иностранными инвесторами совсем неодинакова. Вплоть до последнего времени примерно две трети приходящих в регион иностранных

инвестиций приходилось на Казахстан. По данным национальной статистики, за время независимости страна получила более 350 млрд долларов ПИИ. Даже в сложном 2020 году, когда в результате резкого падения объемы глобальных прямых иностранных инвестиций откатились на уровень 2005 года, Казахстан среди всех центральноазиатских стран сумел показать наибольший прирост чистого объема прямых иностранных инвестиций не только среди стран региона, но и среди 17 стран с переходной экономикой. По данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), в прошлом году в страну пришло на 34,9% больше ПИИ, чем в 2019 году.

«Казахстан давно и успешно работает над созданием условий для привлечения инвестиций», — комментирует директор Центра исследования экономической политики экономического факультета МГУ **Олег Буклемишев**. Руководство страны последовательно работает над снижением административных барьеров, принимает меры по повышению качества внутреннего правового регулирования, защите прав и собственности иностранных инвесторов. Так, был утвержден Предпринимательский кодекс с прописанными гарантиями защиты прав и собственности предприятий и инвесторов, введены должности бизнес-омбудсменов, учреждена специальная судебная коллегия при Верховном суде Казахстана для рассмотрения споров, связанных с выполнением взаимных обязательств по инвестиционным контрактам.

Среди инвесторов преобладают страны Запада: на ЕС приходится более половины всех вложений в казахстанскую экономику. А среди крупнейших инвесторов можно назвать Нидерланды, осуществляющие 29% ПИИ в Казахстан, за ними следуют США — 18%, Швейцария — 14% и Россия — 6%. Как и в других странах этого региона, иностранных инвесторов интересуют в основном богатые запасы полезных ископаемых: большая часть инвестиций осуществляется в угольную, нефтяную, газовую промышленность (49,5%) и металлургию (14,6%). При этом инфраструктурные отрасли, такие как транспорт и возобновляемые источники энергии, получают меньшую долю прямых иностранных инвестиций. По мнению экспертов, в Казахстане, где выработано современное либеральное законодательство и имеется долгий опыт взаимодействия с иностранными партнерами, инвесторы должны искать новые, вероятно, высокотехнологические ниши.

Инвестиционной привлекательности Казахстана способствует внешняя политика страны, которая отличается гибкостью: эксперты отмечают исключительное умение властей находить общий язык с могущественными партнерами, такими как США, Китай и Россия. Правительство сделало улучшение инвестиционного климата и условий для бизнеса одним из государственных приоритетов, а последние реформы страны приблизили ее к международным стандартам по ряду параметров. Например, Казахстан снял ограничения на иностранный капитал в сфере воздушных перевозок и фиксированной связи, тем самым открыв путь для иностранного владения компаниями. Правительство также стремится улучшить защиту иностранных инвестиций и предоставить

результативные механизмы разрешения споров.

На пороге экономической свободы

Узбекистан, реализуя программу реформ, сегодня пытается компенсировать упущенное время и всеми силами интенсифицировать приток иностранных инвестиций. Принятая в стране трехлетняя инвестиционная программа до 2022 года рассчитана на привлечение более 35 млрд долларов извне. Приток ПИИ постепенно растет и в прошлом году достиг рекордных 6,6 млрд долларов. В отчете Doing Business по итогам 2020 года Узбекистан поднялся на 69-е место в списке из 190 стран по индикатору легкости ведения бизнеса, притом что в 2013 году страна находилась на 154-м месте.

В настоящее время самыми активными инвесторами в узбекскую экономику являются Китай, Россия, Турция и Германия. Их привлекают добыча и переработка полезных ископаемых, химическая промышленность, строительство, аграрный сектор, производство электротехнического оборудования и текстильных изделий. По состоянию на 1 октября 2021 года в Узбекистане насчитывалось 13 тыс. предприятий с иностранным участием. Пока еще больше всего предприятий с российским капиталом, но

«Прорыв Узбекистана во многом — это эффект низкой базы. Страна долгое время была закрыта. Но сейчас мы видим ее открытие внешним инвесторам, а также попытки использовать глубину внутреннего рынка. Узбекистан — тоже landlocked (не имеющая выхода к морю. — “Эксперт”) страна, как и другие страны Центральной Азии, поэтому здесь есть два перспективных направления — ориентация на внутренний рынок и развитие сектора природных ресурсов», — объясняет инвестиционный рост страны Олег Буклемишев.

Однако имеются и риски — такие как отсутствие независимой и предсказуемой судебной системы, значительный объем фактически судебных функций у административных и правоохранительных органов, отсутствие ясных перечней налоговых и таможенных льгот по секторам экономики и понятных административных процедур. К этому надо добавить такие проблемы узбекской экономики, как высокая инфляция, слабая диверсификация портфеля торговых партнеров (крупнейшие из них — Китай, Россия и Казахстан), возможный негативный эффект от замедления экономического роста в Китае или России, риск резкого роста безработицы в результате возвращения трудовых мигрантов из-за смены миграционной политики в принимающих

Потенциал по привлечению прямых иностранных инвестиций в несырьевые отрасли региона составляет 40–70 млрд долларов. Приоритетными являются переработка сельхозпродукции, нефтехимия и туризм

наибольшую динамику по количеству новых компаний демонстрируют турецкие предприниматели.

По мнению старшего партнера юридической фирмы «Азизов и партнеры» **Ильхома Азизова**, основными факторами привлекательности Узбекистана для иностранных инвесторов являются наличие развитых индустрий, таких как аграрный сектор, металлургия, добыча и химическая промышленность; избыток недорогой рабочей силы; территориальная расположенность в центре транснациональных магистралей между Азией и Европой и наличие существенного внутреннего рынка сбыта — почти 35 млн населения.

странах и, как следствие, риск социальной напряженности из-за повышения цен.

Возможности для рискованных инвесторов

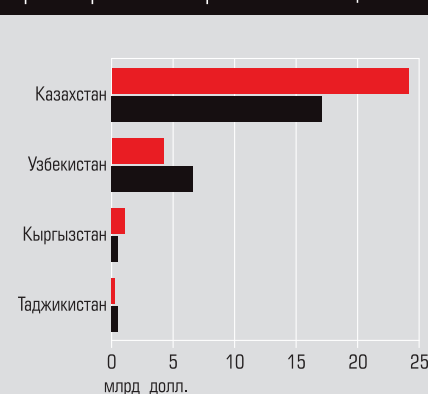
В отличие от Казахстана и Узбекистана у Кыргызстана нет существенных нефтегазовых ресурсов. На репутацию страны крайне негативное влияние оказал конфликт правительства с инвесторами крупнейшего в стране месторождения золота Кумтор. Бишкек обвинил владельца месторождения, канадскую компанию Centerra Gold Inc., в грубом нарушении экологических норм. Сейчас на Кумторе введено внешнее управление, над иностранными инвесторами

Место стран Центральной Азии в индексе человеческого развития ООН (2020)

Источник: ООН

Приток прямых иностранных инвестиций

Источник: по данным национальных статистик

Положение стран Центральной Азии в рейтинге Doing Business 2020

Страна	Общее положение в рейтинге	Старт бизнеса	Защита миноритарных акционеров	Исполнение контрактов
Казахстан	25	22	7	4
Узбекистан	69	8	37	22
Кыргызстан	80	42	128	134
Таджикистан	106	36	128	76

Источник: Всемирный банк

нависает угроза потери актива, а правительство Кыргызстана столкнулось с международными судебными исками.

В начале 2021 года тенденция к снижению притока инвестиций в республику продолжилась — за первые три месяца этого года инвесторы вложили всего 112 млн долларов. Серьезно снизили свое участие в экономике Кыргызстана постоянные инвесторы — Канада, Швейцария, Нидерланды. Отток капиталов свидетельствует о том, что вести бизнес в этой стране стало для инвесторов невыгодно, некомфортно или, более того, опасно из-за политической нестабильности. «В Кыргызстане очень тяжелые политические условия для инвесторов, связанные не столько с законодательством, сколько с политической нестабильностью в стране, — утверждает профессор НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник МГИМО Андрей Казанцев. — Основной инвестиционный проект “Кумтор” пересмотрен в одностороннем порядке. Были российские инвестиции в области гидроэнергетики, но высокой прибыльности они не показали. В основном, если Россия инвестирует в Кыргызстан, то это связано с политикой. Например, “Газпром” купил “Кыргызнефтегаз”, но это была политическая инвестиция, то есть не для прибыли, а наоборот, для того чтобы снабжать Кыргызстан дешевым газом». Впрочем, в части «политических инвестиций» Россия не может соперничать с Китаем. Половина внешнего долга Кыргызстана (1,8 млрд долларов) приходится на Китай. Китайские инвестиции составляют более половины из входящих в страну ПИИ, а на фоне резкого

уменьшения инвестиций с Запада эта доля резко возрастает. В Кыргызстане работают более 400 китайских и около 200 совместных китайско-киргизских компаний.

Тем не менее у страны есть инвестиционный потенциал. По мнению исполнительного директора фонда Fair and Sustainable Development Solutions (FSDS) Мурата Исмаилова, в Кыргызстане можно выделить пять отраслей, перспективных для привлечения иностранных инвесторов: разработка месторождений полезных ископаемых, сфера услуг, гидроэнергетика, сельское хозяйство и информационные технологии.

Так же как и в Кыргызстане, в Таджикистане наблюдается резкий спад объема иностранных инвестиций. В 2020 году приток ПИИ в экономику страны сократился на 47% и достиг всего 428 млн долларов. «В этом году ожидается их (ПИИ. — “Эксперт”.) снижение на 5–10%», — оценил ситуацию на пресс-конференции в Душанбе в начале этого года председатель Госкомитета по инвестициям и управлению госимуществом Таджикистана Сади Кодирзода. В Таджикистане также сегодня главным инвестором является Китай, который интересуется горнодобывающей и перерабатывающей промышленностью. Россия, которая построила Сангтудинскую ГЭС и фактически контролировала мобильную связь в стране, чьи суммарные инвестиции превышают 1,6 млрд долларов, потеряла лидерство по вложениям в экономику Таджикистана, пропустив Китай вперед. Посол России в Таджикистане Игорь Лякин-Фролов объясняет это вы-

сокими налоговыми ставками и неблагоприятным инвестиционным климатом. К числу рисков для инвесторов в Таджикистане относят не только бюрократию и коррупцию, но и такой неблагоприятный фактор, как близость к нестабильному Афганистану. Определенно инвестиционный климат в стране не самый лучший. Но таджикские власти заявляют о намерениях существенно улучшить экономические показатели страны в самое ближайшее время. В Национальной стратегии развития правительство страны планирует к 2030 году вдвое сократить бедность и повысить внутренние доходы в 3,5 раза. «Данные показатели будут достигнуты при условии, что Таджикистан преобразует свою текущую модель роста и предоставит частному сектору больше возможностей для инвестирования, создания рабочих мест и внесения своего вклада в инновации и рост», — комментируют стратегию эксперты Всемирного банка. Насколько удастся Таджикистану достигнуть поставленных целей — большой вопрос. В опубликованном отчете «Инвестиционный климат в Таджикистане 2020» Госдепартамент США характеризует страну как место, сложное для ведения бизнеса в силу ряда факторов. «Кыргызстан и Таджикистан, к сожалению, очень бедные, ориентированные на экспорт избыточных работников страны с маленьким рынком труда, — считает Антон Табах, “Эксперт РА”. — Перспективным направлением там является добыча природных ресурсов (особенно в Таджикистане), а также развитие бизнеса, ориентированного на туризм и рекреацию».

Территория для «полезных» инвесторов

Туркменистану, несмотря на закрытость, тоже так или иначе удастся налаживать взаимоотношения с зарубежными инвесторами. Как заявил в этом году председатель Государственного банка внешнеэкономической деятельности Туркменистана Рахимберды Джеббаров, за последние годы в экономику привлечено порядка 15 млрд долларов иностранных инвестиций. 52% из них направлены на развитие нефтегазовой сферы, 18% — химической промышленности, 10% — транспортно-коммуникационной инфраструктуры, 11% — сельского хозяйства и 9% — энергетики. Состав стран-инвесторов, если верить заявлению главы Внешэкономбанка, довольно необычен для Центральной Азии: 47,4% иностранных инвестиций в Туркменистан приходится на Японию, 19% — на Корею, 11% — на Саудовскую Аравию. Из последних проектов с иностранными инвестициями можно

МФЦА — крупнейшая реформа на постсоветском пространстве

Позицию Казахстана как «точки входа» в регион для иностранных инвесторов укрепило создание Международного финансового центра. В 2015 году Первый Президент Казахстана **Нурсултан Назарбаев** принял решение создать Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА), интересы участников которого защищал бы независимый от судебной системы Казахстана суд, работающий в рамках английского права. Чтобы создать правовой анклава в системе континентального права Казахстана, потребовалось внести изменения в конституцию страны и принять несколько десятков законодательных и нормативных актов. Подготовительная работа заняла у Казахстана три года — очень короткий срок, по оценкам экспертов.

За три года работы МФЦА его участниками стали более тысячи компаний из более чем 60 стран мира. В первую очередь инвесторов привлекает в МФЦА тот факт, что сделки здесь структурируются в рамках английского общего права, основанного на судебном прецеденте. Участники МФЦА указали Суд МФЦА и Международный арбитражный центр (МАЦ) в качестве площадок для разрешения споров более чем в 5000 заключенных контрактов. Дела в Суде МФЦА ведут восемь британских судей во главе с председателем — лордом **Джонатаном Хью Мансом**, бывшим заместителем председателя Верховного суда Великобритании. На площадке МАЦ работают более 40 международных арбитров и медиаторов, которые с 2018 года провели более 760 арбитражных и медиативных разбирательств.

Если говорить о Центральной Азии, то МФЦА сегодня является

единственным финансовым центром в регионе — площадкой с понятной инвестору системой разрешения споров, базирующейся на прецедентном праве, с современной биржевой инфраструктурой, комфортными налоговыми и административными условиями. «Для входящих в регион компаний МФЦА, с нашей точки зрения, выступает безальтернативной площадкой», — считает **Дмитрий Родин**, глава инвестиционной компании Advantage Kazakhstan. С ним согласен и **Рафаэль Нагапетьянц**, партнер инвестиционной компании Movchan's Group, отметивший, что у Movchan's Group есть планы по развитию бизнеса не только в Казахстане, но и в Узбекистане. «Мы рассматриваем как точку входа исключительно МФЦА, где есть английское право, создана инфраструктура, есть человеческий капитал», — отмечает Нагапетьянц.

Ключевые инструменты, с помощью которых бизнес привлекает внешние капиталы, а инвесторы вкладывают свои деньги, находятся на бирже МФЦА — Astana International Exchange (AIX). Сегодня здесь обращаются десятки ценных бумаг. Среди эмитентов AIX крупнейшие казахстанские, российские и международные компании, такие как «Казатомпром», Polymetal, Kaspi, Строительный банк Китая, Исламский банк развития и многие другие. С 2018 года с помощью инструментов, обращающихся на бирже МФЦА, компании привлекли более 321 млн долларов акционерного капитала и 9,7 млрд долларов долгового капитала.

Несмотря на кризис, интерес инвесторов к площадке AIX продолжает расти: за первое полугодие 2021 года объем торгов на бирже МФЦА

ПРЕСС-СЛУЖБА МФЦА

превысил 100 млн долларов, что в четыре раза превышает торговый оборот биржи за первые шесть месяцев 2020 года. Председатель правления AIX **Ренат Бектуров** объяснил рост серьезным интересом инвесторов к корпоративным облигациям и стабильному росту рынка акций. «AIX стала надежной биржей, к которой обращаются как инвесторы, так и эмитенты, чтобы удовлетворить свои потребности в инвестициях и финансировании», — подчеркнул Ренат Бектуров.

Инвестиции и капиталы, привлеченные на бирже МФЦА, были направлены эмитентами на развитие компаний и проектов в различных секторах экономики — горнодобывающей промышленности, атомной промышленности, ИТ-секторе, транспортной инфраструктуре, в области «зеленых» и социальных проектов и многих других. «Богатые сырьем страны, где создаются финансовые центры, таким образом посылают сигнал международному инвестиционному сообществу о том, что эти страны не только про нефть и газ, они еще про финансовый

рынок. К таким странам можно отнести ОАЭ с финцентром в Дубае, Казахстан с финцентром в Нурсултане, — комментирует инвестиционный стратег УК «Арикапитал» **Сергей Суверов**. — В финансовый сектор в основном приходят международные игроки, которые приносят новые технологии. Таким образом, экономика страны становится более диверсифицированной». «По моему мнению, Центр «зеленых» финансов МФЦА имеет самый значительный потенциал для экономики Казахстана, не только как платформа для содействия диверсификации и декарбонизации экономики, но и как механизм для заключения прибыльных сделок с зарубежными участниками в сфере возобновляемых источников энергии», — добавляет **Джеймс Грант**, программный директор Международного центра по налогам и инвестициям (США).

С момента начала своей работы МФЦА уже привлек в разные секторы экономики Казахстана 4,5 млрд долларов, цель финцентра — увеличить эту цифру до 10 млрд долларов к 2025 году.

отметить два соглашения на сумму 99,91 млн долларов, которые были подписаны в июне 2021 года между Фондом развития Абу-Даби и правительством Туркменистана. Одно соглашение предусматривает финансирование строительства аэропорта в Джебеле, второе — финансирование строительства гибридной электростанции мощностью 10 МВт. Инвесторов привлекают в Туркменистане не только богатые природные ресурсы, но и политическая стабильность в сочетании с отсутствием внешних рисков. Однако

с туркменскими властями сложно договориться. По словам профессора Андрея Казанцева, в Туркменистан вкладываются обычно крупные инвесторы, которые имеют политические контакты внутри своей страны, причем рассматриваются только влиятельные страны, такие как Турция или Китай.

Итак, инвестиционная привлекательность экономик Центральной Азии крайне неоднородна. Таджикистан и Кыргызстан грозят внешним инвесторам дестабилизацией политической об-

становки. Узбекистан вполне успешно пережил последний трансфер власти, но ему еще предстоит большая работа над прежними ошибками в работе с иностранным бизнесом. Туркменистан политически стабилен, но там определенно ждут только тех инвесторов, которые будут готовы полностью соблюдать специфические правила игры. Традиционно гостеприимным для иностранных инвесторов остается Казахстан, где система работы с инвесторами выстроена наиболее профессионально.

Иван Николаев

«Реформирование экономики всегда было приоритетом для руководства Казахстана»

Кайрат Келимбетов, Управляющий Международным финансовым центром «Астана»,

Председатель Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан

— **Т**ри десятилетия назад государства Центральной Азии обрели независимость. С какими вызовами столкнулись в то время Казахстан и его соседи? Как менялись задачи развития за эти годы?

— Главный вызов для всех постсоветских стран был очевиден — становление самостоятельного государства, создание институтов управления и развития. В сфере экономики мы должны были не только осуществить переход от плановой советской к рыночной экономике, но и восстановить, а иногда фактически с нуля выстроить экономические цепочки.

Оглядываясь назад, можно с уверенностью сказать, что все страны Центральной Азии справились с этой задачей. Конечно, не всегда и не у всех этот тридцатилетний путь был простым, но наши страны состоялись как независимые государства, смогли найти свое место в международной экономической системе.

Реформирование экономики всегда было приоритетом для руководства Казахстана, а реформы в нашей стране имели несколько отличительных черт. Уже на самом раннем этапе руководством страны были сформулированы стратегические направления, которым мы следовали все эти годы: открытость экономики, сочетание использования ресурсных богатств с курсом на диверсификацию, развитие человеческого капитала, социальный характер экономики. С самого начала был выбран вектор опережающей модернизации и повышения конкурентоспособности экономики. Это позволило нам подготовиться к будущим вызовам.

— Как вы видите место Казахстана в глобальной экономической системе?

— Казахстан продолжает развивать свои естественные преимущества, оставаясь важным для всего мира производителем и поставщиком природных ресурсов. Природные богатства страны — это прежде всего ресурс, позволяющий инвестировать в развитие других перспективных направлений экономики, в ее модернизацию и новые технологии. Кроме того, уникальное географическое расположение страны на перекрестке глобальных торговых путей позволяет нам стать важ-

ПРЕСС-СЛУЖБА МФЦА

ным международным транспортным хабом, центром новых торговых путей как внутри нашего региона, так и в рамках трансконтинентальных транспортных коридоров. Казахстан рассчитывает — в том числе с помощью Международного финансового центра «Астана» — стать воротами в наш регион для международных инвесторов, заинтересованных в сотрудничестве в рамках интеграционных объединений, включая ЕАЭС, и таких инфраструктурных проектов, как «Один пояс — один путь».

Мы видим, что сегодня параллельно идут два процесса — регионализации и глобализации. Для нас принципиально важно быть встроенными в оба, то есть развивать экономическое взаимодействие с соседями и при этом найти свое место в международных цепочках создания добавленной стоимости. Для этого мы стремимся повышать эффективность наших традиционных отраслей экономики и в то же время осваиваем новые для нас направления и развиваем необходимые для этого компетенции.

— Говоря о модернизации и технологическом развитии, очевидно, что для этого прежде всего требуются люди, обладающие передовым опытом и знаниями. Насколько такие кадры представлены в Казахстане?

— В контексте модернизации экономики мы можем говорить обо всех аспектах

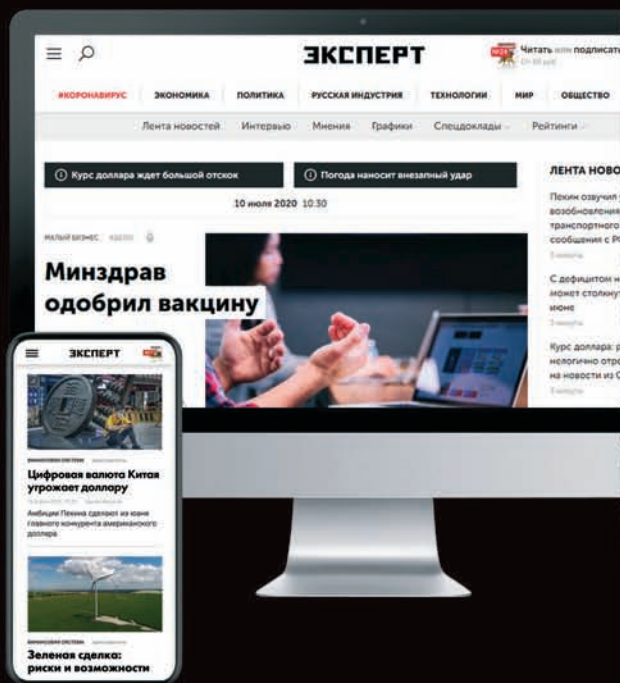
технологического перехода, происходящего на наших глазах: это четвертая промышленная революция, роботизация, развитие искусственного интеллекта, блокчейн-технологии и другое. Ключевым условием соответствия новым реалиям является повышение качества человеческого капитала, развитие как hard skills, то есть базовых профессиональных знаний и навыков, прежде всего в технических областях, так и soft skills, то есть способности к непрерывному образованию и самообучению.

Казахстан уже обладает успешным опытом в этой сфере. В первую очередь это программа «Болашак», благодаря которой около 15 тыс. казахстанцев получили образование в лучших мировых университетах и 97% из них теперь работают в государственных учреждениях и частных компаниях Казахстана.

Одна из задач МФЦА — быть платформой для создания кадрового пула для Казахстана и региона в целом в сфере финансов, управления и права. В рамках МФЦА мы создали Бюро по непрерывному профессиональному образованию и планируем к 2025 году подготовить кадровый резерв из 50 тыс. современных квалифицированных специалистов с сертификатами международного образца. Это станет нашим вкладом в развитие человеческого капитала и повышение конкурентоспособности Казахстана. ■

ЭКСПЕРТ
ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДЕЛОВОЙ ЖУРНАЛ

Подписка
в удобном
формате

Подписку можно
оформить

НА САЙТЕ: EXPERT.RU/SUBSCRIBE/
ПО E-MAIL: PODPISKA@EXPERT.RU
ПО ТЕЛ.: 8 (800) 200-80-10 или 8 (495) 789-44-67

РЕКЛАМА

Василий Львов

Для чего ищут инвестиции?

Актуальные проекты и перспективы для инвесторов в странах Центральной Азии

Распределение инвестиционных потоков по территории Центральной Азии неоднородно, что отражает принципиально разный уровень потенциала и рисков отдельных государств для капиталовложений. Крупные проекты с участием иностранных инвесторов реализуются главным образом в Казахстане и Узбекистане: в первой стране поток инвестиций сдвинулся в сторону более трендовой «зеленой» энергетики и АПК, тогда как во второй по-прежнему пользуется привлекательностью горнодобывающая промышленность. В Кыргызстане инвестиционная активность сравнительно низка, что в целом отражает объективную реальность: ресурсно бедная страна может предложить инвесторам ограниченные возможности, а инвесторы в свою очередь опасаются постоянной политической нестабильности. Таджикистан находится в активном поиске инвесторов, которых могли бы заинтересовать пока еще не разработанные месторождения полезных ископаемых и возможности производства сельскохозяйственного сырья, но успех этих начинаний не гарантирован из-за высоких рисков. Туркменистан неизменно привлекателен для инвестиций в энергетический сектор, но уровень рисков в этой стране многократно перевешивает потенциал.

Энергетика в тренде

В Казахстане — самой развитой экономике региона — проекты в сфере добывающей и горно-металлургической промышленности уже не являются ак-

туальными. Все важнейшие месторождения полезных ископаемых в стране уже разрабатываются, соответствующие предприятия успешно функционируют. Страна сегодня активно ищет инвестиции для проектов в сфере энергетики, перерабатывающей промышленности и агропромышленного комплекса. Именно энергетика сегодня является наиболее привлекательным полем для крупных инвесторов Центральной Азии.

В Казахстане вслед за мировыми трендами на «зеленую» энергетику активно развивают возобновляемые источники энергии (ВИЭ), а именно строят ветряные и солнечные электростанции. Стоимость каждой из них не так велика, как стоимость ГЭС, тем не менее инвестиции в ветроэлектростанции страны сегодня измеряются миллиардами долларов. Например, в октябре 2021 года «Самрук-Казына», «КазМунайГаз», минэнерго и Total Eren S.A. подписали соглашение о строительстве гибридных электростанций на сумму 386 млрд тенге (более 900 млн долларов). По данным минэнерго Казахстана, за последние шесть лет установленная мощность ВИЭ в стране увеличилась почти в десять раз — со 180 МВт в 2014 году до 1650 МВт в 2020 году. В 2021 году планируется достичь показателя в 2025 МВт (138 объектов). Иностранные банки, организации и фонды в 2014–2020 годах профинансировали возобновляемую энергетику в Казахстане более чем на 1 млрд долларов.

«Цены производства солнечной и ветряной энергии сильно упали по результатам последних аукционов в Казахстане

и Узбекистане, плюс длинные деньги стали дешевле. Немаловажен и тот факт, что в центральноазиатских странах много ветра, солнца и непригодной для сельского хозяйства земли — то есть существует достаточный объем необходимых ресурсов для создания производства возобновляемой энергетики», — отмечает **Эрик Ливни**, ведущий региональный экономист ЕБРР.

В этом же направлении движется Узбекистан, активно привлекая в качестве инвесторов компании арабского мира. Например, в сентябре стало известно, что международный тендер на строительство ветровой электростанции мощностью 100 МВт в Каракалпакстане выиграла компания ACWA Power из Саудовской Аравии, которая должна вложить в проект 140 млн долларов. Ранее было объявлено, что компания Masdar из ОАЭ начала строительство ветровой электростанции в Навоийской области мощностью 500 МВт за 600 млн долларов.

Что касается не менее «зеленых» источников энергии — гидроэлектростанций, то здесь по количеству требующихся инвестиций в регионе лидирует Таджикистан. Страна активно ищет средства для достройки или постройки целого ряда ГЭС: Камбаратинской, Рогунской, двух ГЭС на реке Зарафшан, Домбрачской и Санободской. Но все эти проекты плохо проработаны, официально неизвестна даже их стоимость, однако вокруг них происходят различные дипломатические маневры — строить ГЭС в Таджикистане берутся то Россия, то Узбекистан.

В то же время сейчас на территории региона началась реализация масштабного

международного проекта CASA-1000, призванного связать энергетические системы Центральной и Южной Азии. Проект стоимостью 1,2 млрд долларов обеспечит передачу 1300 МВт сезонной электроэнергии из Таджикистана и Кыргызской Республики в Афганистан и Пакистан. На две эти страны Центральной Азии приходятся одни из крупнейших в мире запасов экологически чистых гидроресурсов, они располагают избытком электроэнергии в летний период во время летних дождей и стоков воды. При этом Афганистан и Пакистан испытывают острую нехватку в электроэнергии в условиях стремительно растущего спроса. Проект нацелен на то, чтобы максимально эффективно использовать экологически чистые гидроэнергетические ресурсы в центральноазиатских странах, обеспечив им возможность продавать летний избыток электроэнергии энергодефицитным странам Южной Азии в соответствии с международными стандартами. В рамках этого проекта Кыргызстан и Таджикистан планируют получить финансирование из Пакистана и от международных организаций.

Промышленность и АПК всему голова

Регион нуждается в новых энергетических мощностях, так как в развивающихся государствах активно строятся новые предприятия. О растущей промышленности Казахстана прекрасно свидетельствует перечень недавно реализованных крупнейших проектов с участием иностранных инвесторов, обнародованный главой правительства Республики Казахстан в октябре 2021 года. Наиболее крупные среди них: промышленные теплицы компании «Эко-Культура» (Россия, 1,3 млрд долларов), производство смазочных материалов с участием компании «ЛУКОЙЛ» (РФ, 85 млн долларов), производство автомобилей

EAST NEWS

Hyundai (Южная Корея, 60 млн долларов), строительство аэропорта с участием компании YDA (Турция, 206 млн долларов) и постройка дата-центра с участием компании Bitfury (Нидерланды, 110 млн долларов). До конца 2021 года ожидается ввод еще 26 проектов на сумму 4,1 млрд долларов с созданием 5,4 тыс. рабочих мест, среди которых производство стальных труб с участием CNPC (КНР, 100 млн долларов) и

производство мяса с участием Beef Export Group (РФ, 13 млн долларов).

Новые предприятия строятся и в Узбекистане. Крупнейший на сегодня промышленный проект республики — завод по производству синтетического жидкого топлива из природного газа месторождения Шуртан Uzbekistan GTL. Проект реализуется госкомпанией «Узбекнефтегаз», его общая стоимость составляет 3,6 млрд долларов.

Второй по значимости проект — строительство Алмалыкского горно-металлургического комбината по переработке полиметаллических руд стоимостью 2 млрд долларов, реализуемый узбекской компанией Enter Engineering и российским «Уралмашзаводом» при финансировании российского ВЭБа. Кроме того, в последнее время в республике строится немало фармацевтических заводов зарубежных компаний (Пакистан, Украина). Например, в 2020 году было начато строительство фармацевтического кластера Tashkent Pharma Park площадью 79 га. На его территории планируют реализовывать фармакологические проекты инвесторы из Турции, Индии и Чехии.

В отличие от своих соседей Казахстан сегодня реализует немало агропромышленных инвестпроектов большого масштаба. В последнее время активно развиваются казахстанско-голландские связи в овощеводстве. Например, летом 2021 года состоялись переговоры между объединением казахстанских овощеводческих организаций и голландских компаний Dutch Greenhouse Delta, Food Ventures и др., в результате которых были подписаны соглашения, предусматривающие реализацию совместных проектов по развитию плодородного хозяйства более чем на 100 млрд тенге (порядка 240 млн долларов). Недалеко от казахстанского города Уральска уже началось строительство тепличного комплекса площадью 55 га при участии голландской компании Van Der Hoeven, стоимость первой очереди проекта превышает 17 млн долларов. Уже реализован проект тепличного комплекса Eurasian Green Product в Алматинской области стоимостью 13 млн долларов, построенного также по голландской технологии.

Инвесторы интересуются и животноводством: в конце прошлого года в Казахстане были запущены пять международных инвестпроектов по производству и переработке мяса общей стоимостью 127 млн долларов. А в этом году американская транснациональная корпорация Tyson Foods Inc. объявила о планах построить недалеко от Алматы мясоперерабатывающий завод стоимостью около 300 млн долларов.

Казахстан лидирует среди стран региона в развитии крупных международ-

ных агропромышленных проектов, что свидетельствует о более развитом потребительском рынке Казахстана, который может обеспечить сбыт для продукции, выпускаемой новыми проектами.

Экономика Таджикистана в значительной мере носит аграрный характер, поэтому страна также публикует сообщения о поиске инвесторов для строительства агропромышленных предприятий — сахарных заводов, заводов по изготовлению сухофруктов, цехов соевого шрота. Но об успехах по запуску этих проектов ничего не известно. Хотя в июне этого года между Таджикистаном и Пакистаном было подписано соглашение о создании совместных предприятий в области пищевой промышленности.

Разработка месторождений продолжается

Несмотря на казахстанское переключение от поиска инвесторов для разработок месторождений полезных ископаемых, в регионе еще есть неосвоенные ресурсы — например, в Таджикистане и Кыргызстане. В Таджикистане речь идет о добыче алюминиевого сырья на базе месторождения вольфрама Курговат, месторождения оникса Патру, железорудных проектах «Шохадамбулок», «Барч» и «Гумас», добыче золота в рамках проектов «Икар» и «Рангуль». Однако эти проекты пока находятся на столь ранней стадии, что даже примерная их стоимость неизвестна.

В Кыргызстане прорабатывается идея крупного камнеобрабатывающего комбината полного цикла и золоторудного месторождения Шамбесай на базе свободной экономической зоны (СЭЗ) «Нарын». Последний реализуется австралийской компанией Z-Explorer, однако, как и в случае со знаменитым Кумтором, это рискованное вложение — проект может сорваться из-за экологических проблем и протестов местных жителей. «За 25 лет независимости мы открыли только одно золоторудное месторождение — Шамбесай, которое разрабатывает в Баткенской области австралийская компания Z-Explorer. Все остальные крупные объекты были разведаны в советское время», — отмечает президент Кыргызской горной ассоциации Ишимбай Чунуев.

О Туркменистане мало что известно, но, судя по отрывочным сообщениям туркменской прессы, можно сделать вывод, что страна строит и электростанции (Лебапская ГЭС), и предприятия различных отраслей — в нынешнем году можно было узнать об открытии нового текстильного комбината, а также о соглашении с инвесторами из ОАЭ о строительстве завода по производству поливинилацетата и цеха по производству удобрений. ■

Иван Николаев

Оправдывают ли власти надежды малого и среднего бизнеса?

О том, каковы успехи поддержки предпринимательства в странах региона

Центральная Азия — традиционный регион малого бизнеса. Крестьяне, ремесленники и мелкие торговцы с древности и до наших дней составляют значительную часть населения региона. Поэтому значение малого бизнеса для занятости населения в странах региона очень важно — по некоторым оценкам, в малом и среднем бизнесе (МСБ) занято 50–70% экономически активного населения этих стран. При этом современные индустриальные проекты в центральноазиатской «пятерке», как правило, реализуются госкорпорациями в сотрудничестве с иностранными инвесторами. Сегодня правительства этих стран сходятся во мнении, что значение МСБ в экономике необходимо повышать.

Господдержка влияет на рейтинги

Хотя статистика стран Центральной Азии не вполне сопоставима, в частности потому, что в странах действуют разные критерии разделения предприятий на малые и средние, все же, по официальным данным, доля малого и среднего бизнеса в ВВП Казахстана составляет около 30%. Примерно столько же в Кыргызстане, в Узбекистане порядка 50% и в Таджикистане — до 70%. Несмотря на то что в этом показателе Казахстан проигрывает остальным республикам, по количеству субъектов МСБ он с отрывом выходит на первое место, уверенно приближаясь к 1,5 млн. В Узбекистане зарегистрировано порядка полумиллиона субъектов, а в Таджикистане и Кыргызстане — примерно по 700 тыс. При этом в число субъектов малого предпринимательства в этих трех странах входят десятки тысяч крестьянских (деканских) хозяйств.

Официально правительства стран региона держат курс на повышение значения МСБ с помощью стандартных (не только для Центральной Азии) инструментов поддержки бизнеса — субсидий и других финансовых мер, облегчающих доступ к банковским кредитам. Однако успех такой поддержки напрямую зависит от финансовых возможностей государства.

Поскольку по этому показателю в регионе лидирует Казахстан, именно он сегодня располагает самой обширной программой такого рода, которая действует с 2010 года. Ее реализацией занимается государственный управляющий холдинг «Байтерек» и контролируемый этим холдингом фонд поддержки предпринимательства «Даму», занимающийся кредитованием малого бизнеса, — за год он распределяет кредитов на сумму более 60 млрд тенге.

Программа поддержки и развития бизнеса в республике предполагает та-

кие меры, как субсидирование ставки по кредитам и ставки купонного вознаграждения по облигациям, частичное гарантирование по кредитам банков, предоставление государственных грантов и не только. За десять лет действия программы на такого рода поддержку сектору МСБ было выделено около 3 трлн тенге (порядка 8 млрд долларов). Предприятия, участвующие в госпрограмме, осуществили выпуск продукции на сумму свыше 25 трлн тенге и уплатили налоги в размере 1,6 трлн тенге.

Узбекистан, который располагает меньшими финансовыми средствами, поддерживает бизнес менее затратными инструментами, а именно налоговыми льготами. Например, как сообщает старший менеджер практики консалтинга EY в Узбекистане **Аскар Обидов**, 15 сентября этого года президентом Узбекистана был издан указ, устанавливающий целый ряд налоговых послаблений и ограничений в сфере проверок малого бизнеса, в частности в два раза снижающий став-

что правительство Узбекистана и Исламский банк развития создают совместный Фонд возможностей для малого бизнеса с капиталом в 100 млн долларов и дальнейшими планами по его увеличению в пять раз.

В Кыргызстане действует своя программа по развитию и поддержке МСБ, рассчитанная на 2019–2023 годы, однако в ее тексте ничего не говорится о финансовой поддержке бизнеса — только об облегчении формальных правил и

где фактически созданы все условия для хозяйственной деятельности малого и среднего бизнеса. Процесс упразднения и сокращения бюрократических барьеров не завершен и продолжает реализовываться», — отмечает старший партнер юридической фирмы «Азизов и партнеры» **Ильхом Азизов**.

Кыргызстан с 2019 года упал в рейтинге на десять пунктов и сегодня занимает 80-е место. Большую роль в этом сыграл слабый контроль власти: центральное

Значение малого и среднего бизнеса для занятости населения в регионе очень важно — по некоторым оценкам, в МСБ занято 50–70% экономически активного населения стран Центральной Азии

образовательных программах. В то же время в этом году в Кыргызстане по инициативе Всемирного банка создается гарантийный фонд для малого бизнеса, Всемирный банк обещал выделить на эти цели 23 млн долларов.

Таджикистан также получил в 2020 году от Всемирного банка 11 млн долларов для финансирования бизнес-проектов в сельской местности, кроме того, 2 млн на кредитование таджикского малого бизнеса было выделено Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР).

Важным интегральным показателем усилий правительств по поддержке бизнеса является рейтинг Всемирного банка Doing Business, оценивающий в 190 странах простоту осуществления предпринимательской деятельности. В нем Казахстан с 2017 года поднялся на 11 пунктов и теперь занимает 25-ю строку, оставив позади такие развитые страны, как Исландия, Австрия, Япония, Испания и Франция. Подняться в рейтинге республике удалось в том числе благодаря финансированию МСП.

Узбекистан в последние три года также поднимался в рейтинге Всемирного банка, хотя и с большим отставанием от Казахстана: с 87-го места на 74-е, а оттуда — на 69-е. Этому способствовали либерализация процесса лицензирования и упрощение режима получения доступа к основным видам хозяйственной деятельности. «Особенно значимые административные реформы произведены в горном и промышленном секторах,

правительство не всегда может контролировать действия носителей власти на местах, и бизнесу приходится иметь дело с многочисленными провластными кланами. Среди параметров, учитываемых в рейтинге Всемирного банка, Кыргызстан хуже всего себя показал в подключении к электросетям и обеспечении исполнения контрактов.

Таджикистан находится в рейтинге на 106-м, последнем месте среди стран Центральной Азии, несмотря на то что по сравнению с предыдущими годами он поднялся на 20 строчек. В Таджикистане малый бизнес и есть главный субъект экономики, но его состояние связано с общей бедностью страны и состоянием национальной экономики.

Странам региона уже в недалеком будущем предстоит решить две задачи: наладить сотрудничество между малым и крупным (как правило, государственным) бизнесом и стимулировать развитие МСБ в новых инновационных отраслях. Для решения этих задач сегодня изобретаются новые инструменты, строятся инкубаторы — индустриальные зоны, привлекаются пакеты помощи от международных финансовых институтов. Насколько удачной будет эта политика — покажет время, но пока очевидно, что Казахстан обладает в этой гонке некоторой форой благодаря наличию большего количества инновационных предприятий, высокому уровню национальной науки и достаточным финансовым средствам, которыми располагают институты поддержки бизнеса. ■

EAST NEWS

ку социального налога для большинства работающих в стране индивидуальных предпринимателей.

В 2017 году в стране был также создан Государственный фонд поддержки предпринимательства, чей первоначальный капитал составил 100 млрд сумов (примерно 10 млн долларов), а в 2020 году на фоне пандемии фонд получил беспрецедентную сумму в 500 млрд сумов, которые в основном были направлены на субсидирование банковских процентных ставок. Недавно также стало известно,

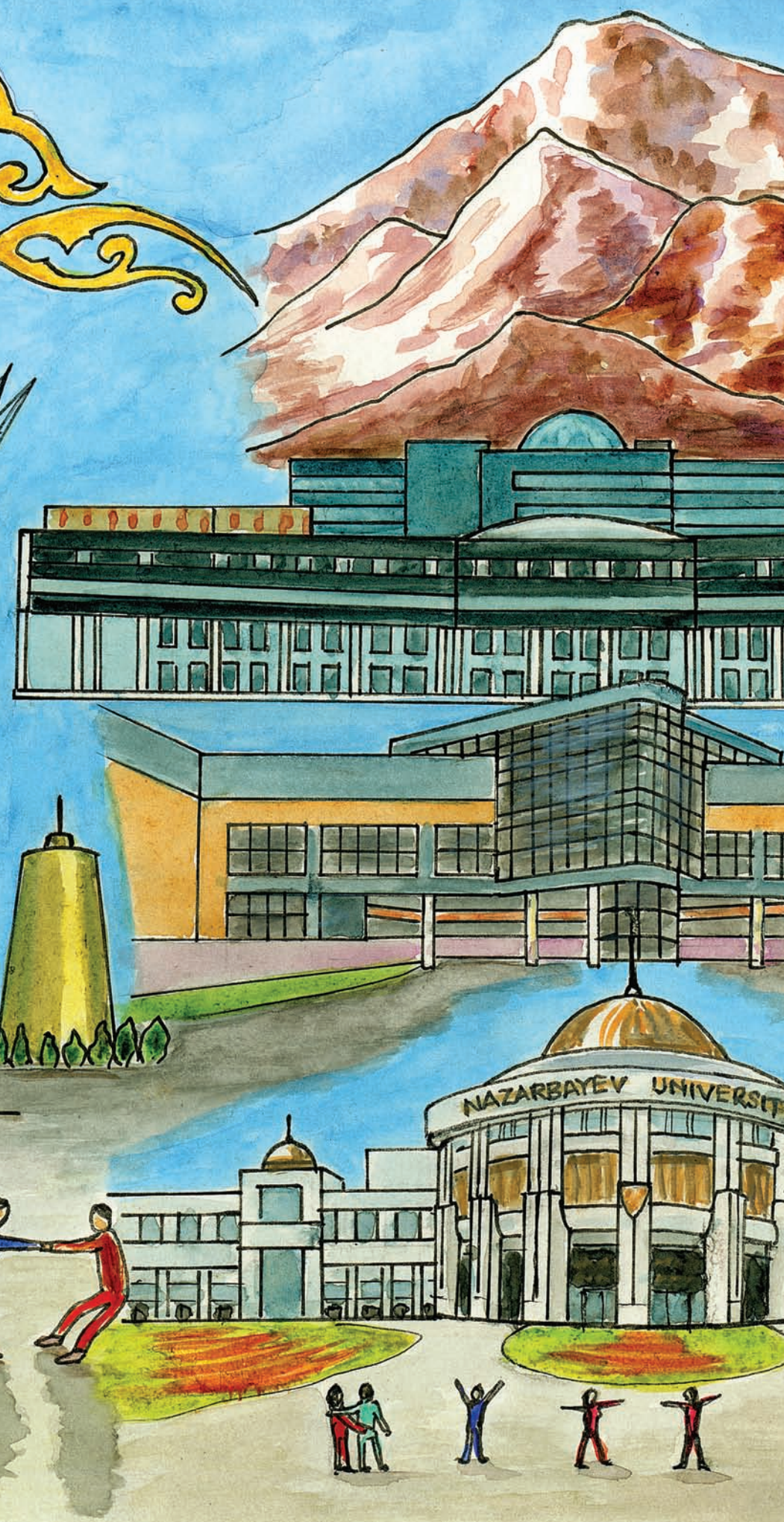
Жить в Центральной Азии

Одним из неоспоримых достижений стран Центральной Азии за постсоветский период стало обретение ими внешнеполитической субъектности. Однако почти все они, за исключением, пожалуй, Казахстана, сталкиваются с общими внутренними проблемами, напрямую влияющими на качество жизни граждан: бедностью, миграционным оттоком жителей, низким уровнем урбанизации, слабым доступом населения к медицинским услугам и образованию.

В конечном счете все эти проблемы отражают бурный рост населения Центральной Азии, начавшийся еще в советский период. За последующие годы население Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана выросло кратно, и только Казахстан стал единственной страной Центральной Азии, где демографическую картину можно признать удовлетворительной.

Страны региона пытаются внедрять у себя демографическую политику, направленную на контроль над увеличением численности населения, но в ближайшей перспективе общий тренд не вызывает сомнений — продолжение стремительного демографического роста в сочетании с недостатком рабочих мест. Высокая доля сельского населения дополняет картину: государства по большей части не готовы формировать качественную городскую среду и инфраструктуру, а стихийная урбанизация лишь создает новые проблемы.

В то же время сегодня в регионе уже есть вполне убедительные образцы современной урбанизации, такие как новая столица Казахстана Нур-Султан. Но в целом за три постсоветских десятилетия Центральная Азия пережила процесс деурбанизации, сопровождавшийся утечкой из региона сначала квалифицированных кадров, а затем избыточных рабочих рук. Трудовая эмиграция — одна из основных демографических тенденций региона — достигла огромных масштабов: сегодня это миллионы человек, работающих за пределами своих стран. ■

ИГОРЬ ШАПОШНИКОВ

Антонина Межуева Бедности — бой!

О том, как страны Центральной Азии борются с бедностью и развивают средний класс

На фоне быстрого экономического роста в течение последних двадцати лет — а зачастую он был выше, чем у многих соседей, включая Россию, Турцию и Иран, — Центральноазиатскому региону удалось достичь заметных успехов в повышении уровня жизни большей части населения. Правда, во многом это объясняется эффектом низкой базы. В частности, по данным Всемирного банка, две страны региона, не так давно относившиеся к числу беднейших в мире, Кыргызстан и Таджикистан, чуть менее чем за два десятилетия, к 2019 году, снизили уровень бедности с 71 до 18% и с 65 до 13% соответственно. Если бы не пандемия COVID-19, вызвавшая резкий скачок инфляции и безработицы, тренд мог бы продолжаться, но, увы, ситуация приобрела обратный вектор.

«Трудовая зависимость»

Коронавирус с нами, похоже, надолго, а это значит, что стабилизировать рынки труда в ближайшей перспективе вряд ли удастся. Особенно сильно от ограничений на международные поездки граждан пострадают Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан, чьи экономики в наибольшей степени зависят от денежных переводов трудовых мигрантов. Экономист Всемирного банка в Центральной Азии **Уильям Зейтц** полагает, что основным инструментом борьбы с бедностью могло бы стать увеличение занятости в промышленности и сфере услуг, где есть «хорошие» рабочие места. Хорошими они являются, если «хорошо оплачиваются и защищены благодаря их высокой производительности», поясняет Азиатский банк развития. Однако таковых за годы независимости в этих республиках в достаточном количестве так и не появилось. Не хватает любой работы, не то что «хорошей». Согласно официальным данным, за пандемийный 2020 год безработица в макрорегионе колебалась от 2,3% в Таджикистане до 9,3% в Узбекистане, но вряд ли стоит ориентироваться на эти цифры.

Эксперты говорят о куда более серьезных масштабах проблемы. Сотни тысяч

жителей Центральной Азии не регистрируются в качестве безработных, не желая связываться с бюрократической системой или попросту по причине юридической безграмотности; многие относятся к категории сезонных работников или самозанятых. Например, в Узбекистане из 13,5 млн экономически активного населения лишь 40% работают официально, остальные — в теневом секторе. Об этом в прошлом году заявил глава министерства занятости и трудовых отношений республики **Шерзод Кудбиев**. По его словам, ежегодно на рынке труда появляются 700 тыс. молодых людей и обеспечить работой их всех невозможно.

По оценкам, доля безработных в регионе составляет до 15% в крупных городах и до 60% на селе. Особенно высока она среди женщин и молодежи, а также в отдаленных местностях из-за слабой интеграции с городскими центрами, где ситуация с трудоустройством хоть и не радужная, но возможностей все же больше. А те, кто не может найти себе применения в городах, устремляются на заработки в Россию и другие страны. Однако в условиях пандемии и там возможностей поубавилось. В частности, минтруда Таджикистана в прошлом году сообщало о сокращении из-за закрытия границ числа отправившихся на заработки за пределы страны

Средний класс в Центральной Азии

EAST NEWS

этой глобальной проблемы. Изучив особенности функционирования экономики бедных, ученые пришли к выводу, что многие программы помощи не дают нужного эффекта, так как слишком мало известно о жизни бедняков. В частности, приоритет в их тратах вовсе не продукты питания и предметы первой необходимости, как принято считать, а все то, что делает жизнь менее скучной, например телевидение и прочие развлечения, и это тоже необходимо учитывать. В прошлом году в Узбекистане сформировали межведомственную группу экспертов, которые, опираясь на этот опыт, провели исследования в ряде экспериментальных областей, включая беседы с нуждающимися семьями и составление их психологических портретов. Эти данные, как ожидается, в перспективе будут способствовать выбору более эффективных методов решения проблем бедных.

Действенных же мер поддержки населению, выходящих за рамки бесед и обсуждений того, как сделать жизнь бедных менее скучной, в отличие от Казахстана, страны региона в разгар пандемии не оказывали. «Казахстан выделяется как единственное центральноазиатское государство, которое выплачивает населению денежное пособие во время пандемии COVID-19, — сообщала в прошлом году **Лена Саймет**, старший исследователь Human Rights Watch по вопросам бедности и неравенства, как водится, не забыв покритиковать за расширение этих мер после карантина. Вскоре после регистрации в Казахстане первых случаев заражения коронавирусом Президент **Касым-Жомарт Токаев** объявил о выделении 4,4 трлн тенге (10 млрд долларов США, или 6–7% ВВП) на денежные выплаты лишившимся работы (в течение полугода они могли получать пособия в размере до 40% от утраченного заработка) и субсидирование коммунальных платежей. Нуждающиеся

также могли обратиться за адресной социальной помощью в рамках крупнейшей национальной программы борьбы с бедностью.

Эксперты Human Rights Watch признают, что казахстанский антикризисный пакет «помог многим получателям помощи выжить», хотя размер выплат и недотягивал до «достаточной месячной зарплаты». В рамках этого пакета власти Казахстана также выделили средства на повышение доступности здравоохранения и поддержку бизнеса — меры вполне очевидные и оправданные сегодня, пожалуй, для любой страны. В частности, в Кыргызстане Всемирный банк призывает, помимо масштабной вакцинации, к созданию новых рабочих мест и поддержке МСБ. Там прогнозируется возврат уровня бедности к 35% уже в этом году, то есть каждый третий житель республики окажется за чертой бедности с доходом до 65 долларов в месяц. В правительстве проблему осознают и называют ее решение одной из главных задач на ближайшие годы. Кабмин даже составил план первоочередных мер, но, как сообщают местные СМИ, из запланированных 50 мероприятий выполнили только пять. Это и не удивительно: для страны, по оценкам того же Всемирного банка, масштабы нынешнего кризиса сопоставимы с социально-экономическим катаклизмом, произошедшим после распада СССР тридцать лет назад. И пока, судя по всему, киргизское правительство в основном полагается на помощь извне. По состоянию на начало апреля 2021 года Всемирный банк выделил Кыргызской Республике 88 млн долларов США для оказания помощи бедным и поддержки микро-, малых и средних предприятий.

Не время праздновать

Слишком много желаний конкурируют с рациональностью в тратах — такой вывод можно сделать из наблюдений популярных в Узбекистане нобелевских лауреатов. По всей видимости, с этим могли бы согласиться власти Таджикистана. Там в качестве одного из способов борьбы с бедностью выбрали ограничение личных трат населения на свадьбы, дни рождения и прочие празднования. В стране с 2007 года действует закон «Об упорядочении традиций торжеств и обрядов в Республике Таджикистан». Власти посчитали, что слишком пышные праздники, поощряемые местными традициями, неуместны при нынешнем уровне доходов населения. Исполнение закона контролируется специальным органом, представители которого в любой момент могут прийти на мероприятие и начать проверку. За первые шесть

почти на 60% по сравнению с 2019 годом. По данным Нацбанка, это лишило таджикскую экономику 174 млн долларов в виде неполученных денежных переводов — серьезный удар по карману тысяч домохозяйств.

Научный подход

В этих условиях правительства центральноазиатских стран вынуждены усиливать меры по борьбе с бедностью. В частности, в Узбекистане решили взять за основу разработки нобелевских лауреатов по экономике **Абхиджита Банерджи**, **Эстер Дюфло** и **Майкла Кремера**, получивших премию за вклад в решение

месяцев текущего года граждане были оштрафованы почти на 1,4 млн сомони (примерно 124 тыс. долларов) за нарушение этого закона, сообщил председатель Комитета по делам религии, регулирования торжеств и обрядов **Сулаймон Давлатзода**. В начале года комитет начал проводить опрос для оценки общественного мнения в отношении действующей нормы, впрочем, правительство и без того уверено в ее эффективности. В 2017 году, подводя итоги десятилетнего функционирования закона, президент **Эмомали Рахмон** заявил, что благодаря ему людям удалось сэкономить свыше двух миллиардов долларов. «Сбереженные средства граждан страны направлены на обучение их детей, на улучшение уровня жизни, как пример — за последние десять лет в Таджикистан завезено свыше 525 тысяч легковых автомобилей», — подчеркнул Рахмон. Тогда же именно с действием этого закона председатель Конституционного суда Таджикистана **Махкам Махмудзода** связал сокращение бедности в стране с 70% в 2007 году до 30% в 2017-м. Справедливости ради отметим, что это не единственное выражение заботы о благосостоянии граждан. В августе 2020 года президентским указом на 15% были повышены зарплаты бюджетникам, пенсии и стипендии, хотя вряд ли население это почувствовало: с начала года таджикский сомони обесценился по отношению к доллару более чем на 9%, а инфляция на потребительском рынке составила 5,1%.

Нет проблем

Бездействие властей в ответ на экономические последствия пандемии обострило продовольственный кризис в Туркменистане, заявили год назад Human Rights Watch (HRW) и Туркменская инициатива по правам человека (ТИПЧ). Но какие могут быть последствия, если случаев заражения в стране нет и не было? Такова официальная позиция властей. Не подтвердила наличие вируса в стране и Всемирная организация здравоохранения, побывавшая в Туркменистане с официальным визитом в июле этого года. Однако ВОЗ все-таки «выразила обеспокоенность» информацией о росте в стране случаев заболевания пневмонией и посоветовала «активировать критические меры общественного здравоохранения, как если бы по стране циркулировал COVID-19». Злые языки утверждают, что уровень бедности в стране может достигать 22% (Всемирный банк, по состоянию на 2018 год), но, видимо, это не так, ведь, согласно официальным данным экономика на подъеме: ВВП вырос в прошлом году на 6,2%, и страна уве-

ренными темпами приближается к цели построения «общества всеобщего благоденствия». В республике отсутствует какая-либо государственная стратегия по оказанию экономической и социальной помощи населению. Единственной программой универсальной государственной поддержки в Туркменистане является продажа всем желающим продуктов питания по фиксированным ценам в государственных магазинах. Только все чаще в СМИ появляются сообщения о том, что за продуктами с раннего утра выстраиваются длинные хвосты очередей. Внутреннее производство продуктов питания может удовлетворить не более 40% спроса, остальное импортируется, преимущественно из Ирана. Падение цен на углеводороды, несколько неурожайных лет и сокращение импорта ввиду закрытия границ спровоцировали перебои с продуктами. СМИ сообщают, что дефицитным стал даже хлеб. Впрочем, проверить эту информацию практически невозможно, остается судить о серьезности положения лишь по косвенным признакам. Так, с 1 января этого года вступило в силу решение об отмене коммунальных льгот. Ранее вода, газ и электричество были практически

бесплатными для граждан. В течение ближайших трех лет планируется прекращение государственного финансирования Академии наук. Уже переведены на самообеспечение учреждения культуры и здравоохранения.

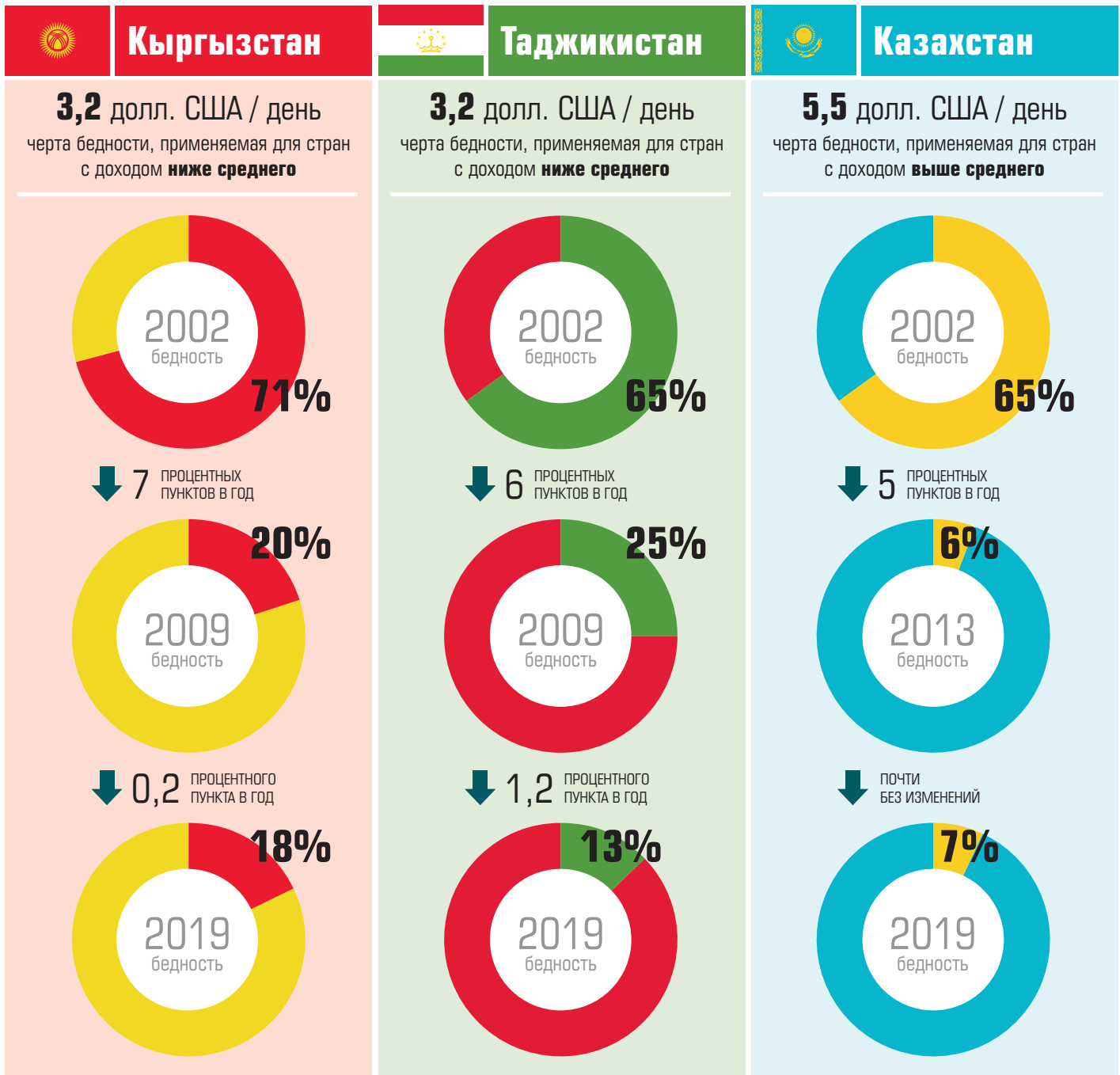
Понятие растяжимое

Материальные и социальные потребности — важный фактор, определяющий понятие «средний класс». Такой вывод можно сделать из определения в Википедии — пожалуй, самого простого из всех существующих. Средний класс — основа современного общества, именно эта категория населения формирует запрос на модернизационные преобразования и гарантирует стабильное развитие страны, убеждены социологи. Существует четкая связь между экономическим ростом и устойчивостью среднего класса, утверждает ОЭСР. Очевидно, это так и есть, ведь в наиболее благополучном Казахстане доля среднего класса, по разным оценкам, колеблется от 20 до 40%, включая представителей так называемого протосреднего класса, который стоит на границе между населением со средним уровнем доходов и малоимущими. Для сравнения: в Таджикистане и Кыргызстане этот показатель оценивается в 5%, в Узбекистане — в 10–15%. И вот тут хорошо бы разобраться, что такое средний класс. Однозначного ответа на этот вопрос, как выяснилось, нет. «Существуют разные подходы к определению того, кого же можно отнести к среднему классу. Экономисты ответят на этот вопрос с точки зрения доходов, социологи сделают акцент на уровне образования и профессиональной деятельности, другие эксперты обратят внимание на то, что сам человек думает о своем положении. Спор этот можно вести бесконечно. И он будет в корне неверным, — отмечает директор Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС **Татьяна Малева**. — Важно учитывать все эти критерии в совокупности».

Очевидно, что для Центральной Азии некие формализуемые границы среднего класса будут принципиально иными, нежели в экономически развитых странах и даже в России. «В Кыргызстане к среднему классу можно отнести работников госсектора или международных организаций, имеющих квартиру или дом и машину — зачастую иномарку десятилетней давности. У некоторых есть еще дом в деревне», — приводит личные наблюдения петербургский историк и востоковед **Артем Кирпиченко**. Но рост среднего класса, по его словам, сдерживается распадом социального государства: для решения таких проблем, как содержание стариков, по-прежнему

По данным Всемирного банка, средний класс в Центральной Азии в основном сосредоточен в нескольких городах и вокруг них: в Нур-Султане, Алматы, Ташкенте, и в меньшей степени в Душанбе и Бишкеке

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ТЕМПЫ СОКРАЩЕНИЯ БЕДНОСТИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЗАМЕДЛИЛИСЬ

Источник: Всемирный банк

требуются большие семьи, и это будет толкать к росту рождаемости, несмотря на все риски. Предложить же международному рынку труда Кыргызстану нечего, кроме дешевой рабсилы.

Что касается Казахстана, то президент фонда «Стратегия» социолог **Гульмира Илеуова** в интервью местной редакции Forbes в 2018 году вообще отмечала, что средний класс в стране не сформировался, поскольку «ставилась задача создать его сквозь призму опыта западноевропейского и американского

общества». Такая планка для большей части населения Казахстана и уж тем более остальных стран региона была бы, конечно, слишком высока, если за основной критерий брать доход. А вот опираясь на субъективный критерий (средний класс — это те, кто считает себя средним классом), одно из исследований 2015 года показало, что к этой категории относится подавляющая часть жителей страны.

Проблема выявления среднего класса в Центральной Азии имеет и специфически

гендерный аспект, учитывая значительный разрыв в уровне заработной платы между мужчинами и женщинами (в Таджикистане, например, он по-прежнему двукратный). Однако практически все исследователи сходятся во мнении, что средний класс — это прежде всего городской класс, увеличение которого в Центральной Азии напрямую связано с повышением уровня урбанизации. В том числе с этим связаны сегодня усилия властей всех стран региона по развитию городской инфраструктуры.

Филипп Громыко

Жизненная среда: выходы и тупики демографической ловушки

О том, какова на сегодня демографическая ситуация в регионе, как обстоят дела с урбанизацией и миграцией и как развиваются наука и спорт

Согласно данным Межгосударственного статистического комитета СНГ, на начало 2021 года постоянное население четырех стран Центральной Азии (ЦА), за исключением Туркменистана, составляло 69,6 млн человек. Оценка численности населения Туркменистана — одной из самых информационно закрытых стран мира — колеблется от официальных 6,2 млн до 2,7 млн человек по данным независимых источников. Таким образом, сегодня в Центральной Азии

проживает порядка 75 млн человек, из которых почти половина (34,6 млн) приходится на Узбекистан. Это чуть менее 1% мирового населения.

Демографический бум на полвека вперед

Уже к середине столетия население региона может вырасти на четверть. Согласно долгосрочному демографическому прогнозу ООН, представленному в 2019 году, в 2030 году в ЦА будет проживать до 83,8 млн человек, а в 2050 году будет преодолена отметка 100 млн. Стабили-

зация на уровне 113–115 млн жителей ожидается только после 2080 года.

Безусловно, свои коррективы может внести пандемия коронавируса, которая пока далека от завершения, а ее отложенные последствия для демографической динамики еще не поддаются оценке. Нужно учитывать и несовершенство статистических данных. Например, в Узбекистане перепись населения в последний раз проводилась еще в советское время, в 1989 году, а в дальнейшем несколько раз переносилась. В Туркменистане данные переписи 2012 года не были опубликованы.

ление Таджикистана почти удвоилось. Однако масштабы демографического бума неравномерны в разных странах. Быстрее всего, по прогнозу ООН, будет расти население Кыргызстана и Таджикистана: в нынешнем десятилетии оно увеличится соответственно на 14 и 21%. В Узбекистане за это время ожидается прирост на 12%, однако в абсолютных показателях он внесет основной вклад в масштабах всего региона — плюс почти четыре миллиона человек.

«В Таджикистане численность населения объясняется высокой демографической инерцией, — поясняет **Андрей Коротаев**, ведущий научный сотрудник лаборатории демографии и человеческого капитала РАНХиГС. — Число детей, появляющихся у одной женщины, постепенно снижается, однако в стране все еще очень много женщин репродуктивного возраста. В итоге рождаемость постепенно замедляется, но из-за накопленной инерции население все еще растет интенсивно. Однако во второй половине столетия может случиться демографический спад. Это касается и Киргизии».

Артем Данков, заведующий кафедрой востоковедения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, отмечает, что большая доля молодежи и многовековые традиции мусульманских семей, предполагающие многодетность, будут обуславливать рост населения региона до середины XXI века, хотя темпы роста будут снижаться.

«Пример подаст Казахстан, который и сейчас не находится в эпицентре демографического взрыва, — прогнозирует эксперт. — Здесь самая высокая доля городского населения среди стран Центральной Азии — 55 процентов, большая доля представителей европейских народов. Как следствие — переход к малодетной семье. За Казахстаном последуют Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан. Более традиционный Таджикистан “сдастся” последним. Неравномерность процесса демографического перехода во многом связана с разным уровнем индустриализации — в аграрных районах он будет идти дольше».

Казахстанская демографическая аномалия

Случай Казахстана действительно необходимо рассматривать отдельно — это единственная страна Центральной Азии, которая в постсоветский период пережила демографический спад. Столкнувшись с резким сокращением населения в 1990-е годы, прежде всего из-за значительного миграционного оттока русских, власти взялись за целенаправленную демографическую политику.

Сомнения в официальных цифрах обоснованны: статистика отдельных стран может скрывать масштабы миграционного оттока населения. Кроме того, есть все основания полагать, что рождаемость существенно снижается. Например, в Узбекистане, отмечает российский политолог **Станислав Смагин**, после 2012 года перестали публиковать статистику рождаемости по группам «4–5 детей и больше» — теперь дается лишь оценка рождаемости в категории «3+». К 2019 году она показала наименьший прирост за постсоветскую

историю. Возможно, добавляет эксперт, не так уж оторваны от реальности негативные прогнозы ООН, согласно которым пик численности населения Узбекистана в 39 млн человек придется на середину столетия, а затем она начнет уменьшаться.

Тем не менее в среднесрочной перспективе общий тренд не вызывает сомнений: в регионе продолжается стремительный демографический рост. За три постсоветских десятилетия население Узбекистана и Кыргызстана выросло примерно в полтора раза, насе-

«О демографическом взрыве в Таджикистане говорить уже не приходится»

Благодаря проводимой в Таджикистане демографической политике рост населения страны вошел в контролируемые рамки, а некогда очень высокая рождаемость последовательно снижается, уверены специалисты Института экономики и демографии Академии наук Таджикистана — заведующий сектором миграции населения отдела демографии **Анвар Бабаев** и заведующий отделом демографических исследований **Акбар Субхонов**.

— **Согласны ли вы с позицией некоторых экспертов, что проводить в Таджикистане внятную демографическую политику в принципе очень сложно?**

Анвар Бабаев: На самом деле в Таджикистане проводится эффективная демографическая политика. Принятая в 2002 году Концепция государственной демографической политики на 2003–2015 годы реализована, и многие приоритетные вопросы указанной концепции решены. Сейчас разработан проект новой Национальной концепции демографической политики до 2030 года. Приняты также Семейный кодекс, закон об упорядочении традиций, торжеств и обрядов. Иными словами, нормативно-правовая база для демографической политики у нас есть. Несомненно, рост населения продолжается, но государство держит ситуацию под контролем.

— **Можете привести конкретные цифры, подтверждающие эффективность демографической политики?**

Акбар Субхонов: Начиная с 2015 года ежегодный прирост населения составляет 2,2 процента, или порядка 190 тысяч человек, при 260 тысячах родившихся. Это позволяет говорить, что демографическое положение находится на оптимальном уровне. Для сохранения населения и устойчивого демографического развития прирост суммарной рождаемости должен находиться на уровне три ребенка на одну женщину. Сейчас этот показатель равен 2,9. Если такой уровень рождаемости сохранится, то к 2030 году население будет составлять 11,5 миллиона человек против 9,5 миллиона в 2020 году.

У нас уже действует государственная программа по репродуктивному поведению населения, где особый упор сделан на планирование семьи — благодаря этому уровень суммарного коэффициента рождаемости снижается. Еще несколько лет назад он был выше — порядка 3,9 в городах и более 4 в сельских поселениях. А в советское время суммарный коэффициент рождаемости находился на уровне 5,6.

Два года назад мы проводили исследование в регионах республики, где респондентам были заданы три основных вопроса. На вопрос «Сколько детей было у

ваших родителей?» отвечали: в среднем шесть-восемь детей. На второй вопрос «Сколько вы сами имеете детей?» обычно отвечали: четыре-пять. Наконец, третий вопрос: «Сколько детей рекомендуете иметь вашим детям?» Типичный ответ: три-четыре. Таким образом, в Таджикистане идет повышение уровня демографического сознания и о демографическом взрыве, как в некоторых странах Африки или Азии, речи уже, конечно, не идет.

— **Какой должна быть оптимальная траектория роста урбанизации для Таджикистана?**

А. С.: В Национальной концепции развития до 2030 года, которая сейчас формируется, повышать уровень урбанизации предлагается за счет роста доступности жилья. Речь идет о предоставлении низкопроцентных кредитов для молодых семей, об улучшении инфраструктуры как городов, так и сел. Строительство жилья в городах в последние годы увеличивается, но проблема не в его количестве, а именно в доступности. Это тем более актуальный вопрос, потому что примерно 30 процентов населения живут в семьях с несколькими поколениями.

— **Какую роль в росте городского населения может сыграть стремление властей к развитию промышленности?**

А. Б.: В Таджикистане принята Программа ускоренной индустриализации на 2020–2025 годы, которая предусматривает создание

Анвар Бабаев

из личного архива

более миллиона рабочих мест. Разработана и находится на согласовании соответствующих министерств и ведомств республики Концепция индустриального развития до 2040 года, где предполагается, что ежегодно будет создаваться более 150 новых предприятий, крупных, средних, малых, а также производственные цеха, которые каждый год будут обеспечивать работой более 170 тысяч граждан. Но сейчас нужно уделять внимание не только индустриализации. В прошлом году, когда из-за пандемии миграционный отток резко снизился, стал еще более актуален вопрос о развитии сельского хозяйства. Многие начали заниматься обработкой неиспользуемых земель, и в итоге, по некоторым данным, более 260 тысяч граждан страны были трудоустроены в сельской местности. Резерв плодородных земель в стране есть, поскольку после распада СССР и несвоевременного проведения дренажных

Задача увеличить население на 10% в течение десяти лет, поставленная в 2010 году **Нурсултаном Назарбаевым**, была даже перевыполнена. Уже к 2013 году население страны превысило последние советские показатели, а в течение прошлого десятилетия увеличилось примерно на 15%. В то же время удалось не допустить демографического взрыва. В 2019 году темп прироста населения составил всего 1,4%, а продолжительность жизни с 2010 года выросла на 4,7 года — до 73,2 года. Хотя рост не остановится еще долго: в прогнозе ООН предполагается, что в 2020–2030-х годах население увеличится еще на 10%, до 20,6 млн человек.

Специфика Казахстана во многом связана с этнически многосоставным населением, констатирует профессор НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник

Института международных исследований МГИМО **Андрей Казанцев**. По его словам, русскоязычная часть населения страны воспроизводила и продолжает воспроизводить те же демографические паттерны, которые имеют место в России, Белоруссии и Украине. Эта группа населения уменьшалась, свою лепту внес и отъезд из Казахстана молодежи.

В результате в северной части Казахстана происходил демографический спад, а казахское население, напротив, увеличивалось, хотя и не так быстро, как, например, в Таджикистане, поэтому рост не создавал проблем. «Демографические процессы в Казахстане более сбалансированы: нет перекоса в сторону старших поколений, как в России и Украине, но нет и такого преобладания молодежи, как в других странах ЦА, хотя этническая структура населения

изменилась радикально», — резюмирует эксперт.

Демографическая политика: первые «подходы к снаряду»

В других странах региона также предпринимаются попытки проводить демографическую политику. Например, в Таджикистане правительство незадолго до пандемии решило наконец взять рождаемость под контроль, запустив госпрограмму репродуктивного здоровья на 2019–2022 годы. Но возможности управлять демографической динамикой в большинстве стран Центральной Азии эксперты оценивают весьма скептически.

За исключением Казахстана демографическая политика в ЦА попросту не работает, уверен **Андрей Казанцев**: «Доля русскоязычного населения везде, кроме

работ значительная их часть была заброшена.

— **Насколько изменилась картина трудовой миграции из Таджикистана в связи с пандемией? Сильно ли расширилась ее география?**

А. Б.: Да, люди чаще едут в Турцию, Китай, Южную Корею, Польшу. Одно из новых направлений — Германия, которая ввела упрощенный порядок въезда и осуществления трудовой деятельности для иностранных мигрантов. Конечно, основной страной трудовой миграции остается Россия, на втором месте — Казахстан.

— **Совсем недавно мэр Москвы Сергей Собянин заявил, что на стройках мигрантов быть не должно. Учитываются ли такие риски в миграционной политике Таджикистана?**

А. Б.: Минтруда Таджикистана имеет соглашения с государствами Европы и Азии, на которые можно переориентировать миграционный поток. Например, трудовые мигранты сейчас требуются в Катар, где в

следующем году пройдет чемпионат мира по футболу.

— **Каковы оптимальные сценарии развития миграционного потока в ближайшие годы?**

А. Б.: Особое внимание уделяется подготовке кадров для трудовой миграции, в том числе повышению квалификации и изучению иностранных языков. За последние годы правительство выделило более 30 миллионов долларов для модернизации систем ПТУ, где будут обучать граждан рабочим профессиям с учетом стандартов квалификации других стран. Несколько лет назад была и хорошая практика обучения наших мигрантов современным профессиям в соответствии со стандартами квалификации в российских училищах, например в Санкт-Петербурге, и этот опыт надо продолжать.

— **Можно ли считать риски Таджикистана в сфере экологической миграции самыми высокими в Центральной Азии?**

А. Б.: Не могу сказать, что они самые высокие, ибо экологические проблемы есть практически во

всех странах. По географическим показателям Таджикистан сопоставим с Кыргызстаном — там тоже 93 процента территории занимают горы. Но отличие Таджикистана от многих других стран заключается в том, что у нас в законодательстве есть термин «экологический мигрант» и мы этими вопросами занимаемся с 2000 года. В 2010 году был утвержден порядок переселения экологических мигрантов — граждан Таджикистана из опасных экзогенных зон в безопасные места, где ежегодно, в соответствии с утвержденным правительством республики среднесрочным планом, из экологически опасных зон переселяется примерно 300–400 семей.

— **Как обстоит ситуация с образовательной миграцией из Таджикистана? Многие ли, отучившись, например, в России, возвращаются?**

А. Б.: В 2014–2018 годах за рубежом учились 35,3 тысячи наших граждан, 62 процента — в вузах России, в других странах СНГ — 9,4

Акбар Субхонов

из личного архива

процента, в странах дальнего зарубежья — 28,6 процента. Около 60 процентов из тех, кто учился за границей, приезжают работать назад. В нашей стратегии миграции отдельно отмечено, что нужно максимально вовлекать в реализацию государственных программ ту часть молодежи из числа учебных мигрантов, которые получили образование за границей и имеют достаточный кадровый потенциал для развития экономики страны.

Казахстана, и в советские времена была невысока, а затем она почти обнулилась, за исключением разве что Кыргызстана. У местного же населения сохраняются традиционные паттерны рождаемости, которые провоцируют демографический рост. Учитывая, что рождаемость определяется естественными факторами, связанными с культурой, традициями, религией, высокой долей сельского населения, какая-либо реалистичная демографическая политика вряд ли возможна».

Между тем региону действительно нужен переход к осознанной демографической политике, которая направлена на улучшение человеческого капитала, подчеркивает политолог **Марат Шибубов**, член Национального совета общественного доверия при Президенте Казахстана. «Экономика региона не могут предоставить количество рабочих мест, сопоставимое с численностью населения, государственные бюджеты трещат от социальной нагрузки и необходимости развития инфраструктуры, а в обществах растет напряжение из-за расслоения. Бедность стала трудящейся — очень много людей, даже работая постоянно, не могут обеспечить своей семье достойный уровень жизни», — описывает текущую ситуацию эксперт.

Для стран ЦА самое главное сейчас — избежать попадания в политико-демографическую ловушку, описанную американским социологом **Джеком**

Голдстоуном, добавляет кандидат политических наук **Алексей Черняев**. Продолжение неконтролируемого роста населения, по его словам, грозит региону самыми тяжелыми потрясениями — в полном соответствии с демографической теорией революций.

«Важно, чтобы темпы роста населения кардинально не отрывались от экономической динамики и возможностей интеграции в общество новых поколений. Именно поэтому необходимо постепенное контролируемое снижение темпов прироста населения. Но пока руководство стран региона не в полной мере осознает, насколько безудержный рост населения в перспективе угрожает их власти», — считает российский эксперт.

Урбанизация как выход и фактор риска

Еще один фактор демографического роста — относительно низкий уровень урбанизации: большая часть населения Центральной Азии по-прежнему проживает в сельской местности, где уровень рождаемости по определению высок. Самый значительный показатель урбанизации к концу 2019 года был достигнут в Казахстане — 59,2%, по данным минэкономики страны. Между тем в Таджикистане, наименее урбанизированном государстве Центральной Азии, доля городского населения, согласно

данным Всемирного банка (ВБ), в 2019 году составляла лишь 27%.

Низкие показатели урбанизации уже осознаются государствами как социально-экономическая проблема. Президент Узбекистана **Шавкат Мирзиёев** в послании парламенту в 2018 году поставил задачу довести уровень урбанизации до 60% к 2030 году. Фактически это означает увеличение доли городских жителей почти вдвое, исходя из качественной оценки текущего уровня урбанизации примерно в 35% (без учета сельских поселений, административной волей получивших статус поселков городского типа).

Однако успех на этом пути напрямую зависит от способностей государств формировать качественную городскую среду и инфраструктуру, от потенциала экономик к созданию современных рабочих мест. На сегодняшний день в Центральной Азии уже есть вполне убедительные образцы урбанизации, соответствующие стандартам XXI века, в первую очередь новая столица Казахстана Нур-Султан, в развитии которой участвовали лучшие мировые урбанисты и архитекторы. В то же время значительная часть городов региона растет по траектории, типичной для глобальной периферии: стихийная урбанизация порождает нелегальную застройку, способствует расширению неформальной экономики, усиливает социальное расслоение.

Эти процессы, напоминает Андрей Казанцев, шли еще в советские времена, когда на окраинах центральноазиатских городов появлялись кварталы стихийной застройки, получившие название «нахалстрой». «У населения трудоизбыточной сельской местности, по сути, два выхода, — признает эксперт, — либо переселяться в города своих стран, либо отправляться в российские города в качестве трудовых мигрантов. Инфраструктура городов региона этот поток явно не выдерживала и в советский период, при всех тогдашних ограничениях и системе контроля, а теперь управлять стихийной урбанизацией и подавно не получается».

На самом деле в Центральной Азии нет урбанизации в привычном смысле, уверен Марат Шибутув. По его словам, городское пространство уменьшается, ведь города в регионе растут за счет многоэтажных гетто или одноэтажных фавел, где есть проблемы с коммуникациями, мало социальной и нет культурной инфраструктуры, а самое главное, нет нормальных постоянных рабочих мест.

«Я уже не говорю об уменьшении многих малых городов и моногородов, о превращении поселков в села и о появлении гигантских сел, которые даже при большой численности населения все равно не могут стать городом. Все это проявления ложной урбанизации, а отчасти и рурализации», — добавляет эксперт, отмечая еще одну проблему, уже климатического характера. «Урбанизация, — говорит Шибутув, — это благо при гарантированном доступе к разным ресурсам, а для нашего региона характерны аридный климат, наличие пустынь и постоянная угроза землетрясений в предгорьях, наиболее комфортных для жизни. Рост городов сдерживает и доступность воды и электроэнергии. Поскольку мы, возможно, находимся на пороге довольно длительного засушливого периода, урбанизация будет создавать одни проблемы».

Урбанизация как самоцель региону не нужна, соглашается Алексей Черняев. По его словам, главный риск — повторение процессов, происходивших в разных странах, от Бразилии до Нигерии, когда в поисках лучшей жизни в крупные города стягивались миллионы людей из сельской местности и малых городов. Эти люди, которым города по большей части не в состоянии предложить работу, соответствующую их ожиданиям, в итоге пополняют ряды прекариата и люмпен-пролетариата, а места их расселения превращаются в огромные трущобы-фавелы, контролируемые криминалом и экстремистами.

За очень короткий по историческим меркам срок тихий районный центр, тогда Акмолинск, превратился в центр притяжения капитала, человеческих ресурсов, технологий и инноваций. За 23 года прирост населения составил почти 850 тыс. человек, и на 1 мая 2021 года в Нур-Султане официально проживало уже порядка 1,2 млн жителей

«Центральной Азии пойдет на пользу только урбанизация, обусловленная реальным экономическим развитием городов, — считает Алексей Черняев. — Напротив, быстрая урбанизация, превышающая темпы экономического роста, приведет к развитию негативных процессов, в первую очередь к росту радикального исламизма среди новых маргинализированных групп горожан, к осязаемому увеличению политической нестабильности и снижению качества жизни в городах. Покойный Ислам Каримов, который ограничивал рост Ташкента, с политической точки зрения, надо сказать, действовал очень разумно».

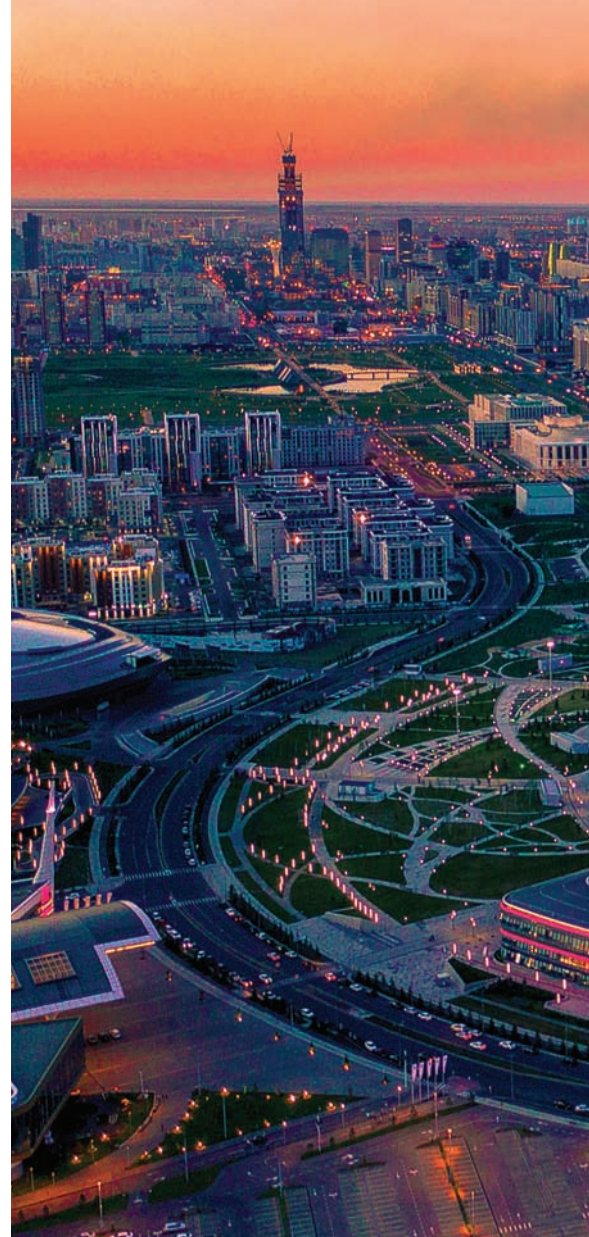
Деурбанизация на разных скоростях

История возникновения городов Центральной Азии уходит в глубь тысячелетий, и многие из них успешно пережили все перипетии истории региона. Самарканд, Бухара, Ургенч, Мерв (предшественник города Мары на юго-востоке Туркменистана), Термез — эти города в период расцвета Великого Шелково-

го пути были крупнейшими центрами трансконтинентальной торговли и грамотности, науки и ремесел, точками пересечения культур и цивилизаций Евразии.

Следующий этап развития городов ЦА связан с периодом ее вхождения в состав Российской империи. Кокшетау, Акмолинск (ныне Нур-Султан), Актау, Верный (ныне Алматы), Бишкек, Ташкент — эти города выросли либо из российских крепостей, либо создавались как торгово-промышленные и административные центры русских среднеазиатских владений.

Но подлинно масштабная урбанизация началась с приходом советской власти, которая предприняла форсированную индустриализацию региона, сопровождавшуюся массовым переселением специалистов из промышленно развитых районов СССР. К концу 1980-х годов уровень урбанизации в регионе достигал 45,6%, хотя на момент обретения независимости страны ЦА все еще представляли собой в основном аграрно-индустриальные экономики с преобладающим сельским населением.

ПРЕСС-СЛУЖБА МОСКИ

Опыт урбанизации региона в рамках системы централизованного планирования СССР до сих пор считается уникальным, однако он не только во многом определил сегодняшний облик центральноазиатских городов, но и создал ряд долгосрочных проблем. При распределении населения и экономической деятельности на территории Союза решающую роль далеко не всегда играли экономические факторы. Основной упор делался на формирование урбанизированных зон с развитой добывающей промышленностью и инфраструктурой в малоосвоенных и труднодоступных районах с природными ресурсами, что заложило существенный дисбаланс в пространственном развитии региона.

В постсоветский период четко сформулированной политики урбанизации у большинства стран региона не было, что лишь способствовало стихийному переселению в города жителей села и утрате качества городской среды. Примером несбалансированного подхода к развитию городов может служить Кыргызстан, где упор делается лишь на два крупных центра — Бишкек и Ош. Результат в силу отсутствия достаточ-

ных инвестиций в инфраструктуру сомнителен: Бишкек возглавляет список самых загрязненных городов мира в глобальном рейтинге качества воздуха, а Ош в 2019 году занял последнее место в рейтинге конкурентоспособности городов Центральной Азии и Кавказа компании ISPG.

В целом за три постсоветских десятилетия ЦА пережила процесс деурбанизации, который стимулировался стремительным оттоком из региона квалифицированных кадров. По прогнозам ООН, только к середине столетия ЦА перешагнет уровень урбанизации в 50%, то есть вернется к советским показателям.

Тем не менее в регионе уже формируется сеть мегаполисов и крупных агломераций, которая, несмотря на миграционный отток, концентрирует экономический рост, потребление и формирует новые стандарты образа жизни. В частности, на Алматы с населением около 1,8 млн человек приходится 30% потребительских расходов Казахстана, а в Ташкенте, где живет 8% населения Узбекистана, осуществляется 27% потребительских расходов страны.

Еще более заметен этот тренд в Туркменистане, где 52% потребительских расходов — это Ашхабад при доле столицы в 20% от общего населения страны. В упомянутом рейтинге ISPG Ашхабад в 2019 году занимал пятое место, однако обратной стороной успеха является то, что малые и средние города Туркменистана слабо участвуют в экономическом и социальном развитии страны. Да и многомиллиардные государственные инвестиции в строительство «Нового Ашхабада», который поражает воображение немногочисленных туристов, едва ли будут эффективны, учитывая закрытость Туркменистана от внешнего мира и низкий уровень доходов основного населения страны. Между тем оставшаяся ее часть из-за такого перекоса инвестиций в пользу столицы остается без жизненно важной инфраструктуры.

Другим типичным для постсоветской системы расселения ЦА процессом стала рурализация — перенос сельской традиционной культуры на городское сообщество: такая тенденция наблюдается почти во всех крупных городах Таджикистана. А для Узбекистана и Туркмени-

стана характерна еще и периферийная урбанизация — административное объединение и преобразование сельских поселений в городские, которые зачастую не сопровождаются приданием им подлинно городского облика.

Например, в Узбекистане с 2009 года число городов увеличилось со 113 до 1085, статус городских поселков получили 965 сел с общим населением 4,4 млн человек. Лишь в последние годы власти пришли к пониманию, что настоящая урбанизация подразумевает создание условий для качественного социально-экономического роста городов. Концепция развития урбанизации в Узбекистане до 2030 года предусматривает создание новых городов и городов-спутников за счет комплексного жилищного строительства, что уже вызвало в стране бум девелопмента.

Новый урбанизм Казахстана

Фактически Узбекистан сейчас идет по пути Казахстана — самой урбанизированной страны региона, где за годы независимости принципиально поменялись подходы к городскому управлению: вместо экономической жизнеспособности городов главным стал принцип их пригодности для жизни. При этом фокус с индустриализации сместился на развитие человеческого капитала, а количество городов в стране практически не изменилось.

В 2019 году совокупный ВВП 17 крупнейших городов Казахстана составил около 173 млрд долларов, или почти 77% ВВП 34 ведущих городов Центральной Азии. Стратегия «Казахстан-2050» предполагает, что к середине столетия доля городского населения достигнет 70%, и это сопоставимо с нынешним уровнем многих развитых стран мира. Проект «Сильные регионы и урбанизация», входящий в Стратегический план развития Казахстана до 2025 года, касается не только крупных, но и средних городов.

В недавнем послании к нации Президент **Касым-Жомарт Токаев** отметил, что именно областные центры должны стать точками роста для регионов, тогда как города-миллионники будут опорой для глобальной конкурентоспособности страны. При этом, по его словам, обязательно соблюдение принципа «люди в инфраструктуре», для реализации которого планируется разработать закон о развитии агломераций, а также создать новые стандарты комплексной застройки городов. В рамках государственной программы «Нурлы жол» также формируется единая транспортная сеть.

Новый вектор развития казахстанских городов подразумевает приоритет общественных пространств над коммер-

ческой застройкой. В городах центрального подчинения и областных центрах введен бюджет народного участия, что позволило учесть реальные потребности жителей в десятках пилотных проектов благоустройства. Этот опыт был признан успешным, и теперь планируется увеличение доли народного участия в бюджете на благоустройство и ЖКХ на порядок.

Внедряется в Казахстане и глобальная доктрина «умного» города с акцентом на безопасность, транспорт, ЖКХ, образование, здравоохранение и управление. Реализация этой концепции уже позволила Алматы и Нур-Султану войти в соответствующие мировые рейтинги. Например, в исследовании ООН Local Online Service Index 2020 года Алматы занял 29-е место из 100 городов, а в рейтинге Mercer's Quality of Living южная столица Казахстана занимает 177-ю позицию среди 231 города. Оба казахстанских мегаполиса включены и в топ-500

инновационных городов мира Innovation Cities Index.

Развитие агломераций также является одним из приоритетов современного казахстанского градостроительства в глобальном тренде. Сейчас в стране есть четыре агломерации, развивающиеся вокруг Нур-Султана, Алматы, Шымкента (с 1989 года его население выросло в три раза и превысило миллион человек) и Актобе. Наиболее показательным образцом является новая столица Нур-Султан, которая в рейтинге конкурентоспособности крупных городов Центральной Азии и Кавказа ISPG заняла первое место. За очень короткий по историческим меркам срок провинциальный город Акмолинск превратился в центр притяжения капитала, человеческих ресурсов, технологий и инноваций для всей страны. Планировалось, что новая столица станет миллионником к 2030 году, однако это произошло на десять лет раньше. На 1 мая 2021 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕСС-СЛУЖБЕЙ АКИМАТА Г. НУР-СУЛТАНА

Новый вектор развития
казахстанских городов
подразумевает приори-
тет общественных про-
странств над коммер-
ческой застройкой с
соблюдением ключевого
принципа «люди в инфра-
структуре»

в Нур-Султане официально проживало уже порядка 1,2 млн жителей, а к 2035 году число жителей города должно составить 2 млн.

Одним словом, Казахстан уже вошел в список тех стран мира, которым удалось успешно осуществить перенос столицы в целях ускорения развития периферийных некогда территорий. Сегодня Нур-Султан является не только драйвером развития национальной экономики, но и точкой роста для всего региона.

Многоликая и разнонаправленная миграция

Трудовая миграция: география расширяется. Значительная трудовая эмиграция — одна из магистральных демографических тенденций в Центральной Азии, которая практически наверняка сохранится и в долгосрочной перспективе. Наблюдаемые статистическими методами масштабы этого явления ис-

числяются в миллионах человек, таков же количественный порядок и «теневое» миграционного потока.

По данным специалистов РАН, в преддверии пандемии коронавируса на территории России могло находиться около 3,2 млн документированных трудовых мигрантов из стран ЦА, на которых приходится примерно три четверти общего потока трудовой эмиграции в РФ. Число же недокументированных мигрантов из региона, занятых преимущественно в неформальном секторе российской экономики, оценивалось в пределах 1,9 млн.

Таким образом, совокупный миграционный поток из ЦА в Россию — главное направление отхожих промыслов — в недавнем прошлом составлял порядка 5 млн человек, или примерно 7% общей численности населения региона. Основу этого потока формируют Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан. Объем трудовой миграции из Туркменистана

относительно достоверной оценке не поддается, хотя и он явно очень высок.

Казахстан и здесь стоит особняком: в последние годы он все активнее предоставляет работу гражданам соседних государств. В 2019 году, до пандемии, в Казахстане насчитывалось порядка миллиона трудовых мигрантов из ЦА, главным образом из Узбекистана, а также стал все более заметен приток из Туркменистана. Особенно привлекательным для мигрантов Казахстан стал в начале пандемии, когда Россия закрыла свои границы. Хотя зарплаты в Казахстане ниже российских, общий уровень благосостояния значительно превосходит остальные страны региона: к примеру, в Нур-Султане среднедушевые расходы составляют 15 долларов в сутки, что почти вдвое превышает соответствующий показатель в Кыргызстане (7,7 доллара). Кроме того, жителей других стран Центральной Азии привлекает в Казахстан схожий ментали-

Долгосрочная ставка на детей

Куаныш Жаиков, партнер ТОО «Центр исследований и консалтинга», Казахстан:

— Из-за эмиграции и катастрофического падения рождаемости к концу 90-х в Казахстане возникла демографическая яма. Это поколение подросло, и уже сейчас ощущается дисбаланс спроса и предложения на рынке труда. Думаю, что работодатели в ближайшее время будут вынуждены повышать заработную плату для стартовых позиций. Среднесрочно вижу больше вызовов, нежели возможностей. Однако в моменте возможны и интересные кейсы.

Казахстан довольно большая, демографически и экономически разнородная страна с формирующимся городским классом. Алматы и Нур-Султан становятся «плавленными котлами» и бьют региональные рекорды по приросту населения. Неожиданные формы человеческого капитала могут проявиться в промышленных городах

вдоль северной границы. Там, на стыке ощутимо разной культурной среды и в сосредоточении «индустриальных мозгов», может сформироваться глобально значимый креативный класс. Эта история схожа с промышленными городами США и Канады, из которых вырастали таланты. Речь идет не только об уже известных казахстанских артистах, но и о фрилансерах — программистах, дизайнерах и других профессиях. Мне кажется, в какой-то момент мир заинтересуется феноменом этого региона. Долгосрочно возможностей в развитии человеческого капитала гораздо больше.

Мало стран в мире могут де-факто позволить себе подобный «триумвират». В развитом мире, особенно в Европе, глубокие демографические проблемы. Во многих развивающихся странах слабая экономика, не позволяющая трансформировать демографический потенциал в человеческий капитал. Даже при комбинации демографии и экономики роль государств остается ограниченной в силу низких

налогов для финансирования социальной сферы. По факту Казахстан занимает первое место в мире по изменению структуры населения в пользу детей за последние десять лет. Мы стремительно «молодеющая» страна. По национальному подушевому доходу по ППС — в группе стран «выше среднего». Большинство экономических прогнозов сходится на том, что темпы роста ВВП в Казахстане будут выше среднемировых в среднесрочной перспективе. Значительны ресурсы государства в размере 55 миллиардов долларов из Национального фонда и 35 миллиардов международных резервов, не говоря о других. Важнее другое — планы правительства. В представленных недавно национальных проектах до 2025 года сделан большой акцент на человеческом капитале — образовании, здравоохранении, рынке труда, культуре. Планируется масштабное строительство школ, повышаются зарплаты учителей и медицинских работников, предусмотрены

из личного архива

программы занятости, улучшение среды для проживания. Все это согласуется с макроэкономической политикой, на проекты зарезервированы реальные деньги. В потенциале к 2030 году мы ожидаем совершенно другую структуру рынка труда. Количественно предложений на входящие позиции станет в полтора раза больше. Качественно это будет другое поколение, не помнящее СССР и «лихие девяностые», выросшее в цифровой среде, в относительной сытости и стабильности. Ценности выживания должны быть замещены ценностями самовыражения со всей присущей им открытостью, толерантностью, креативностью и свободой мышления.

тет, общее вероисповедание и низкий языковой барьер. Труд и защита прав мигрантов между странами ЦА также регулируются лучше, чем в России. Как следствие, Казахстан является единственной страной региона, демонстрирующей положительный миграционный прирост.

Поступления денежных переводов от трудовых мигрантов будут еще долго играть важную роль в экономиках региона, особенно в менее развитых. По данным ВБ, Кыргызстан и Таджикистан входят в первую десятку стран мира, получающих самые большие внешние переводы по отношению к ВВП. Эти поступления вносят немалый вклад в снижение бедности — в Кыргызстане, например, за счет переводов, по оценке Международной организации по миграции, ее уровень сократился на 6–7%. А в Таджикистане переводы мигрантов являются одним из ключевых источников пополнения государственного бюджета. В первом полугодии 2020 года объем поступлений составил порядка миллиарда долларов.

В Узбекистане общий объем внешних переводов в 2020 году составил более 6 млрд долларов — больше, чем доходы от экспорта золота. Несмотря на пандемию, он даже несколько вырос в сравнении с 2019 годом, а снижение поступлений из России, ужесточившей правила въезда

трудовых мигрантов, был компенсирован ростом переводов из Турции, США, Южной Кореи, Израиля и других стран. Это свидетельствует о значительном расширении географии трудовой миграции из Центральной Азии.

Но драматизм картины трудовой эмиграции из ЦА заключается в том, что даже быстрые темпы роста экономики отдельных стран не приводят к появлению достаточного количества качественных рабочих мест для их граждан. Так, в Таджикистане ВВП в 2019 году вырос на 7,5%, что власти связали с успехами стратегической программы индустриализации. В Узбекистане в 2019 году экономика выросла на 5,5%, в значительной степени благодаря увеличению на 28,6% инвестиций, тоже преимущественно в промышленность. Однако количество избыточных рабочих рук в сельской местности таково, что даже ускоренные темпы индустриализации не позволяют поглощать этот излишек, к тому же современная промышленность становится все менее трудоемкой.

Поэтому среднесрочные прогнозы свидетельствуют о дальнейшем росте трудовой эмиграции. В частности, правительство Таджикистана заложило в прогноз на 2021–2023 годы рост числа граждан, отправляющихся на заработки за границу, на 9% к показателям 2020

года, до 637 тыс. человек, что составит порядка 6–7% населения страны.

«Несмотря на активное создание рабочих мест, незанятой молодежи в Таджикистане меньше не становится. Поэтому миграционный поток не имеет предпосылок к уменьшению. Искать работу, кроме как за границей, пока что нелегко. Рабочие места не успевают за демографией. И, как и в предыдущие двадцать лет, трудовая миграция будет идти в первую очередь в Россию», — комментирует **Рахмон Ульмасов**, профессор Российско-таджикского (славянского) университета.

Властям государств ЦА прежде всего нужно перестать видеть в трудовой миграции универсальный способ решения проблем своих стран, считает Алексей Черняев. Даже небольшие страны вроде Таджикистана или Кыргызстана — это не условная Литва и даже не Молдова, поэтому эмиграция части населения в условиях ощутимого демографического роста все равно не обеспечит стабильности в длительной перспективе, подчеркивает политолог.

Для снижения масштабов трудовой миграции властям придется принимать трудные решения по ограничению рождаемости — в противном случае весь рост экономики будет поглощаться увеличением населения, добавляет Марат

Большая часть населения Центральной Азии проживает в районах с низким уровнем доходов и качества жизни, поэтому даже в условиях снижения экономической активности на всем постсоветском пространстве масштабы трудовой миграции остаются высокими

Шибубов. Кроме того, для ослабления темпов трудовой миграции, по его мнению, необходимо правильно эксплуатировать природные ресурсы региона, повышать производительность труда, прежде всего в сельском хозяйстве, чтобы снизить цены на продовольствие, развивать энергетику (в Казахстане и Узбекистане — атомную).

Климатическая миграция: худшее — впереди. Расширение миграционных потоков, вызванных негативными изменениями климата, является одним из последних трендов в глобальной миграции, а значительный масштаб климатических рисков в Центральной Азии не вызывает сомнений. Согласно оценке Глобального фонда снижения рисков стихийных бедствий и ликвидации их последствий, регион уже несет ущерб от климатических катаклизмов в размере 10 млрд долларов в год.

Один из ключевых негативных трендов, связанных с повышением температуры на планете, — сокращение обеспеченности засушливого региона водой. В докладе Регионального экологического центра ЦА 2019 года предполагается, что в северной части региона климат будет становиться более влажным, в южных —

более сухим. Риск маловодья угрожает таким рекам, как Бухтарма, Зеравшан, Кафирниган, Мургаб, что неизбежно приведет к негативным последствиям для сельского хозяйства Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана. Кроме того, снижение водности рек резко ухудшает энергетический потенциал региона.

По экспертным оценкам, наиболее уязвимой к изменению климата страной ЦА является Таджикистан. За последние 60 лет среднегодовая температура воздуха здесь повысилась на один градус, и одновременно увеличились частота и интенсивность стихийных явлений, наносящих ущерб инфраструктуре и приводящих к человеческим жертвам. В 2020 году из-за стихийных бедствий Таджикистан понес потери в эквиваленте 5,2 млн долларов. В стране уже появились свои внутренние экологические мигранты: в середине 2021 года Управление миграции Согдийской области выделило земли под строительство домов для семей, проживавших на потенциально опасных территориях в Пенджикенте. Климатическая миграция разворачивается и в Узбекистане: за постсоветский период около 80 тыс. человек переселились из засушливой

Каракалпакской автономной области в центральные районы страны.

Ряд мировых исследователей указывают, что усиление климатических рисков в ЦА может привести к значительному увеличению эмиграции из этого региона в Россию.

«Наращение миграции представляет собой величайшую долгосрочную угрозу для России, связанную с изменением климата, и главный ответ тем россиянам, которые думают, что их страна выиграет от глобального потепления, избежав при этом его негативных последствий. Будучи огромной евразийской страной с самыми протяженными сухопутными границами в мире, Россия не сможет защитить себя от последствий распада государств, расположенных к югу от нее. Потенциальный вклад изменений климата в миграцию мусульман и растущую напряженность по этому поводу очевиден, учитывая опасения относительно засух в Центральной Азии», — предупреждает британский политолог **Анатолий Ливен**.

Подобные заявления не остаются без внимания российских властей. В октябре в выступлении на Третьем Евразийском женском форуме вице-премьер РФ **Виктория Абрамченко** заявила, что Россия должна ожидать появления нового притока мигрантов в связи с трансграничным характером изменений на планете.

Ситуация осложняется тем, что сама Центральная Азия может оказаться притягательным регионом как для внутренней миграции, так и для жителей перенаселенных азиатских стран с повышенными климатическими рисками. Согласно недавней оценке ВБ, к 2050 году в ЦА поселятся до 2,4 млн климатических мигрантов, основными зонами их притока будут Ферганская долина, земли вокруг Ташкента, низменные районы Южного Таджикистана, включая Душанбе, а также густонаселенные города Северного Казахстана. В свою очередь, территориями, где будет наблюдаться миграционный отток, вызванный климатическими причинами, станут территории вдоль южной границы Казахстана, районы, прилегающие к Ферганской долине в Узбекистане и Таджикистане, земли вокруг Бишкека, отдельные районы Восточного Туркменистана и юга Узбекистана. Эти разнонаправленные миграционные потоки чреваты резким усилением социальных конфликтов, в особенности в такой исторически конфликтной зоне, как Ферганская долина.

Образовательная миграция: возвращаются не все. Одним из устойчивых миграционных трендов в ЦА явля-

ется и отъезд молодежи в те страны, где получение высшего образования даст возможность устроиться на хорошую работу. В самом регионе центром образовательной иммиграции стал Казахстан, считающийся перспективным местом для последующего трудоустройства. Страна занимает достаточно высокое место (56-е из 125 государств) в Глобальном индексе конкурентоспособности талантов (GTCI) бизнес-школы INSEAD, где оцениваются возможности разных стран и городов мира по привлечению ценных работников.

Традиционно велик поток студентов из ЦА в российских вузах — в них уже учится порядка 160 тыс. выходцев из региона, а в мае президент **Владимир Путин** поручил проработать вопрос об увеличении их числа. Большинство абитуриентов выбирают такие специальности, как ядерная физика, экономика и медицина.

Образовательная миграция априори не является чем-то вроде билета в один конец — это явление еще предстоит эффективно использовать в интересах тех стран, откуда молодежь уезжает на учебу. Интересен в этом смысле пример Узбекистана, где некоторые из двух тысяч российских компаний, работающих в стране, предлагают квоты на трудоустройство выпускников российских вузов. В Казахстане с 1993 года дей-

ствует программа «Болашак» — государственная стипендия на учебу в ведущих зарубежных вузах для формирования кадрового потенциала наукоемких и технологичных отраслей экономики.

Индустриализация в постиндустриальном мире

Очевидно, что увеличение доли среднего класса в Центральной Азии напрямую связано с повышением уровня урбанизации в регионе: средний класс — это прежде всего городской феномен. С этой точки зрения усилия властей, прежде всего Казахстана и Узбекистана, направленные на развитие городской инфраструктуры, можно лишь приветствовать. Однако изначально необходимо адекватно оценивать все риски быстрого увеличения городского населения в условиях постиндустриального уклада. Современные городские экономики создают рабочие места преимущественно в сервисном секторе, который (в отличие от классической промышленности) характеризуется низкими темпами роста производительности труда и значительной конкуренцией между соискателями.

Эти общие соображения наполняются региональной спецификой в контексте уже приводившихся демографических прогнозов. К 2050 году, по оценке международных экспертов, количество

EAST NEWS

Назарбаев Университет — это уникальный проект, не имеющий аналогов на евразийском пространстве, благодаря которому Казахстан стремится осуществить качественный прорыв в подготовке нового поколения технической и научной элиты страны

трудоспособных граждан ЦА резко вырастет: на 6,4 млн человек в Узбекистане, на 2,8 млн в Таджикистане, на 900 тыс. в Туркменистане. Задача создания современных рабочих мест для этой будущей резервной армии труда должна решаться уже сегодня, причем в условиях максимально сложной конъюнктуры глобального рынка труда.

Ситуация осложняется исходно высоким уровнем безработицы. В Узбекистане число нуждающихся в трудоустройстве в конце 2020 года превышала 1,6 млн человек, уровень безработицы среди экономически активного населения составлял 11,1%, а среди молодежи в возрасте 16–30 лет безработица превышала 17%. В Кыргызстане официальный уровень безработицы в 2020 году составлял 7,89%, в Таджикистане — 7,5%, в Туркменистане ВБ оценивает безработицу на уровне 4,38%. Но достоверность этой статистики вызывает сомнения, поскольку в регионе процветает теневая экономика: только 40% трудящихся заняты официально.

Поэтому увеличение доли жителей ЦА, работающих в современных сервисных секторах городской экономики наподобие туризма или сетевого ритейла, не будет автоматически означать соответствующего роста среднего класса. Представители этих профессий изначально могут оказаться в ловушке

низких доходов, при том что современная городская жизнь неизменно требует от людей соответствия ее внешним атрибутам, что вынуждает многих из тех, кто считает себя представителем среднего класса, повышать собственную закредитованность ради статусного потребления.

Образование — слабое звено человеческого капитала

В докладе ООН о человеческом развитии 2020 года наиболее высокую позицию в рейтинге стран из государств Центральной Азии предсказуемо занимает Казахстан, находящийся на 51-м месте и опередивший расположившуюся следом Россию, а также Турцию (54-е место). Остальные государства расположились за рамками первой сотни: Узбекистан по индексу человеческого развития (ИЧР) занял 106-е место между Ливией и Бolivией, Туркменистан — 111-е место между Самоа и Венесуэлой, Кыргызстан — 120-е место между Габон и Марокко, Таджикистан — 124-е место между Сальвадором и Кабо-Верде. Приведенные сравнения лишены раз напоминают, что все государства ЦА, за исключением Казахстана, относятся к территориям глобальной периферии.

Всемирный банк, выделяющий четыре ключевых аспекта человеческого капитала — компетенции, здоровье,

знания и адаптивность, — в своем индексе человеческого капитала в 2020 году пришел к похожим результатам. Наиболее высокое — 53-е — место в этом рейтинге занял Казахстан, оказавшийся между Черногорией и Украиной: его ранг оказался выше, чем среднее значение индекса человеческого капитала у стран верхней группы средних доходов. Узбекистан оказался на довольно высоком 60-м месте между Болгарией и Мексикой, на 72-й строчке обосновался Кыргызстан, за пределами первой сотни стран мира остался Таджикистан (114-е место), а Туркменистан вообще не вошел в исследование, очевидно в силу отсутствия релевантных данных.

Анализ отдельных факторов в индексе человеческого капитала ВБ показывает, что значительные расхождения между странами определяются качеством и доступностью образования. Например, в Таджикистане высшим образованием охвачено около 13% населения, в Узбекистане — 9%, в Туркменистане — 8%. Лучше всего ситуация выглядит в Казахстане: там высшее образование имеет или получает почти половина населения. Ни одна из стран, кроме Казахстана, не представлена в международных рейтингах вузов. При этом стоит отдельно упомянуть Назарбаев Университет, созданный по инициативе Первого Президента РК, который является одним из флагманов высшего образования в регионе и сочетает в себе лучшую международную образовательную модель и научную практику, основанную на стратегическом партнерстве с вузами мирового уровня и научными учреждениями, лучшими в своих областях.

Показатели продолжительности образования для граждан до 18 лет варьируются от 10,9 года в Таджикистане до 13,7 в Казахстане. Наиболее высокие показатели экзаменационных оценок авторы рейтинга зафиксировали в Узбекистане (474), наименьшие — в Таджикистане (391). В Таджикистане же дети меньше всего в совокупности учатся в школе (6,8 года), тогда как в Узбекистане и Казахстане этот показатель составляет 9,1 года. Из этих параметров складываются интегральные показатели. Дети, родившиеся в Казахстане, по оценке ВБ, смогут реализовать свой потенциал человеческого капитала на 63%, для Узбекистана этот шанс оценивается в 62%, для Кыргызстана — в 60%, для Таджикистана — в 50%.

Именно недостаточный уровень образования во многом определяет специфику трудовой миграции из региона: типичный гастарбайтер из ЦА ассоциируется прежде всего с познаниями на уровне младшей школы. Количество

школьников, которые не могут использовать навыки чтения, письма и математики для эффективного участия в жизни общества, в регионе действительно растет. Например, в Кыргызстане, как показывают результаты Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (PISA), около 6% детей школьного возраста не посещают школу, более 50% учащихся не достигают базового уровня по чтению, математике и естественным наукам. В Таджикистане у 77% второклассников показатели беглости чтения и понимания текста ниже национальных норм.

Проблемы усугубляются, опять-таки, низким уровнем урбанизации: в сельских и отдаленных местностях ЦА зачастую слабый охват детей школами и дошкольными образовательными учреждениями. В Кыргызстане, к примеру, более 80% школ находятся в сельской местности. Свою лепту в ухудшение качества образования вносит и высокая демографическая динамика. Количество учащихся школ постоянно растет, городские школы оказываются переполненными, а ресурсы системы образования используются неэффективно.

Крайне негативные долгосрочные последствия для человеческого капитала в ЦА может иметь пандемия коронавируса, не только нанеся удар по бюджетам государств, но и внесшая дезорганизацию в образовательные системы. Для значительной части семей дистанционное образование, сфера которого резко выросла в связи с пандемией, недоступно в силу низких доходов, не позволяющих приобрести необходимую для этого технику, низкой цифровой грамотности и слабого развития IT-инфраструктуры. В 2019 году в Таджикистане лишь 1% домохозяйств имели компьютер, в Кыргызстане этот показатель составлял 12,4% (в Казахстане, для сравнения, 80%). 100-мегабитный интернет, по данным портала Picodi.com, в Узбекистане стоил более 50 долларов в месяц, в Кыргызстане — 35 долларов, в Казахстане — около 11.

По оценке ВБ, эффекты пандемии в Центральной Азии будут ощущаться в течение десятилетий, включая экономические потери в размере 44 млрд долларов, причем это не самый пессимистический сценарий. Нынешняя ситуация способствует дальнейшему увеличению образовательного неравенства как между странами, так и внутри них. В ЦА еще до пандемии разрасталась сеть частных и государственных «экспериментальных школ», в которых постепенно концентрировались лучшие педагогические кадры и наиболее перспективные ученики. При этом даже по-

Об очень высоком по
меркам Центральной
Азии уровне развития
медицины в целом сви-
детельствует 44-е место
Казахстана в рейтинге
эффективности систем
здравоохранения агент-
ства Bloomberg

лучение качественного образования не гарантирует, что его обладатели будут работать на благо своей страны: утечка мозгов остается хронической проблемой в регионе, в особенности в Узбекистане и Туркменистане.

Научный и медицинский задел Казахстана

Всего этого комплекса взаимосвязанных проблем удастся так или иначе избежать, пожалуй, только Казахстану, который в рейтинге ООН по уровню образования — 2020 занимает 35-е место, опережая Россию, Кыргызстан и Узбекистан в этом исследовании оказались лишь на 70–71-е местах, Таджикистан — на 96-м, Туркменистан — на 111-м.

В сфере высшего образования Казахстан также значительно опережает другие страны ЦА, если судить по наиболее статусным мировым рейтингам вузов. В частности, в свежей версии QS

World University Rankings, в который входят около 1300 университетов по всему миру, представлено 14 казахстанских вузов во главе с Казахским национальным университетом имени Аль-Фараби, который занимает 175-е место, а другим странам ЦА в этом исследовании места не нашлось. Среди достижений вузов Узбекистана можно отметить четыре позиции в субрейтинге QS для развивающихся стран Европы и Центральной Азии 2021 года.

Сегодняшнее место ЦА на карте мировых научных достижений, несомненно, весьма скромное — в отличие от Средних веков, когда эта территория была одним из важнейших центров просвещения в Евразии. Тем не менее вклад современных ученых региона в решение глобальных проблем человечества вполне заметен. Например, президент Академии профилактической медицины Казахстана Алмаз Шарман является

и нейрохирургии, трансплантологии, репродуктивной медицины, ортопедии и оздоровительных процедур. Соответствующим мировым стандартам считается и уровень развития стоматологии — это направление уже привлекает в Казахстан пациентов из России, Германии, Норвегии и даже США.

Спорт больших амбиций

Такой важный для качества современной жизни аспект, как спортивная инфраструктура, в ЦА развит также очень неравномерно. Уверенно конкурировать за проведение крупных международных соревнований пока может разве что Казахстан, где за последние годы проходили чемпионаты мира по боксу, борьбе, тяжелой атлетике, хоккею с мячом, фристайлу и сноуборду.

Что касается достижений спортсменов из Центральной Азии на главных мировых аренах, то об их уровне наглядно свидетельствует статистика выступлений на последней летней Олимпиаде в Токио. Представители региона завоевали лишь три золотые (все — Узбекистан), три серебряные и 11 бронзовых (включая восемь у Казахстана) медалей. Кроме того, сборным ЦА ни разу не удавалось пробиться в финальную часть такого престижного турнира, как чемпионат мира по футболу, хотя в финал мировых первенств по хоккею регулярно выходит сборная Казахстана. Иными словами, пока спорт в регионе развивается по принципу «главное — не победа, а участие».

Тем не менее регион, прежде всего Казахстан, регулярно демонстрирует желание проводить на своей территории крупные спортивные мероприятия, рассматривая их как возможность заявить о себе на мировом уровне, активизировать инвестиции и туризм. Самым значимым событием из этой серии стала поданная в 2013 году заявка на проведение зимней Олимпиады 2022 года в Алматы. Итоговое решение МОК в пользу Пекина в итоге определили всего четыре голоса.

Однако на тот момент в активе у Казахстана уже была победа в борьбе за право принимать зимнюю Универсиаду 2017 года, подготовка к которой способствовала развитию инфраструктуры Алматы. В общей сложности на это мероприятие правительство страны выделило 109 млрд тенге, строительство объектов Универсиады позволило создать более 30 тыс. рабочих мест. Учитывая международные амбиции Казахстана, вполне можно ожидать, что рано или поздно его планы принять у себя Олимпиаду или футбольный мундиаль увенчаются успехом. ■

автором новой методологии изучения распространенности ВИЧ-инфекции, которая позволила ООН пересмотреть масштабы пандемии СПИДа, значительно уменьшив оценочную численность ВИЧ-инфицированных. В Казахстане по инициативе Шармана, долгие годы работавшего в ведущих вузах США, была разработана госпрограмма развития телемедицины для сельских районов, которая позволила охватить десятки удаленных от городских центров территорий.

Об очень высоком по меркам ЦА уровне развития медицины в целом свидетельствует 44-е место Казахстана в рейтинге эффективности систем здравоохранения, который в 2018 году представило агентство Bloomberg на основании данных Всемирной организации здравоохранения, ООН и ВБ. В этом исследовании Казахстан оказался выше всех бывших советских республик, а в

исследовании качества системы здравоохранения по итогам первого полугодия 2021 года компании Numbeo занял 58-е место, опередив Россию, Украину и Белоруссию.

В последнее время Казахстан стремится продвигать возможности своей медицины на международном уровне, причем не только в регионе ЦА. Появление в 2018 году национальной дорожной карты по медицинскому туризму во многом было предопределено уже сложившимися практиками. Жители Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана давно стали ездить в Казахстан на лечение и диагностику, поскольку либо не могут получить необходимых медицинских услуг, либо они будут существенно дороже. По оценке Республиканского центра развития здравоохранения, занимавшегося разработкой дорожной карты, иностранных пациентов в Казахстане интересуют возможности кардио-

Взгляд в будущее

Давно человечество не проживало столь непредсказуемое время, как сегодня. Пандемия коронавируса лишь подчеркнула процессы, которые выбивали почву из-под ног: изменения климата, конфликтная многополярность, автоматизация и девальвация труда, имущественное расслоение. Прогнозы и раньше были делом неблагодарным, а сегодня и вовсе стали хлебом фантастов и футуристов. Ну, право, как заглянуть в 2050 год, когда на горизонте пятилетки рассыпаны одни «черные лебеди»?

Центральная Азия переживает кризис будущего, может быть, даже острее остальных регионов мира. Мощная трансформация, постигшая эти земли в минувшее столетие, казалось бы, позволяет с оптимизмом смотреть на перспективу. И то, как регион справлялся с многочисленными рисками за последние 30 лет, говорит о некотором запасе прочности. Но эпоха глобализации сменяется деглобализацией и регионализацией, транзитный и ресурсный потенциал исчерпывается. И лишь центральноазиатские локомотивы встают на рельсы индустриализации и модернизации экономик, в то время как иные соседи лишь завершают этап политической стабилизации.

Но внезапно происходит новый мах геоэкономических качелей: морской фрахт взлетает в цене и опережает стоимость сухопутной перегонки грузов с Востока на Запад, а значит, инвестиции в китайские «Шелковые пути» вновь актуальны. Минусовые цены на ресурсы сменяются суперралли, и это вновь позволяет Центральной Азии с уверенностью смотреть на заполняемость казны.

Похоже, стратегии развития государств всего мира будут зависеть от адаптивности экономик к бурно меняющимся внешним обстоятельствам и консолидированного стремления элит и народов жить в справедливых и комфортных условиях. На горизонте 30 лет у Центральной Азии есть все условия для динамичного прорыва. ■

Петр Скоробогатый

Вызовы и перспективы Центральной Азии до 2050 года

50 тыс. долларов — средний доход на человека, средний класс и жизнь, как в Европе. Готова ли Центральная Азия начать золотой век 2.0

Центральная Азия — регион чрезвычайно удобный и где-то даже парадоксальный для прогнозирования. Мало кто из серьезных экспертов и специалистов берется предсказать его будущее или хотя бы обозначить траекторию движения за горизонтом среднесрочного взгляда. Но при этом богатейшая палитра событий прошлого и настоящего позволяет выстраивать головокружительные гипотезы, где новый золотой век Центральной Азии через слово соседствует с деградацией, развалом и черной дырой.

Совсем недавно, после прихода к власти талибов в Афганистане, в моду вернулись алармистские предсказания. Вспомнили о хрупких границах, сложных межнациональных отношениях и низком уровне жизни на ряде территорий. Впрочем, несколько относительно спокойных месяцев, прошедших после вывода американских войск и установления новой власти в Кабуле, показали, что посыпать голову пеплом рано: под российским и отчасти китайским зонтиком безопасности государства Центральной Азии чувствуют себя относительно спокойно и даже выбирают самостоятель-

ный вектор дипломатических контактов с афганскими соседями. Таджикистан жестко требует создания инклюзивного правительства, а, скажем, в Кыргызстане или Туркменистане готовы к сотрудничеству и общим инфраструктурным проектам с уже имеющимися контрагентами в Кабуле. Складывается ощущение, что регион в состоянии справиться с новыми вызовами в сфере безопасности и контртеррористической деятельности. А новое сырьевое суперралли позволит использовать богатейшие запасы в недрах региона для дальнейшей модернизации экономики и социальных институтов.

«Понятия центра и периферии претерпели существенные изменения»

Дмитрий Тренин, директор и председатель научного совета Московского центра Карнеги:

— Геополитически Центральная Азия — это одно из связующих звеньев формирующейся Большой Евразии. Она связывает огромный континент как в широтном, так и в меридиональном направлениях. Изолированность региона осталась в прошлом и уже не вернется. Вопрос в том, смогут ли страны Центральной Азии — и в какой мере — координировать свою политику на основе общих интересов. Если да — а такие попытки предпринимаются, — то можно будет говорить о международной роли регионального сотрудничества и, соответственно, о роли Центральной Азии как таковой.

Сейчас, правда, активно реализуются другие варианты, в которых страны региона участвуют в международных отношениях преимущественно на двусторонней основе (в том числе во взаимодействии с мировыми центрами — Россией, Китаем, Евросоюзом, США, Японией, Индией), а в многостороннем формате — через различные широкие организации, такие как ЕАЭС, ОДКБ, СНГ, ШОС, объединения исламских и тюркоязычных государств.

На мой взгляд, правильное говорить не о деглобализации, а о новом этапе глобализации, в ходе которого в рамках единого глобального пространства усиливается соперничество великих держав и формируются конкурирующие блоки. Пока рано говорить о том, что американо-китайская конфронтация подорвет

экономические связи между КНР и ЕС. Скорее всего, будут определенные ограничения, но связи между двумя крупнейшими экономиками Евразии будут развиваться. Разумеется, несмотря на противоречия между США и КНР, логистические связи между Китаем и Россией через Центральную Азию будут развиваться, как и связи между Китаем и Ираном, Китаем и Турцией.

Понятия центра и периферии в современном мире претерпели существенные изменения. В-первых, Европа и Северная Америка перестали быть главным мировым центром. Мощно поднялись и продолжают расти страны Азии, от Китая и Южной Кореи до Индии и Израиля. Во-вторых, сегодня глобальные центры — это не столько отдельные страны, сколько гло-

из личного архива

бально или регионально значимые города или агломерации (например, Кремниевая долина в Калифорнии и Бангалор в Индии). Периферия тоже изменилась и включает «глубинку» США и многих европейских стран. Так что в принципе нет непреодолимых препятствий для того, чтобы какие-то города Центральной Азии превратились в центры развития, значимые за пределами региона. ■

В то же время еще недавно на волне глобализации и активной международной торговли специалисты утверждали, что именно Центральная Азия получит невероятные выгоды от нового мирового порядка. «Впечатляющий рост Китая и Индии и быстрое восстановление Японии в течение последних 50 лет говорят о том, что глобальный центр политического и экономического притяжения смещается от Северной Атлантики к Азии и Тихому океану», — писал великий американский стратег **Збигнев Бжезинский**. «Центральная Азия перестанет быть периферией глобальной экономики и превратится в ее центр», — предсказал американский исследователь **Фрэнсис Фукуяма** не далее чем в 2016 году.

Аналитики McKinsey Global Institute провели интересное исследование, в котором рассчитали эволюцию центров мирового экономического притяжения за последнюю тысячу лет (этакие перекрестки, центральные точки между крупнейшими торговыми партнерами). Получилась удивительная карта (см. карту), на которой центр мирового экономического притяжения в 2025 году спустя столетия практически возвращается в центральноазиатский регион, напоминая о самом бурном, богатом и перспективном времени этих территорий и золотом веке. Центральная Азия вновь становится хартлендом, сердцем Евразии и мировой экономической активности, заверяют специалисты.

Возможно, это предсказание звучит несколько помпезно. Но если отбросить восторженные оценки, мы получим на-гора уникальные геоэкономические данные,

которые всегда определяли судьбу этого региона, одновременно являясь и уникальным подарком местным жителям, и где-то даже проклятием. Но будущее неизменно зависело и зависит от самих людей, населяющих эти территории, их взаимоотношений, качества управления, воли и желания жить лучше.

Что же нам известно определенно в контексте прогнозирования? Центральная Азия останется на важнейшем для мировой геоэкономики перекрестке торговых, технологических и финансовых коридоров «Север—Юг» и «Запад—Восток» и в треугольнике Россия—Китай — исламский мир. Притом что Китай уже показывает невероятные темпы всестороннего роста и в ближайшее время станет первой экономикой мира по всем показателям. Россия и особенно исламский мир находятся в перспективе модернизационного рывка. А западный мир и, в частности, Европа в обозримом будущем останутся крупнейшими рынками и торговыми партнерами.

Риски такой транзитной открытости также хорошо известны. И более того, трансформация мировой системы уже заставляет переосмыслить концепцию ставки на сырьевое донорство и предоставленные территорий для прогонки поездов с чужими товарами — ни то ни другое не несет достаточных выгод для фундаментальной модернизации государств. Мир входит в эпоху регионализации, деглобализации, конфликтогенности. И здесь у Центральной Азии не самые лучшие позиции и печальный исторический опыт.

На перекрестках торговых путей выросли мощные, богатые города и го-

сударства, но также часто появлялись спорные, вечно воюющие территории, на которых выясняли отношения колонизаторы, интервенты и крупные геополитические игроки (несчастный Афганистан — эталонный пример). В эти кровавые игры вовлекались местные элиты, кланы и народности, поднаживались межнациональные и межрелигиозные распри. С другой стороны, торговые перекрестки сильно зависят от экономического потенциала соседних держав и крупных партнеров, уровня их коммуникации и степени конфронтации. Подобные риски когда-то обернулись закатом золотого века Средней Азии. Не менее актуальны они и сегодня.

Тем более что определенно можно обрисовать и внутренние вызовы для региона на ближайшие десятилетия: это высокая рождаемость, все увеличивающееся молодое население («молодежный бугор») и не поспевающие за этим ростом развитие экономики, количество рабочих мест, доступность социальных благ, проблемы плодородных земель и доступа к воде. Это гарантированные вызовы для социальной стабильности, но есть и масса других, чуть более спорных.

В совокупности обрисованные нами предпосылки рисуют некий базис для прогнозирования будущего Центральной Азии на ближайшие десятилетия. В этой статье мы решили дать слово экспертам, в том числе или даже в первую очередь из самих центральноазиатских стран. Конечно, им лучше всего понятно состояние региона, и они скорее склонны к созиданию и поиску решений.

«Сейчас у стран региона есть уникальный шанс для проведения реформ»

Касымхан Каппаров, экономист, основатель Economist.kz, Казахстан:

— На мой взгляд, драйвером развития Центральной Азии в краткосрочной и среднесрочной перспективе может стать повышение взаимных торговых связей внутри региона. Есть большой потенциал для внутрирегионального взаимодействия, который все еще не реализован в полной мере и для которого требуется в основном изменение регуляторных практик в самих странах Центральной Азии. Другим драйвером может стать привлечение иностранных инвестиций, которые фокусируются не на конкретной стране, а на регионе в целом. И опять же, для этого требуется дальнейшее развитие единого рынка Центральной Азии, что повысит инвестиционную привлекательность региона в целом.

В качестве основного риска для развития региона я бы выделил изменение климата. В Центральной Азии достаточно большую долю территорий занимают земли с высоким риском засухливости, с повышенным риском для земледелия. И это там, где производится сельскохозяйственная продукция и достаточно высокая плотность проживающего населения.

Остается острым вопрос с дефицитом питьевой воды, он может стать одним из главных рисков для Центральной Азии. Вторым по значимости риском я бы выделил молодежную безработицу, так как практически во всех странах Центральной Азии наблюдаются высокая рождаемость и большие размеры семей. И сейчас мы видим по демографической пирамиде, что процент молодежи рекордный во всех странах, и поэтому вопрос обеспечения их достойным трудом будет являться одним из главных вопросов для сохранения социальной стабильности и для экономического развития. Риски деглобализации сохраняются. Регион Центральной Азии является периферийным, одним из наиболее отдаленных от мировых океанов. И в этом плане, конечно, любое сокращение темпов глобализации, сокращение объемов мировой торговли в первую очередь будет негативно сказываться на развитии нашего региона. Поэтому дальнейшее улучшение инфраструктуры, связывающей такие мировые центры, как Китай и Европа, Россия, Индия, Персидский залив, и встраивание локального бизнеса в глобальные цепочки добавленной стоимости поможет значительно снизить риск деглобализации для Центральной Азии.

Для Казахстана источником стабильного развития в первую очередь может служить развитие человеческого капитала при условии значительных инвестиций в сферу образования и здравоохранения. Это в перспективе поможет также снизить зависимость Казахстана от изменений социально-экономической ситуации у соседей, хотя в настоящее время эта зависимость довольно ограничена. В целом Казахстан может стать локомотивом развития региона, но для этого он должен принять на себя роль инвестора в страны Центральной Азии и в первую очередь инвестировать в человеческий капитал и в связи с соседями. Самым простым решением станет выделение образовательных грантов для обучения студентов из стран Центральной Азии в Казахстане, в казахстанских университетах, и это будет являться долгосрочной программой развития двусторонних отношений, направленной на улучшение человеческого капитала в регионе. Создание условий для привлечения в Казахстан квалифицированных трудовых ресурсов из центральноазиатских республик через создание специальной рабочей визы может стать одним из инструментов реализации регионального лидерства Казахстана.

из личного архива

Возможность для проведения структурных реформ появляется в период кризиса. Сейчас, после пандемии, в странах Центральной Азии, как и во многих странах мира, выявились слабые места в экономике и госуправлении. Сейчас у правительств стран региона есть уникальный шанс для проведения реформ и для устранения «неэффективностей». В частности, такая сфера, как здравоохранение, требует кардинальных реформ. Сейчас подходящий момент для того, чтобы реализовать такие социально важные, но болезненные реформы в сфере медицины и здравоохранения. Кроме того, во всех странах Центральной Азии в постковидный период актуализировалась задача цифровизации. Я думаю, что сейчас хорошая возможность для того, чтобы увеличить темпы цифровизации госуслуг и в целом цифровизации экономики в странах региона.

Выводы и контуры прогнозов

И сразу хотим поделиться главным выводом: вызовы последнего десятилетия, похоже, сформировали некий консенсус в экспертной среде. Несмотря на очевидные геополитические выгоды и ископаемые преимущества региона, специалисты предлагают искать внутренние ресурсы и делать ставку на внутреннюю модернизацию, используя ситуативные выгоды от транзита и недр в качестве бонусов стартового периода. Видимо, это осознание приходит с постановкой более амбициозных целей.

Если еще недавно для Центральной Азии важнейшими были задачи военной-политической и социальной стабилизации с подключением к крупным рынкам сбыта и инфраструктурным инвестициям, то сегодня обновленная перспектива подразумевает качественный переход региона из мировой периферии в полу-периферию. Сформулируем две цели, которые нам и многим специалистам видятся важнейшими на этом пути.

Во-первых, транзитный статус региона должен сопровождаться большей степе-

нью интеграции стран Центральной Азии в мировую торговлю. Пока что отсутствие выхода к морю проецирует огромные транспортные издержки и зависимость от узкого числа рынков. А примитивная номенклатура производимых в регионе товаров не находит сбыта даже в относительно небогатых по мировым меркам соседних странах. Модернизация, усложнение промышленных переделов, создание источников новой ренты и уход от сырьевого монопрофиля — все эти процессы в Центральной Азии должны идти еще быстрее, ведь мир также не стоит на месте. Здесь одна из основных задач в том, чтобы получить доступ к передовым технологиям и инвестициям и, грубо говоря, понять, что предложить взамен.

Во-вторых, нужны долгосрочные стратегии по развитию внутреннего рынка, умная миграционная политика, перевод демографических угроз в перспективный кадровый потенциал, а также очень аккуратная модернизация политического поля с учетом всех рисков и традиций региона. Элиты в большинстве центральноазиатских стран должны рас-

смотреть в своем населении не источник угроз и не балласт для бюджета, а уникальный актив — ведь, несмотря на деглобализацию, мировые корпорации продолжают искать выгодные производственные площадки с квалифицированной рабочей силой и низкими запросами по заработной плате.

Наконец, прежде чем познакомить вас с представлениями наших экспертов о будущем региона, просто необходимо отметить еще два важных факта. В российской традиции либо для упрощения, либо по незнанию и под тяжестями штампов принято давать одинаковые оценки всем пяти странам Центральной Азии. Мы по-журналистски не избежим этого подхода, но, конечно, прекрасно понимаем, насколько разнится жизнь у соседей. Если Казахстан серьезно встал на рельсы модернизации и имеет впечатляющие успехи, а Узбекистан стремится максимально быстро добиться того же, то Кыргызстан и Таджикистан находятся, напомним, в самом начале этого пути. И политические, и экономические, и социальные модели в этих двух группах

категорически разнятся. Закрытый Туркменистан и вовсе занимает особое положение, что затрудняет и аналитику, и прогнозирование.

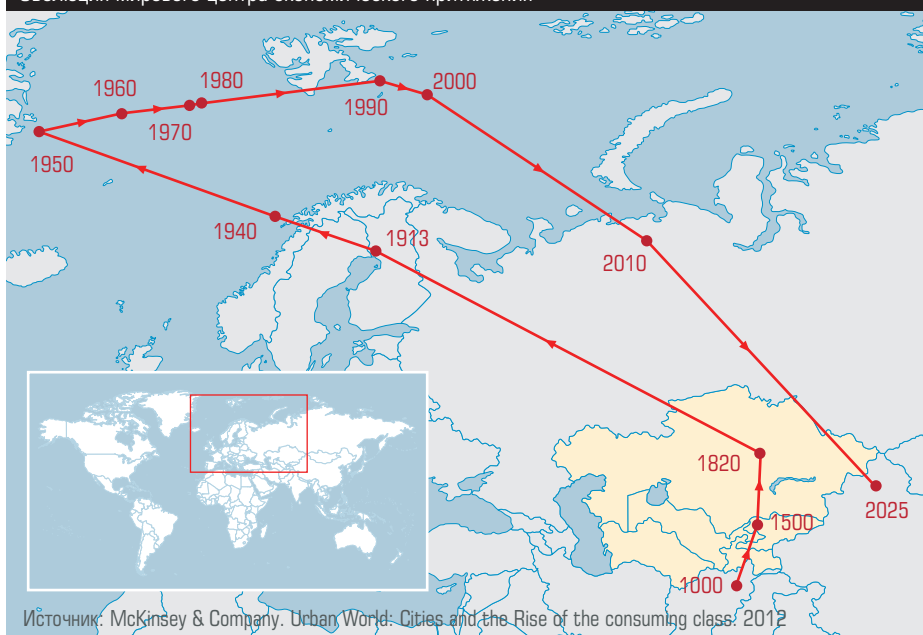
Конечно, сложно наметить контуры будущего, не имея в виду общее географическое пространство, транзитные связи, пересекающиеся национальные, религиозные, клановые общности, водные и сельскохозяйственные ресурсы соседей, перспективы общего финансового и инвестиционного рынков. С другой стороны, мы прекрасно понимаем сложности с интеграционными процессами в регионе. И даже некие намечки коммуникации, которые стали более активными в последние годы благодаря активности Нур-Султана и Ташкента, не позволяют однозначно рисовать перспективы так называемой Большой Центральной Азии, да еще включать в нее других соседей, например тот же Афганистан. Так что в качестве локомотивов прогнозирования будем иметь в виду прежде всего Казахстан и изо всех сил пытающийся запрыгнуть в вагон модернизации Узбекистан с постепенным подключением иных игроков региона.

Также специально для скептиков мы бы хотели отметить тот путь, который прошли государства Центральной Азии вопреки многочисленным алармистским прогнозам за последние 30 лет. Несмотря на слабые стартовые позиции среди постсоветских держав, развал социальных и управленческих систем, войны и нестабильность 1990-х, сегодня мы видим состоявшиеся молодые государства с зафиксированными границами и относительно работоспособными управленческими институтами. Эти страны смогли оседлать волну глобализации и с разной степенью эффективности извлекли из нее бонусы для стабилизации собственных экономик, элитных раскладов и социальной среды. Сюда снова едут туристы и инвесторы, здесь можно жить, учиться и работать. И все больше родившихся здесь людей связывают свое будущее с получившимися национальными проектами. Будем честны, 30 лет назад только отчаянные фантазеры предсказывали региону такую судьбу. А значит, и наши сегодняшние ориентиры на 30 лет вперед имеют основания и право на жизнь.

Риски

Начнем с рисков — в краткосрочной и среднесрочной перспективе они кажутся экспертам куда более понятным основанием для прогноза. Здесь нет дефицита данных, напротив, Центральная Азия дает огромный материал для анализа негативных тенденций и вызовов. Для удобства мы собрали их в отдельную схему (см. схему), а возможность для анали-

Эволюция мирового центра экономического притяжения

Центр мирового экономического притяжения в 2025 году спустя столетия практически возвращается в центральноазиатский регион, напоминая о самом бурном, богатом и перспективном времени этих территорий и ЗОЛОТОМ ВЕКЕ

за предоставим, как и договаривались, специалистам — представителям всех пяти стран региона.

В этом контексте чрезвычайно интересным кажется исследование «Центральная Азия 2027: меняющийся стратегический ландшафт и вероятные сценарии на 10 лет вперед», которое было проведено Аналитическим центром Библиотеки Первого Президента Республики Казахстан — Елбасы при поддержке Фонда имени Фридриха Эберта и Центра по изучению Китая с помощью метода интеллектуального краудсорсинга с подключением десятков экспертов всех стран Центральной Азии. Эта работа увидела свет в 2017 году, за пару лет до пандемии, но остается актуальной, несмотря на коронакризис и иные геополитические процессы, изменившие мир. Более того, ряд прогнозов подтвердились и наполнились новым содержанием.

Специалисты разделили вызовы на две группы — внутренние и внешние. Среди внешних факторов отметили угрозу региональной безопасности со стороны террористов и религиозных

экстремистов, а также влияние геополитических раскладов, а именно развитие конфликтов между политическими элитами США, Евросоюза и Китая. Сегодня стоит отметить, что эта конфронтационная линия только усугубилась. А выход американцев из Афганистана усилил давление на инфраструктуру региональной безопасности.

Интересно, что в то же время эксперты подчеркнули ключевую роль региональных организаций (ШОС и ОДКБ) и Евразийского экономического союза в развитии ситуации в Центральной Азии в ближайшее десятилетие. И подчеркнули, что Казахстан будет важной страной, с которой будут поддерживать партнерские отношения все соседи. Сегодня, спустя пять лет, к нему, возможно, стоит добавить и Узбекистан.

Среди внутренних факторов, которые выделяют эксперты, есть внутрирегиональные и внутристрановые. К первой группе относятся проблемы с водой и границами, а также возможные проблемы в отношениях между государствами региона. Более того, ряд специалистов счи-

Интеграционные сценарии

Ф

арход Толипов, доктор политических наук, директор негосударственного научного учреждения «Каваран знаний», Узбекистан:

— В геополитическом плане многое зависит от взаимоотношений и позиции крупных держав, прежде всего России, Китая, Соединенных Штатов. Наш регион на протяжении всего периода независимости с разной степенью успеха и неудач, как мы говорим на английском, ups and downs, реализовывал проект региональной интеграции. Эта интеграция не зависела сугубо от внутрирегиональных факторов, но во многом от внешних факторов.

Если внешние силы не будут препятствовать региональной интеграции, то я предполагаю, что в среднесрочной перспективе регион может с успехом объединиться. То есть Центральная Азия реализует наконец давно планируемый интеграционный проект в составе пяти государств и будет на мировой арене очередным новым регионом в ряду других, таких как Европейский союз,

ASEAN в Юго-Восточной Азии, Меркосур в Латинской Америке и т. д.

Но в то же время геополитическое соперничество держав может помешать интеграции в регионе, и тогда это будет фрагментированный регион. Есть еще, наконец, третий сценарий. Есть такие модели и сторонники этих моделей, согласно которым центральноазиатские страны могут быть только лишь частью более крупного формата, крупной региональной структуры, такой как Евразийский экономический союз. Для такого сценария есть свои «за» и «против».

Говоря о центральноазиатской интеграции, следует отметить, что имеются экономические выкладки, экономические работы, а также заявления лидеров государств, говорящих о том, что есть очень много направлений экономического сотрудничества, которые говорят о взаимодополняемости экономик стран региона. Вместе с тем с точки зрения узкого сырьевого подхода страны могут казаться конкурентами. Однако интеграционная теория, если рассматривать проблему

более академично, выводит нас на другие параметры, не сугубо экономические, но существует и еще ряд параметров, которые предопределяют интеграционный процесс.

Есть определенные вызовы в области безопасности. Есть стереотип, что самая большая угроза исходит от религиозного экстремизма и радикализма. Должен заметить, что в целом религиозный ренессанс в странах Центральной Азии преимущественно согласуется с идеей светских государств. В частности, могу сказать про Узбекистан — это самая населенная страна. Половина региона живет в Узбекистане. Около 90% населения — это мусульмане. Религиозная политика государства довольно мудро выстроена. Этот ренессанс не вызывает значительных побочных эффектов и отклонений. Религиозные свободы выражаются, например, в таких областях, как паломничество в Мекку и Медину, строительство мечетей за счет государства, религиозное образование, межрелигиозная толерантность и т. д.

Вызов со стороны экстремистов религиозных, хоть и существует,

из личного архива

но на данный момент незначительный. Есть определенные тревожные ожидания или представления о том, что ситуация в Афганистане будет ухудшаться, обостряться. И в этом смысле эта страна в ближайшем будущем будет представлять собой очаг экстремистской и террористической угрозы. Будем надеяться, что религиозно-экстремистское влияние со стороны Афганистана будет нейтрализовано. Для центральноазиатских стран в настоящее время стратегически важно выработать и придерживаться единых скоординированных позиций в отношении ситуации в Афганистане, что, несомненно, будет способствовать укреплению региональной безопасности.

тают вероятным возникновение открытых межгосударственных конфликтов. К внутристрановым факторам относят вопросы транзита власти, высокий уровень коррупции и проблемы социально-экономического характера, ведущие к росту социальной напряженности.

Повторяем, это лишь самые вероятностные вызовы и риски, которые обозначают эксперты пяти республик Центральной Азии. Часто различные исследовательские центры, как в России, так и в среднеазиатских странах, упаковывают прогнозы в различные сценарные планы, которые позволяют лучше сочетать риски и тренды, обозначенные уже сегодня. Здесь на удивление можно говорить о похожих моделях различных интеллектуальных групп с горизонтом прогнозирования в несколько десятков лет. Обозначим основные сценарные варианты.

Сценарии

Первая группа прогнозов подразумевает, что Центральная Азия рано или поздно уйдет под влияние мощных соседей. Прежде всего имеют в виду Китай и построение **синоцентричного мира**. Еще недавно ползучая китаизация региона казалась едва ли не естественным сце-

нарием развития событий. Сначала китайские инвестиции и кредиты, инфраструктура, построенная за китайские деньги китайскими же рабочими и на китайских технологиях. Затем ориентированная на Восток элита и пространство «мягкой силы» с распространением языка и культуры. Потом, возможно, общее экономическое пространство и военно-техническое партнерство с учетом общих угроз (например, со стороны талибов или радикальных исламистов).

Однако, к удивлению многих экспертов, китайское проникновение в регион в последние годы несколько замедлилось. Во-первых, в элитах сложился многовекторный консенсус во внешней политике. В последних документах, касающихся всевозможных векторов проекта «Один пояс — один путь» в самых разных регионах мира, отмечается важность учета национальных специфик государств-партнеров, разумность кредитной политики КНР, некоррупционность коммуникаций с местными чиновниками. В Пекине прекрасно понимают опасения соседей, особенно тех, которые в прошлом входили в большую китайскую империю.

Таджикский эксперт **Рустам Азизи** считает, что в обозримом будущем аль-

тернатив китайскому влиянию немного: «Есть российские или турецкие инвестиции. Но они даже чисто математически очень-очень скромные по сравнению с китайскими. И они никак не связаны с программами устойчивого развития наших стран. Естественно, все осознают угрозы, но из-за отсутствия альтернативы какой-то замены Китаю в ближайшее время пока что никто не видит».

Другой сценарий потери самостоятельности региона в пользу **постсоветской реинтеграции** кажется еще менее вероятным. России пока что не удастся сконструировать интересную для соседей модель социально-экономического развития. Впрочем, довольно эффективна евразийская экономическая интеграция, а взаимодействие в рамках ОДКБ позволяет государствам с большей уверенностью оборонять южные границы. Опять же, в Москве подчеркивают, что в первую очередь заинтересованы в коллективных экономических проектах, рассматривают Центральную Азию и как военный буфер, но ни в коем случае не планируют политическую интеграцию в какой-либо форме.

«Пока рано списывать Россию со счетов. У нее большой потенциал в Центральной Азии. Она немножко, даже не немножко, а «много» опаздывает

за теми возможностями, которые у нее есть. Теряет то влияние, которое у нее было сразу после распада Советского Союза. Но мы видим и некоторые положительные тренды. Например, открываются новые российские школы и вузы в Таджикистане, в Узбекистане», — перечисляет **Темур Умаров**, эксперт по Центральной Азии, научный консультант Московского центра Карнеги.

«Если Россия не строит своих проектов в Центральной Азии — это не значит, что никто не строит. Придут другие, другие будут строить концептуальные центры, что и происходит, например центры тюркского мира. Чтобы изменить ситуацию, в России должны произойти сильные структурные изменения, в первую очередь в исследовательских, стратегических политологических центрах», — дополняет **Марс Сариев**, политолог, эксперт по региональной безопасности в Центральной Азии.

Одно из больших достижений всех стран Центральной Азии за истекшие 30 лет заключается в выборе независимой многовекторной политики, несмотря на давление традиций, инвестиций или геополитических интересов со всех частей света. Сложно предполагать, что здесь может что-то измениться.

«Все страны Центральной Азии стремились одинаково развивать отношения со всеми партнерами. Даже сейчас, когда из-за разных геополитических факторов резко усилилось влияние России и Китая, именно в Центральной Азии, особенно после вывода войск США из Афганистана, все равно стараются находить дополнительные возможности для контактов с другими регионами мира, в том числе с Западом», — отмечает **Андрей Казанцев**, профессор ВШЭ, главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО. — Это их историческая традиция, культурная традиция данного региона. Назарбаев, наверное, единственный политик в мире, который считался личным другом Владимира Путина, Си Цзиньпина и Барака Обамы. Больше, наверное, никто в мире не мог похвастаться таким статусом». «Мне не очень нравится термин “многовекторная политика”, но и правда, игроки взаимодействуют с различными партнерами на разных уровнях», — добавляет Лука Анчески, профессор Университета Глазго, Программа европейских исследований. — Эта ситуация сильно отличается от времен холодной войны, когда логика была простой — “ты с нами или ты против нас”. Теперь центральноазиатские страны поддерживают отношения с Россией, когда дело касается энергоресурсов или вопросов безопасности. Они работают с Китаем, когда речь идет об экономических задачах. И они взаимодействуют с другими партнера-

Потенциальные риски для Центральной Азии

ПОЛИТИЧЕСКИЕ

- Нестабильные политические системы, отсутствие диалога власти и населения
- Борьба элит и кланов
- Коррупция, непатриотичность элит
- Риски «Большой игры» мировых держав
- Потеря самостоятельности (финансовой, культурной, политической) под влиянием больших держав
- Санкционные, торговые, дипломатические войны между партнерами

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ

- Истощение моделей моно-экономики и ресурсов, отсутствие модернизации
- Водно-энергетический кризис, вызовы энергоперехода
- Недоинвестирование, деградация инфраструктуры
- Деглобализация, снижение транзитных выгод
- Изменения климата, сокращение плодородных земель и доступа к воде
- «Голландская болезнь»

СОЦИАЛЬНЫЕ

- Низкий уровень жизни, имущественное расслоение, социальное недовольство
- Высокая рождаемость и «молодежный бугор»
- Кадровый голод, отсутствие кадровых лифтов, вымывание специалистов, миграция

БЕЗОПАСНОСТЬ

- Пограничные споры
- Межэтнические и межнациональные конфликты
- Исламизация и терроризм
- Сепаратизм
- Наркотоργовля
- Внешние вторжения

ми, когда нужен выход на глобальные рынки. И во всех случаях лидерам стран Центральной Азии удавалось учитывать интересы разных держав — в то или иное время, тем или иным образом, но всегда исходя из интересов своих стран».

Третий сценарий подразумевает разные форматы **внутрирегиональной интеграции**. «В Центральной Азии начали набирать силу принципиально новые тенденции регионального развития, заметно повысился уровень политического доверия, что позволило существенно активизировать связи между странами в торгово-экономической сфере. В то же время важно учитывать, что перспективы стабильного и устойчивого развития в регионе неразрывно связаны с достижением мира в соседнем Афганистане, так как обеспечение процветания стран региона невозможно без решения афганского кризиса», — говорит **Сайфиддин Жураев**, доктор политических наук, профессор Ташкентского государственного университета востоковедения. Чуть выше мы уже описали, по каким причинам такой путь затруднен. Однако надо сказать, что по многим вопросам, например для решения проблем управления водами трансграничных рек или коллективных усилий для организации «зеленого» энергетического перехода, странам Центральной Азии рано или поздно придется перейти к более тесным переговорам. Опять же, вряд ли может зайти разговор о серьезной политической интеграции и тем более формировании объединения наподобие Евросоюза. Даже с экономической точки зрения у такого расклада много возражений. Но процессы глобализации и регионализации парадоксальным образом с разными основаниями будут толкать государства друг к другу, а не наоборот. «Центральная Азия обладает мощным культурно-цивилизационным наследием, огромным ресурсным потенциалом, уникальными транспортно-коммуникационными возможностями, которые могут и должны связать Восток и Запад как системообразующий фактор. Регион сохраняет свое исключительное геополитическое значение. Происходящие здесь процессы оказывают ощутимое влияние на состояние безопасности всего континента», — продолжает Сайфиддин Жураев. — Разделить культурно-историческое наследие региона просто невозможно. Общие история и религия, единые водные артерии и транспортные коридоры — это достояние всех народов Центральной Азии. Именно поэтому главной целью (Узбекистана. — **«Эксперт»**) обозначено снижение конфликтного потенциала в регионе, укрепление доверия, налаживание взаимовыгодных связей».

Однако вариантом, который с опаской упоминают эксперты, может стать формирование так называемого Большого Узбекистана или Большого Таджикистана, то есть переформатирование границ по национальному признаку. Проблемы национализма по-прежнему актуальны в регионе. Мирным такой вариант «интеграции» точно не будет и скорее обернется масштабной региональной войной.

Исламизация региона и новый Халифат на землях Центральной Азии — сценарий четвертый, усилившийся после афганских событий или даже раньше, после разгрома ИГИЛ* в Сирии и Ираке. Общеизвестно, какое количество боевиков из всех среднеазиатских стран принимали участие в войнах на Ближнем Востоке. После замирения Сирии с помощью российских ВКС «брызги терроризма» разлетелись по всему миру. Часть приняла Африка, часть — Азия, но многое досталось и Афганистану. Талибы берут на себя обязательства додавить радикальных исламистов на своей территории. Но опасность вторжения террористических групп, сформированных по национальному признаку, остается высокой, а их вариант ислама — кровавый и заразительный для многих точек Центральной Азии, изведенных демографическими, социальными и межклановыми проблемами, с гигантским запросом местных жителей на справедливость, пусть и выученную по жестоким средневековым канонам.

«Важно понимать структуру религиозности населения Центральной Азии, — рассказывает **Рустам Бурнашев**, политолог, специалист по международным отношениям, специалист по Центральной Азии, профессор Казахстанско-немецкого университета. — До начала 1990-х годов в рамках Советского Союза у нас действовало САДУМ (Среднеазиатское духовное управление мусульман), которое объединяло все страны Центральной Азии по национальным границам. После распада СССР эта система разрушается, страны отдаляются друг от друга, и в том числе от центров исламского образования в Бухаре, Ташкенте. Образование люди начинают получать в арабских странах, в Турции. Они предлагают иную традицию взаимоотношений и мусульман между собой, и иную традицию взаимоотношений с государством. Также режимы стран Центральной Азии активно использовали религиозный вопрос, пытались показать угрозу исламу для усиления своей власти. Но уже в 2010-х годах эти тренды начали спадать, отношения между самими мусульманами и мусульманами и государством на-

Потенциал развития Центральной Азии

- Новый подход к энергетической системе региона (эффективное использование водных ресурсов, встраиваемость в энергопереход, развитие возобновляемых источников энергии, «зеленых» технологий).
- Использование доходов от ископаемых ресурсов для модернизации экономики и социальных систем
- Модернизация сельского хозяйства, выбор новых культур, ставка на экологически чистые продукты питания
- Развитие транзитной инфраструктуры по коридорам Север—Юг, Запад—Восток, а также транспортной инфраструктуры рядом с Китаем
- Диверсификация и модернизация экономики, индустриализация, производство товаров, конкурентных для встраивания в мировые торговые цепочки
- Привлечение инвестиций, развитие бизнес-климата, упрощение регуляторной среды
- Борьба с коррупцией, установление верховенства закона, воспитание эффективной бюрократии
- Усиление экономических связей между государствами Центральной Азии и торгово-экономическими объединениями иных регионов
- Инвестиции в человеческий капитал, развитие образования и медицины, стабилизация рынка труда
- Развитие современного сектора услуг, информационно-коммуникационных технологий, IT
- Развитие внутрирегионального финансового рынка

чинают стабилизироваться и входить в нормальное русло».

«Да, угроза исламизации будет сохраняться. Да, не нужно терять бдительность, но я бы не сказал, что эта угроза будет прямо до такой степени большой и значительной, чтобы она ставила под угрозу безопасность. Это просто будет перманентная головная боль, которая будет заставлять государство и соответствующие структуры быть бдительными. Но лично я не вижу — причем это на основе реальных кейсов и статистики — в наших странах какого-то потенциала для сильного исламистского движения. Оно было и остается маргинализированным, его потенциал мобилизовать массы для каких-то движений не такой, каким был, например, в арабских странах», — соглашается Рустам Азизи.

Распад региона и всеобщий хаос, к сожалению, все еще один из сценариев, в том числе по социально-экономическим причинам, изложенным выше. Молодые государства, нарезанные по границам без учета национальной, клановой и племенной специфики, остаются довольно хрупкими. Практически в каждой стране есть «проблемные» зоны со спящим протестом по отношению к центру. С другой стороны, большинство экспертов считают, что появление постсоветских национальных идентичностей можно считать свершившимся фактом. Сложно представить, чтобы какая-либо гражданская группа согласилась пересмотреть государственные положения и смогла привлечь на свою сторону большое количество сограждан, уступила бы новообретенную государственность националистам или исламистам. Данный сценарий, опять же, может стать следствием разве что большой катастрофы, затрагивающей огромные геополитические пространства.

Позитивные ориентиры

Наконец, последний сценарий — **золотой век 2.0**. Мы видим, что в отношении рисков и вызовов наши эксперты высказываются вполне определенно, хотя находят множество контраргументов. Что касается потенциала региона, то в этой части предсказания сильно зависят от мировой политической и экономической конъюнктуры, что усложняет проецирование ситуации на горизонте за 2025 годом. Как правило, специалисты сочетают несколько факторов и преимуществ, которые позволяют говорить о возможностях и перспективах, зависящих в том числе и от готовности центральноазиатских элит и населения реализовать благоприятные предпосылки.

«Нужно объединить ключевые факторы: население, ресурсы и инфраструк-

*Организация, запрещенная в России.

туру, — соглашается старший научный сотрудник, заведующий сектором Центральной Азии Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения Российской академии наук **Игорь Савин**. — За счет чего может развиваться? Прежде всего в рамках своего “срединного” положения между двумя полюсами, Европой и Китаем. Это уже началось, инфраструктура строится. Не пошло дальше, потому что противоречия между странами велики. Но я надеюсь, что все это будет. Там отсутствуют непреодолимые горные преграды для путей. Есть относительно неплохо образованное, работоспособное многомиллионное население. Мощные модернизационные процессы в недалеком прошлом. Разведанные полезные ископаемые. Пока еще держится и агрокультурный потенциал».

«Я считаю, что множество возможностей кроется в теме борьбы с изменением климата. Был тупик, связанный с тем, что общество потребления изжило себя. И сейчас появляется новая парадигма, когда нужно не потреблять бесконтрольно ресурсы, а больше вкладывать, чтобы сохранить невозобновляемые ресурсы. То есть, по сути, поменялась точка зрения, меняется принцип инвестирования. Это дает иные рабочие места, потребности в профессиях и возможности для развивающихся стран. Например, у нас в Казахстане есть огромные возможности для сельского хозяйства в сфере

Множество возможностей кроется в теме борьбы с изменением климата. Был тупик, связанный с тем, что общество потребления изжило себя. И сейчас меняется принцип инвестирования, появляется новая парадигма, когда нужно больше вкладывать, чтобы сохранить невозобновляемые ресурсы

производства натуральных, экологически чистых продуктов. Спрос со стороны соседей огромный. Есть ресурсы, которые создадут возможности для развития. Важно уметь видеть возможности и находить точки роста» — считает **Елена Бахмутова**, председатель Совета Ассоциации финансистов Казахстана.

Транзитный потенциал, который на протяжении трех десятков лет считался едва ли не главным ресурсом роста для стран Центральной Азии, сегодня оценивается некоторыми экспертами неоднозначно.

«Транзитный потенциал стран Центральной Азии достаточно специфичен, — говорит Рустам Бурнашев. — Если мы говорим о транзите “Восток—Запад”, то с точки зрения экономической модели, с точки зрения цены транзита груза из Китая в Европу приоритет остается

за морским транспортом. Для Китая это некий резервный вариант. Можно использовать зону на западе Китая, но вряд ли она может кардинально поменять значение отдельных стран Центральной Азии. Это достаточно отдаленная перспектива.

Проект, который мы рассматриваем последние пару лет с подачи Узбекистана, — это маршрут “Север—Юг”, то есть привязка Центральной Азии к Южной Азии. Она является пока политико-идеологическим конструктором. Говорить о том, что реализация кардинально изменит место Центральной Азии в мире, я бы не стал».

«Все крупные стратегические идеи были заточены под глобализацию. Все, что, казалось, является козырями, было заточено под процессы 1990-х — начала 2000-х годов, под связанность, под то,

что все друг от друга не отворачиваются, а тянутся. Соответственно, все хотели быть “мостами”, “перекрестками”. Поэтому сейчас модели будущего для Центральной Азии остаются открытыми» — считает **Иван Сафранчук**, директор, ведущий научный сотрудник Центра евроазиатских исследований ИМИ МГИМО МИД России.

Впрочем, транзитный потенциал во многом зависит от объемов грузов, которые в ближайшие десятилетия последуют по коридорам «Север—Юг» и «Восток—Запад», экономического развития стран региона, участников торговых отношений, а также объема инвестиций, которые можно направить на инфраструктурные проекты. Ряд экспертов предлагают посмотреть на вопрос шире и включить в прогнозирование территорию Афганистана — это значительно упростит логистику по всем направлениям и экономические затраты на транзит. Включение этой страны в товарные цепочки одновременно решает и проблему безопасности в данном регионе (и даже в нескольких регионах), что подключает к теме сразу трех крупных участников — Россию, Китай и коллективный Ближний Восток.

«Многое зависит от возможностей Афганистана, Пакистана, Индии, Китая, Ирана конструировать взаимодействие с талибами по созданию долгосрочных инфраструктурных проектов, бизнес-проектов, желания перейти в фазу проектирования ситуации в регионе, — размышляет Марс Сариев. — В настоящее время мы наблюдаем попытки проектирования, если вы заметили позицию Кыргызстана (визит Масадыкова в Афганистан), визит министра иностранных дел Камилова (Узбекистан), встречу с туркменской правительственной делегацией, с узбекской по поводу Афганистана. Это инфраструктурные проекты, которые предлагаются по линии “Один пояс — один путь”, и транспортные коридоры, которые пытается построить Иран совместно с Индией. Именно этот инженерный проектный подход стабилизирует ситуацию в Центральной Азии и переведет Афганистан в режим устойчивого развития».

Интересно, что все эксперты высказывают консолидированную точку зрения: опираться на чистый транзит невыгодно и непродуктивно для всех стран Центральной Азии. Необходимо встраиваться в мировые торговые цепочки с собственным конкурентным продуктом. Это также верно с учетом исчерпаемости большого количества месторождений на горизонте 20–30 лет (либо недоинвестирования разведки или низкой рентабельности ряда проектов по добыче полезных

ископаемых). А также на фоне бесперспективности сложившихся в регионе моноэкономик, основанных на добыче и экспорте углеводородного сырья, золота, редкоземельных ресурсов, хлопка или денежных переводах из-за рубежа.

Необходимость модернизации экономики встречает общее понимание и наших экспертов, и руководящих элит практически в каждой стране Центральной Азии. Но темпы обновления, исходя из хозяйственных предпосылок, кадрового потенциала и доступа к инвестициям, кардинально разнятся.

«Изменение экономического уклада требует серьезных ресурсов и причин для использования этих ресурсов. Как правило, такой уклад меняется либо в результате целенаправленно разработанной программы модернизации, либо в результате того, что эта модернизация становится жизненно необходимой в силу исчерпания тех или иных ресурсов, — говорит Рустам Бурнашев. — В Таджикистане и Кыргызстане ситуация не меняется, у них не было доступа к серьезным природным ресурсам, и предполагать, что природный фактор подтолкнет их к изменению стратегии развития, крайне сложно. Программу модернизации эти страны пока не выдвигали, а отдельные инициативы носят скорее идеологический характер. В Туркменистане ситуация специфическая. Мы понимаем, что углеводородное сырье будет истощаться и значимость углеводородного сырья будет снижаться, поэтому объективные факторы должны подталкивать Туркменистан к модернизации, но в силу того что там действует очень специфический режим, оснований для модернизации там не вижу.

Казахстан показал себя наиболее по сравнению с соседями готовым к модернизации и уже добился в этом вопросе впечатляющих результатов. Перспективным в данном случае может рассматриваться Узбекистан. Там переход власти от одного президента к другому совпал одновременно с изменением экономической модели и отчасти политической. Там деньги вкладываются не столько в банковский сектор, сколько в реальную экономику, делаются попытки создания предприятий и модернизации действующих предприятий».

«Я думаю, что есть перспектива в развитии внутреннего рынка, который достаточно емкий, — дополняет **Юрий Солозобов**, политолог, профессор, директор по международным проектам Института национальной стратегии. — Во-вторых, во встраивании в мировые транспортные производственные цепочки. Например, немцы хотят перевести производство из России в более деше-

вый и теплый Узбекистан и там производить и продовольственные товары, и промышленные товары, товары индустриальные, которые будут и дешевле, будут выкупаться уже подросшей Центральной Азией. Раньше это была нищета. Теперь рынок подрос, там можно продавать. И плюс экспортировать на рынки всего Евразийского союза, в том числе и в Россию.

Казахстан имеет большой потенциал в плане производства продовольствия, для развития и мясного животноводства, и зерновых, масличных культур. Если “зеленая” революция там пройдет, то у Казахстана возможностей станет еще больше. Там все есть — демографический потенциал, сборочный потенциал. Сейчас инфраструктурные проблемы решаются постепенно через “Шелковый путь” и не только. Идут контейнеровозы, обсуждается мост через Каспий».

Тема четвертой индустриальной революции набирает популярность у экспертов и политических элит государств Центральной Азии, а модернизационные программы становятся все более содержательными. Помимо доступа к инвестициям и технологиям есть и кадровая проблема — дефицит специалистов. Вопрос, впрочем, дискуссионный. С одной стороны, большое количество молодого трудоспособного населения, в большей

из открыток историков

За 30 лет Центральную Азию ожидают четыре важнейших преобразования. Население должно перейти из сельского типа к городскому. Ресурсная экономика должна стать диверсифицированной. Управленческая модель превратится из командной в рыночную. А политические и общественные институты станут инклюзивными и подотчетными

степени малообразованного, которое в поисках лучшей жизни разъезжается по окрестным странам. С другой стороны, перспективный актив под масштабные промышленные преобразования. Не случайно локомотивы региона, в первую очередь Казахстан, давно вкладываются в образование и развитие человеческого капитала.

«Большой риск также связан с соседями, которые переживают демографический бум, — продолжает **Каирбек Арыстанбеков**, директор Института экономической политики Казахстана. — Мы знаем, что Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан имеют профицит рабочей силы, оттуда идут сильные миграцион-

ные потоки. То есть эти страны экспортируют трудовые ресурсы, получая взамен приток валюты в виде денежных переводов мигрантов. В ближайшее время их конкурентоспособность может значительно снизиться под воздействием так называемой голландской болезни. Наши последние исследования показывают, что она возникает не только в результате экспорта углеводородных ресурсов. Оказывается, она присуща странам, которые получают мощный приток валюты из-за рубежа, в первую очередь за счет денежных переводов трудовых мигрантов.

Безусловно, эта «болезнь» лечится качественной денежно-кредитной политикой и зависит, скажем, от политики валютно-

го курса. Большое значение также будет иметь макроэкономический индикатор, который определит перспективы развития этих стран, — это платежный баланс по текущему счету. То есть те страны, которые смогут обеспечить профицит текущего счета платежного баланса, ожидает большой успех, экономический бум. А тех, кто не сможет этого сделать, ждет экономическая волатильность; там не будет высоких темпов экономического роста, не будут эффективно решаться накопившиеся социальные вопросы».

В Азии, как в Европе

В заключение хотелось бы обратиться к исследованию «Перспективы развития Центральной Азии до 2050 года», выполненному международным коллективом авторов из США, Великобритании, Индии, Китая и других стран по заказу Назарбаев Университета в 2016 году. Оно интересно в первую очередь смелостью прогнозов, довольно четким видением 30-летней перспективы и концептуальным советом по развитию региона. Конечно же, авторы предупреждают, что их выводы не являются гарантированными и также во многом зависят от ситуации на мировых рынках и волевых решений в странах Центральной Азии. В то же время специалисты подчеркивают, что стремятся выйти за рамки использования ресурсного и логистического потенциала, и обращают внимание на внутренние резервы, внутренний рынок, предлагают локальные модернизационные стратегии.

В представлении этого коллектива исследователей золотой век 2.0 для Центральной Азии выглядит таким образом: к 2050 году подавляющее большинство местного населения будет средним классом с соизмеримым доходом и качеством жизни. Средний доход на душу населения подскочит с 10 тыс. долларов в 2014 году до 50 тыс. долларов в 2050 году (по ППС 2011 года). Социальные, институциональные и управленческие показатели достигнут как минимум уровня Южной Кореи и Центральной Европы. Прогноз, заражающий амбициозностью.

За 30 лет Центральную Азию ожидают четыре важнейших преобразования. Население должно перейти из сельского типа к городскому. Ресурсная экономика должна стать диверсифицированной. Управленческая модель превратится из командной в рыночную. А политические и общественные институты станут инклюзивными и подотчетными. В таком случае регион ожидает бурный экономический рост. Однако важно, чтобы дивиденды от этого роста получали в равной степени все слои населения, а не только элита. Индустриализация сопровождалась повышением производительности

из отчета Ю. Ю. Ю. Ю.

Сельское хозяйство выиграет от технологических и социальных инноваций и формирующегося среднего класса с его потребностью в более разнообразной и качественной пище. Это перспективный сектор для молодых и образованных сельских работников

труда. А также соблюдалась приверженность Целям устойчивого развития и сохранялось экологическое благополучие.

Авторы предлагают сосредоточиться на следующих стратегических направлениях.

Эффективность и устойчивость развития энергетики. Это касается не только и не столько решения водной проблемы, но и учета грядущего «зеленого перехода», развития возобновляемых источников энергии, гидроэнергетики, новых энергетических технологий. При этом использование ископаемых источников энергии должно развиваться в соответствии с нормами «зеленого перехода», учитывать риски климатических изменений и быть направлено на извлечение разумных инвестиций для модернизации государств Центральной Азии.

Модернизация сельского хозяйства, которое только выиграет от техноло-

гических и социальных инноваций и формирующегося среднего класса с его потребностью в более разнообразной и качественной пище. Хлопок и пшеница останутся важным агресурсом региона, однако нужно продумать переход к выращиванию иных сельскохозяйственных культур с учетом спроса на соседних и мировых рынках. Это перспективный сектор для молодых и образованных сельских работников, развитие которого позволит решить множество социальных проблем в Центральной Азии.

Диверсифицированная и конкурентоспособная экономика, основанная на знаниях, требует развития производственного сектора, интегрированного в евроазиатские и мировые цепочки поставок, а также современного сектора услуг, информационно-коммуникационных технологий, транспорта и логистики,

современного финансового и делового рынков. Необходимо сосредоточиться на развитии бизнес-климата, образовательных услуг, развитии кадров, строительстве «умных» городов, облегчении доступа к инновациям и технологиям. Адресная государственная поддержка должна сочетаться с мощным развитием частного сектора и привлечением иностранных инвестиций. Особенно важный и долгий путь предстоит пройти странам Центральной Азии в направлении развития человеческого капитала, медицины, институтов социальной поддержки и гарантий.

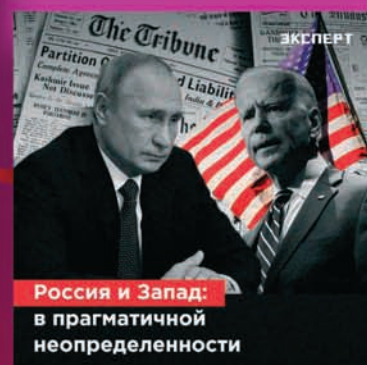
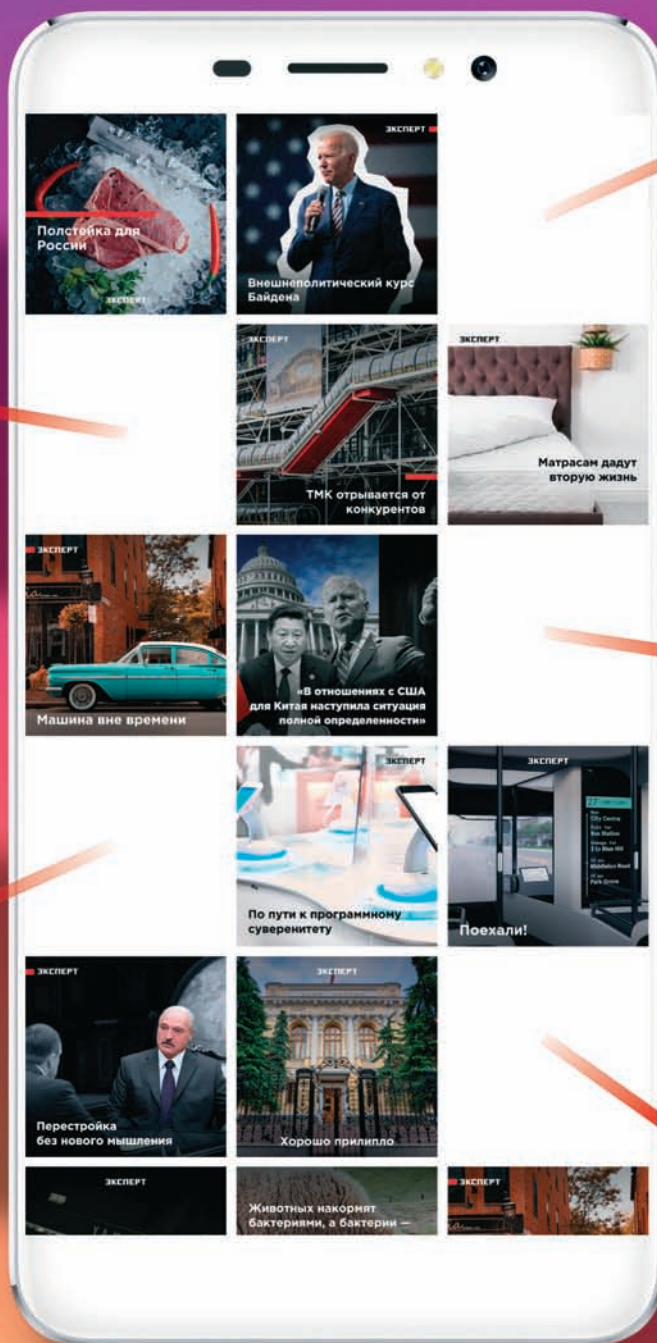
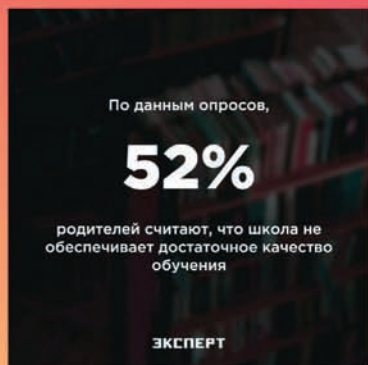
Все это требует более тесного сотрудничества и усиления экономической интеграции между соседями и с остальным миром, интенсивного развития управленческих институтов, прозрачной, ответственной и эффективной власти. Процесс институционального развития должен быть основан на следующих пяти ключевых принципах: агрессивной борьбы с коррупцией, установления верховенства закона, результативной бюрократии, прозрачного взаимодействия с государством и политической легитимности, основанной на доверии.

Реализовать все эти замыслы будет непросто. Однако само движение к амбициозным целям позволит Центральной Азии усилить вектор своего развития как перспективной точки мирового роста и через 30 лет стать еще более важной и даже незаменимой частью глобальной экономики. ■

Instagram

ЭКСПЕРТ

expert.russia

реклама

